

PG

3493.44

E63

E48

2009

Роман Сенчин

ТЫШШЕВЫ

Роман Сенчин

ЕЛТЫШЕВЫ

ЭКМО

Москва

2009

Оформление *Е. Гузьяковой*

Сенчин Р.

С 31 **Елтышевы : роман / Роман Сенчин. — М. : Эксмо, 2009. — 320 с. — (Проза жизни. Лучшие современные авторы).**

ISBN 978-5-699-35738-3

«Елтышевы» — семейный эпос Романа Сенчина.

Страшный и абсолютно реальный мир, в который попадает семья Елтышевых, — это мир современной российской деревни. Нет, не той деревни, куда принято ездить на уик-энд из больших мегаполисов — пожарить шашлыки и попеть под караоке. А самой настоящей деревни, древней, как сама Россия: без дорог, без лекарств, без удобств и средств к существованию. Деревни, где лишний рот страшнее болезни и за вязанку дров зимой можно заплатить жизнью.

Люди очень быстро теряют человеческий облик, когда сталкиваются с необходимостью выживать. И осуждать их за это может только тот, кто сам прошел путь возвращения: от успеха и денег — к нищете и страху, от сытости — к голоду и холоду...

Сенчин жесток и не жалеет никого — но в этой жестокости кроется очищение. После «Елтышевых» не так-то просто будет сказать привычное «люблю». Это слово для вас изменится на вкус...

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-35738-3

© Сенчин Р., текст, 2009

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2009

Глава первая

Подобно многим своим сверстникам, Николай Михайлович Елтышев большую часть жизни считал, что нужно вести себя по-человечески, исполнять свои обязанности, и за это постепенно будешь вознаграждаться. Повышением в звании, квартирой, увеличением зарплаты, из которой, подкапливая, можно собрать сперва на холодильник, потом на стенку, хрустальный сервиз, а в конце концов — и на машину. Когда-то очень нравились Николаю Михайловичу «Жигули» шестой модели. Мечтой были.

Что-то, конечно, сбывалось. Дали двухкомнатную квартиру, правда, получая ключи, ни сам Николай Михайлович, ни жена не придали значения тому, что квартира эта ведомственная, — просто радовались. Квартира была просторной, огромной казалась, и двое сыновей, девятилетний Артем и шестилетний Денис, даже носясь по ней ураганом, разбрасывая игрушки, не мешали, не путались под ногами, как раньше. Каждому хватало места... В звании худо-бедно, но повышали — от сер-

жанта до старшего лейтенанта Николай Михайлович продвигался почти в соответствии с выслугой лет. И зарплата тоже позволяла подкапливать, и в восемьдесят седьмом купили машину, пусть не шестую модель, а третью, с рук, с пробегом сорок тысяч километров, но все же... Плохо, что участок под гараж долго не давали — стояла машина во дворе, постепенно поедаемая по низу кузова ржавчиной. Зато потом удалось купить гараж готовый — заливной, с печкой, подвалом, смотровой ямой. Отличный гараж. А когда «Жигули» износились, продали на запчасти, добавили денег, взяли «Москвич» двадцать один сорок один.

Да, до поры до времени жизнь текла пусть не просто, но в целом правильно, как должно. Вместо черно-белого «Рекорда» появился сначала цветной «Рубин», а потом «Самсунг», вместо громоздкого фанерного серванта — высокая, изящная, вместительная стенка. Старший сын, Артем, закончил школу, и не восьмилетку, как когда-то Николай Михайлович (вынужден был идти работать — матери четверых детей было не прокормить), готовился поступать в пединститут, на истфак; младший учился в школе неплохо, боксом занимался. Жена работала в центральной библиотеке города...

Тот момент, когда, как в сказке про богатыря, нужно было выбрать путь, по которому двинуться дальше, Елтышев проспал. Точнее,

не момент это был, а несколько тягостных и в то же время суматошных, переломных, как оказалось, лет. Да и не спал Николай Михайлович, а наблюдал, взвешивал, примеривался, не веря, что ход жизни ломается всерьез и появляется шанс вырваться вперед многих.

Позже, больно сжимая кулаки, Николай Михайлович вспоминал, как ему предлагали увольняться со службы, «заняться делом», «вступить в долю», как появлялась то одна, то другая возможность действительно изменить судьбу. Но он не решался. Может, и правильно поступил — пять-шесть человек из тех, кто предлагал, быстро не стало. Убили. Еще нескольких посадили, но некоторые жили теперь так, что не подойти, — они на другом уровне. Хм, как в сложной компьютерной игре, на выигрыш в которой можно потратить годы... Да, не согласившись пойти с ними, испытать те опасности, что ждали на пути к настоящему, теперь приближаться к победителям Елтышев не имел права. Нужно было или смириться со своей участью, или попробовать их догнать, а значит, стать их конкурентом, соперником. Правда, исчезли уже те возможности, какие были в начале девяностых, когда с нуля — горлом, кулаками, за бутылку коньяка — можно было завести свое дело. Открыть бизнес. Да и возраст... Пятьдесят все-таки.

Постепенно росло, обострялось раздражение. Раздражала съездившаяся от вещей и вы-

росших сыновей, располневшей жены квартиры; раздражало гудение газовой колонки, которой когда-то, после житья в бараке, так радовались; раздражала служба, однообразная, отупляющая, несмотря на все усилия, не приносящая нормальных денег; раздражали дорогие машины на улицах, нарядные витрины, пестрые людские ручки на тротуарах. И самое обыденное раздражало — каждый вечер, раздевшись, ложиться в кровать, зная, что уснет не скоро, еда раздражала, вся какая-то безвкусная, пресная, но которую необходимо запихивать в рот, разжевывая попорченными зубами, глотать; шнурки раздражали, выщербленная бетонная лестница в подъезде... «Вот так все это и будет, — долбилось в мозгу чугунной гирькой, — так и будет». И иногда вдруг пронизывала боязливая, почти старческая мысль: «Лишь бы не хуже».

Но многие завидовали Николаю Михайловичу. После длинной очереди, нешуточной борьбы ему удалось получить должность, считавшуюся блатной: дежурный по вытрезвителю. И поначалу Елтышев радовался каждому дежурству — дежурил сутки через трое, — ожидал чего-то чудесного... Да нет, не «чего-то», а вполне реального пьяного вусмерть богатея с набитыми деньгами карманами.

Случаи такие, если верить вытрезвительским преданиям, бывали, и тогда дежурные сами в мгновение ока становились богатыми.

А один за пару месяцев собрал таким образом себе на «Тойоту»...

Елтышеву не то чтобы совершенно не везло, но приработок был неизменно мелким, оскорбительно убогим, и дежурство в основном уходило на пустую грязную возню с подзаборными алкашами. И в конце концов он потерял веру в счастливый случай, на дежурство шел через силу, с чувством обиды. Обиды, хоть и старался в этом не признаваться, на самого себя.

Та, как оказалось, последняя смена началась обыкновенно — к пяти часам вечера двадцать четвертого апреля две тысячи второго года выпавшийся, плотно пообедавший, но какой-то застарело усталый Елтышев вошел в дежурное помещение.

Вытрезвитель размещался в самом центре города, но со стороны был неприметен — так, одноэтажное серое зданьице с маленькими пыльными окнами. Но знающие, что находится здесь, старались обходить его подальше, тем более если были под мухой. И только милиционеры, врачи и родственники попавшихся шли сюда прямой дорогой, открывали толстую деревянную дверь и на время исчезали в темном, душном, жутковатом мирке...

В дежурке по разные стороны стола сидели старлей Пахомин, у которого Елтышеву предстояло принять суточную вахту, и па-

рень лет двадцати пяти. Парень нахохлившийся, словно замерзший, лицо кислое.

— Ты пойми, — негромко, но убедительно, веско говорил Пахомин, — что выйти отсюда ты можешь, только уплатив штраф. Э? Двести шестьдесят четыре рубля. Сто двадцать у тебя имелось при себе. Нужно еще... э-э... еще сто сорок четыре. Округляем — сто пятьдесят. Э?

Николая Михайловича раздражало это дебильноватое пахоминское «э», но и сам он — замечал за собой — в разговоре с такого рода клиентами то и дело употреблял нечто подобное. Чтобы понятней было.

— Ну я же говорил сколько раз, — замямлил парень, — у меня нету...

— Найди, — перебил Пахомин. — Займи. Есть родственники, знакомые. Мы тебя свозить даже можем. Э? Мы возим.

Парень подвигал плечами. Молчал.

— С-слушай, — Пахомин начал терять терпение, — у тебя ни паспорта нет, никаких документов. В курсе — э? — я тебя могу на трое суток оформить. До выяснения личности. Как?

Парень молчал.

Николай Михайлович приподнял руку, взглянул на часы. До начала дежурства оставалось двадцать минут. А еще надо дела принять.

— Слушай, Виталий, — обратился он к Пахомину нарочито небрежно, даже как-то с веселинкой, — а вези его в отдел и оформляй

на пятнашку. Чего нянчиться? Акт составите, что оказывал сопротивление, тут всю ночь колобродил...

Пахомин подхватил:

— Да, пускай пометет улицы, а лучше — сортиры попидорит. Я позабочусь. Э? — Захлопнул папку с квитанциями. — Давай поднимайся, — велел парню, — поехали в ГОВД. Там ночь перекантуешься, а завтра — суд.

— Ну, это, — парень испугался, — я же...

— Чего еще? — Старлей распалил себя. — Давай-давай.

— У меня тетка... У нее можно попробовать. Но она убьет.

— Кого эт убьет? — показно насторожился Елтышев.

— Ну, меня. Что я здесь...

— И правильно. Пить надо меньше. А оплату услуг медвытрезвителя еще никто не отменял. Э? — Пахомин обернулся к курящему возле обезьянника сержанту: — Серег, свози уважаемого. Далёко тетка-то живет?

— Да нет, не очень. За автовокзалом там...

— И ладушки. Найдешь сто пятьдесят рублей — возвращаем вещи, и гуляй-отдыхай.

Сержант вывел парня. На улице завелся «уазик».

Пахомин изможденно отвалился на спинку стула, прикрыл глаза.

— О-ох-х...

— Как оно? — зная ответ, из приличия спросил Елтышев.

— Да хреново. Одна нищета опять... Спать хочу... Еще этого мутанта ждать.

Елтышев покивал:

— Давай дежурство пока приму.

— Дава-ай.

Спустились в подвал, где в основном и размещался вытрезвитель, заглянули в камеры-палаты, в туалет, раздевалку. Все было в порядке. Поднялись обратно в дежурное помещение. Елтышев расписался в журнале.

— Что, накатим трофейной? — слегка повеселев, предложил Пахомин; выдвинул ящик стола. — «Московская» есть, «Колесо фортуны», «Земская». Э, какую?

— Без разницы... «Колесо».

Старлей достал бутылку, покругил оценивающе.

— Да вроде нормал. И мужик приличный, с портфелем. Какой-то юбилей, говорит, отмечали, переборщил.

— Наливай.

Алкоголем Николай Михайлович не увлекался, в запой не уходил, но выпить граммов двести всегда был не против. Водка действовала на него благотворно — не одуряла, а словно что-то смывала внутри, какой-то ядовитый налет.

У Пахомина оказалась и закуска — запечатанная нарезка лосося, круг копченой колбасы, беляши в целлофановом пакетике, шоколад... Все это имели при себе попавшие в вытрезвитель за минувшие сутки.

— Ну, за удачу.

— М-да, удача не помешает.

Чокнулись пластиковыми стаканчиками...

Без нескольких минут пять появились двое сержантов и врачиха, полная, угрюмая тетка с мужским лицом — те, с кем предстояло Елтышеву отработать предстоящие сутки.

В начале шестого вернулся с деньгами паренек, получил вещи, квитанцию и был отпущен.

— Ну, все, — выдохнул Пахомин, сложив бутылки и еду в сумку. — Счастливо!

Николай Михайлович уселся за стол, огляделся, привыкая к помещению, стулу, обстановке.

Дежурка невелика, сумрачна, и несколько ламп не могут наполнить ее светом, жизнью... Стены шершавые, окрашенные в бледно-зеленый цвет, два окна, зарешеченные, заросшие пылью, кажутся черными провалами. Вдоль стен — скамейки без спинок, слева от входа узкий обезьянник для буйных задержанных; стол стоит напротив входа, и почти за спиной Николая Михайловича — лестница. Скоро по ней поволокут пьяных, и снизу будут лететь крики, рычание блюющих и матерящихся алкашей. «Ох, как все надоело», — поморщился Елтышев.

Рядом с ним устроилась врачиха в белом, но застиранном до серости халате, открыла термос, налила в чашку кофе... Она никогда не пользовалась казенной посудой, электро-

чайником — все приносила из дому. «Брезгуй, брезгуй». И Николаю Михайловичу предстало, что она вдруг заболевает какой-нибудь кожной болезнью. Сыпь, раздражение, гнойники...

Он выдвинул ящик, где лежала оставленная Пахоминым ополовиненная бутылка «Колеса фортуны», стаканчики, шоколадка. Позвал сержантов:

— Что, орлы, перед работой по капле. За урожай...

Часов до десяти вечера было спокойно и скучно. Дэпээсники и пэпээсники, конечно, доставляли задержанных, но по одному, изредка. Все пьяные были немолодые, как на зло, безденежные. Падали на стул перед столом, за которым сидели Николай Михайлович и врачиха, тупо мычали, вяло доказывали, что почти трезвы.

Сержанты обшаривали их карманы, снимали с запястья, у кого были, часы. Елтышев производил опись вещей, составлял акт, врачиха давала медицинское заключение.

Потом сержанты вели их вниз. Заставляли раздеться, выдавали одеяла, запирали в камерах-палатах. Возвращались в дежурку, курили, зевали.

А после десяти стало повеселей. То и дело к дверям подъезжали «узики» и «Жигули», в дежурку вводили или втаскивали клиентов.

Двое-трое были в полном отрубе и при деньгах. Хоть и небольших, но все же. Радуюсь, что их не обобрали при задержании, Елтышев делал опись. Вместо «3320 рублей» у одного записал «1320 рублей», у другого вместо «2598 рублей» — «598 рублей». Мысленно получившиеся четыре тысячи поделил среди своих: по тысяче пятьсот им с врачом, по пятьсот — сержантам.

Около двенадцати привезли сразу шестерых. Молодые парни, ершистые; пьяные, конечно, но больше — возмущенные задержанием. Одному даже руку пришлось заломить.

— У «Летучей мыши» взяли, — объяснил дэпээсник. — Там концерт сегодня, бухих будет до жопы.

— Вези-вези, — покивал Николай Михайлович. — Всем место найдем...

С парнями пришлось повозиться. Признавать свое алкогольное опьянение они отказывались, то предлагали договориться, то начинали угрожать и хамить; тот, кому заламывали руку, утверждал, что он журналист.

— Ну-ка, журналист, — не выдержала обычно молчаливая врачиха, — присядь десять раз.

— Что?! Я вам кролик подопытный, что ли?

— Тогда оформляем, — врачиха взяла ручку. — Фамилия-имя-отчество?

— Да с какой стати?!

— С такой — у тебя налицо вторая степень. Давай-давай документы.

Назвавшийся журналистом блядькнул и

стал приседать. Его повело, завалился набок. Врачиха усмехнулась:

— Ну вот, а говоришь — нормальный.

— Да я устал просто!..

С горем пополам удалось обработать парней и спустить вниз. Денег при них оказалось в общей сложности тысяч пять, но забирать часть Елтышев опасался — все-таки не настолько пьяные. Еще начнут ходить куда-нибудь, заявы катать.

— Ох, жарко-то как, — выдохнула врачиха и достала из пакета бутылку с водой. — Лето совсем, а они всё отопление...

— На следующей неделе опять похолодание обещают, — без охоты ответил Николай Михайлович.

С этой врачихой они дежурили довольно часто, но, бывало, за сутки не обменивались и десятком фраз. Сидели за одним столом, а как бы и порознь, каждый выполняя свою работу. В конце смены делили деньги, расходились... Когда Елтышев натыкался взглядом на огромное ее лицо, на толстые руки, его окатывало отвращение, и он с жалостью представлял мужа врачихи. На ее безымянном пальце, почти заросшее кожей, желтело обручальное кольцо... Как он с такой, бедолага...

Но тут же вспоминалась его собственная жена — тоже полная, тоже с окаменело-угрюмым выражением на лице. «А ведь такой девчонкой была...» Когда была?.. Лет тридцать назад. А потом потекло, потекло, и нечего вспом-

нить, нечему удивляться... И не поймешь, когда вместо девчонки, от которой не отлипал, рядом оказалось привычное, необходимое, но неинтересное существо. Жена.

Подвозили новых, новых. Грязных и чистеньких, невменяемых и на вид почти трезвых, агрессивных и тихих; ячейки в сейфе заполнялись разным карманным барахлишком, в основном убогим и бесполезным. Денежных клиентов все не было — так, мелочь, мелочь. Николай Михайлович сидел за столом на своей половине, то и дело возвращаясь к подсчетам, сколько удалось уже за сегодня наварить, мечтал о приятном сюрпризе. Иногда подходил к двери на улицу, без охоты курил горьковатую «Яву», без аппетита жевал остывшие домашние пирожки с картошкой. Пару раз глотал по полстаканчику водки, чтоб взбодриться. Поглядывал на часы.

Время тянулось изматывающе медленно, а около двух ночи, когда поток задержанных прекратился, почти остановилось. Теперь если и привезут кого, то уж точно подзаборника-обоссанца, вонючего бичару. Ловить больше нечего.

Врачиха достала книжку в мягкой обложке, посалывая от удовольствия, стала читать; сержанты сняли с сейфа нарды. Хм, у каждого занятие, а он что, Николай Михайлович Елтышев?..

Он не имел особенных увлечений, жил как-то все по обязанности, а не для души. После седьмого класса пошел учиться на слесаря, потом два года работал на вагоностроительном заводе. Конечно, выпивали с ребятами, ходили на танцы; двое его сверстников занимались в самодеятельности и как-то неожиданно и легко поступили в училище культуры, еще один пошел по комсомольской линии, еще один занимался борьбой, стал мастером спорта, на соревнования ездил. Елтышев же нормально работал, обыкновенно отдыхал, в девятнадцать ушел в армию, после нее, когда увольнялся, предложили пойти в милицию. Он согласился. И вот к пятидесяти годам — капитан. Майор если и светит, то только накануне пенсии... Такая линия жизни.

Правда, и те — артисты, спортсмен, комсомолец — исчезли из виду, потерялись, никто не стал заметным человеком. Но они жили, наверно, какое-то время интересно и ярко.

Были и у Елтышева шансы, были. Но — прозевал, отказался, слишком долго думал. Да и семья держала, двое пацанов. За них боялся и не лез в пекло. А выросли... Старший никуда не поступил, в увальня превратился, в двадцать пять — ребенок ребенком, а младший... С младшим вообще беда: в драке бахнул одного в лоб кулаком и сделал клоуном. Теперь тот инвалид, а сын на пять лет в колонии.

Знал Николай Михайлович, что шепчутся

об этом соседи, знакомые — сам, мол, мент, а сын сидит, — ловил иногда усмешливые взгляды и на работе, но сдерживался, старался не замечать, не принимать близко к сердцу. Иначе, боялся, тоже кому-нибудь перелобанит.

В юности он не выделялся силой и мощью, может, оттого, что жила их семья бедно, ели неважно. Но годам к тридцати пяти замахнулся, ощутил что-то в себе стальное; валун себе напоминал, который, если столкнуть, все на своем пути в лепешку раздавит. И сослуживцы, когда собирались в спортзале тренажеры помучить, удивлялись: «Здоров ты, Николай Михалыч! Штангой по юности не занимался?» А он отшучивался: «Борьбой занимался без правил».

Около четырех внизу стали покрикивать. Сначала в туалет просились, и сержанты сводили нескольких. Потом появились просьбы дать воды, домой позвонить, выпустить. Шумела в основном компания, которую привезли от клуба «Летучая мышь».

Когда крики переросли в колочение в дверь и скандирование: «Во-ды! Во-ды!.. До-мой! До-мой!» — Елтышев не выдержал:

— Давайте-ка их успокоим.

Втроем — он и сержанты — спустились.

— Кто тут домой захотел? — спросил Николай Михайлович, остановившись в центре коридора.

— Я! Я! — сразу из нескольких камер.

— Добро. Выводи, Ионов.

Сержант Ионов, звеня ключами на большом кольце, открывал двери, желающие выходили в коридор, и их отводили в крошечную — метра четыре квадратных — комнатку с большой батареей-змеевиком, прутьями под потолком (сушилка, что ли, когда-то была). В ней техничка держала швабры и ведра, мешок с хлоркой, а иногда там запирали наиболее буйных — потенциальных пятнадцатисуточников. Но сегодня, то ли от собственных невеселых размышлений, то ли от того, что недовольных оказалось так много, Елтышев набил комнатку под завязку. Четырнадцать человек — всех, кто требовал выпустить.

— Пойдите, подумайте, — сказал и хлопнул дверь, поднялся в дежурное помещение, снял фуражку, вытер платком пот со лба.

— Ох, жара-то какая, — заметила его движение врачиха. — Надо на дачу ехать, вишни, сливы распаковывать. Не дай бог сопреют.

Елтышев неприязненно мыкнул, сел за стол. Дачи у него не было; несколько раз собирався взять участок, но начинал раздумывать, подсчитывать — придется доски покупать на забор, домишко какой-нибудь строить, чернозем завозить — и оставлял эту затею. А теперь жалел, конечно, да поздно — теперь задарма земли нет, каждая сотка какие-то огромные тысячи стоит...

С полчаса внизу было относительно тихо

(похмельные стоны, хриплые матерки, не в счет), а потом в дверь комнатухи задолбили:

— Дышать нечем! Откройте, ур-роды!

Удары усиливались; Елтышев не выдержал:

— Ионов, прысни им там перцу через скважину. Что-то вообще охренели сегодня.

Сержант ушел. Крики на минуту смолкли — набитые в комнатуху, наверное, надеялись, что их сейчас выпустят, — и возобновились, но уже в несколько раз сильнее, переросли в выворачивающий кашель, вой. Когда вой сменился совсем уж нечеловеческими звуками, врачиха оторвалась от чтения:

— Да что там происходит?!

— Пуска-ай, — поморщился Николай Михайлович, — может, вести себя научатся...

Еще минут через десять, по настоянию врачихи, дверь открыли.

Из комнатухи вырвалась волна отравленного горячего воздуха; врачиха, поперхнувшись, отшатнулась. На полу, один на другом, корчились недавние недовольные.

Глава вторая

В последнее время Валентина Викторовна часто стала задумываться о прошлом. Воспоминания накатывали неожиданно, как приступ болезни, придавливали, лишали сил. И приходилось бросать дело, каким занималась, садиться и на несколько минут покоряться этому приступу — думать о прошлом, по новой переживать моменты жизни, словно от уколов, вздрагивать от мыслей: здесь бы подправить, здесь изменить... Полвека позади. В общем-то, вся женская жизнь. Впереди — старость.

Когда-то, девчонкой, она представляла старость как счастливое время, желанный отдых. Она видела степенных стариков и старух, достойно, умно, полезно проживших жизнь и теперь отдыхающих. Раз в месяц почтальоны приносят им пенсии, и старики, неспешно нацепив очки, тщательно, уважительно расписываются в ведомости. Взрослые сыновья и дочери приводят им внучат, и старики учат их тому, чему могут научить только они, узнавшие все тайны жизни. Они никуда не то-

ропятся, они по-особенному чувствуют солнце, видят красоту листьев, по-особенному вдыхают воздух...

Но то ли это было ее детскими фантазиями, то ли старость теперь стала другой — Валентина Викторовна не чувствовала скорого покоя. Наоборот — жизнь требовала отдавать себе сил все больше и больше, спешить, торопиться, решать бесконечные проблемы, переносить беды одну за другой. И вот уж совсем катастрофа — предстоящий переезд. Переезд неизвестно куда.

...Сегодня путь с работы давался особенно тяжело. Ноги не шли, всё вокруг — люди, светофоры, машины, дома — казалось враждебным, готовым накинуться и задавить или, слюняво взвизгнув, начать совать ей в глаза ту газету... И город, в котором прожила в общей сложности тридцать два года, давно считала родным, тоже был враждебен, был уже не ее, чужим.

Пройдя несколько десятков метров, Валентина Викторовна чувствовала слабость, понимала, что вот-вот упадет, искала скамейку, скорее садилась, крепко обнимала пальцами деревянные рейки, сжимала веки, прячась от бегающих перед глазами красных точек... Давление, что ли... Сидеть было лучше, но тут же опутывали, стягивали паутины-воспоминания.

Как приехала сюда в шестьдесят пятом учиться. На кого, тогда не решила — хотелось одного: вырваться из маленькой, темной их

деревушки. Но и город, в котором до того была два раза, очень быстро разонравился: почти сплошь одноэтажный, пыльный и тоже темный (старые срубы, ограды, деревянные тротуары), переполненный такими же, как и она, вчерашними колхозниками. И все они куда-то спешили, неумело, толкаясь; ревели грузовики, за заборами рыли котлованы...

Валентина Викторовна поступила в педучилище на учителя русского языка и литературы. Поселили в бараке-общежитии, в комнате с еще тремя девушками. Очень было неудобно, стыдно находиться всегда на людях.

Но в педучилище проучилась она всего полтора месяца. В октябре из крайцентра приехала комиссия набирать группу в библиотечный техникум. Валентина Викторовна вызвалась одной из первых — не из интереса к библиотечному делу: казалось, что там будет лучше. Прошла.

Теперь, задним умом, она была уверена, что тогда совершила первую большую ошибку в жизни. Лучше бы осталась в педучилище, закончила его и вернулась домой, стала бы учительствовать в родной школе... Хотя скажи ей это тогда, в пятнадцать лет...

Крайцентр ее поразил. Это был действительно город — с проспектами, скверами, трамваями, огромным театром. Валентине Викторовне и не мечталось поселиться там, в одной из квартир одного из десятков каменных семиэтажных домов с полукруглыми ок-

нами. А наверняка, надо было бы помечтать и попробовать.

Пытались за ней ухаживать местные ребята, она же, напуганная рассказами подруг, имена которых давно забылись, про «поматросят и бросят», про аборт, сразу эти ухаживания пресекала. Даже не танцевала ни с кем.

По пути в деревню на каникулы она проезжала тот городок, где недолго училась в педучилище. Видела, что и он превращается в настоящий город — из котлованов поднимались невысокие, в четыре этажа, но благоустроенные дома, улицы закатывались асфальтом, появлялись газоны, бетонные столбы с фонарями. На окраине запускали вагоностроительный завод, и бывшие деревенские жители шли в рабочие.

Городок стал нравиться Валентине Викторовне, и когда после окончания техникума ей предложили место в центральной библиотеке, только что отстроенной, с новенькими стеллажами и свежими книгами, просторным читальным залом, она согласилась.

Дали комнату в общежитии, работа была несложной. Во время учебы все казалось труднее и непонятнее...

В центральной библиотеке Валентина Викторовна работала до сих пор. Когда-то по дороге от нее к общежитию встретила молодого сержанта милиции, за которого, после полугода дружбы, вышла замуж. Отсюда, была

уверена, в пятьдесят пять лет ее торжественно проводят на пенсию.

Но оказалось, придется уволиться раньше времени, уйти в неизвестность. Невозможно стало ловить враждебные взгляды сослуживцев, посетителей, каждый из которых знал о ее муже...

«Уголовное дело, — долбилось в голове, — уголовное дело». Сколько сил, нервов, сколько денег потрачено, когда сына судили, а вот через два года то же самое с Николаем. И если в первом случае ей в основном сочувствовали — мало ли драк между парнями происходит, и сын не ножом ведь, не заточкой врага своего, а голым кулаком, — то теперь наоборот.

А что Николаю делать было? Эти буянили, вырывались, другим трезветь мешали, вот он и запер в изолятор. И как просчитаешь, на сколько кислорода хватит, как оно все получится. Разве ж он знал, что так — у пятерых отек легких, в реанимацию пришлось класть, еле откачали. И, может быть, все бы замять удалось, извинились бы, как-нибудь договорились, но в городской газете статья появилась. Тут уж пошло-поехало.

Известно же, как журналисты милицию ненавидят, а среди пострадавших оказался их коллега. Вот и раздули...

Много чего могла бы Валентина Викторовна сказать следователям, кажется, способна была объяснить, убедить, что ее муж не ви-

новат, но ее не спрашивали. Даже Николай запрещал об этом случае вспоминать — сразу беленился. А как не вспоминать, не говорить, если все теперь вокруг этого крутится. Что, успокаивать себя, что не посадили, а дали условно четыре года? Но все равно ведь — жизнь рухнула, и нужно теперь из-под обломков выбираться, как-то восстанавливать, налаживать.

А ведь могло же, могло все по-другому сложиться. Останься она в крайцентре, выйди замуж за одного из тех интеллигентных, тонких юношей, которые пугали этой своей тонкостью и интеллигентностью, принимаемыми ею за подловатость. И жила бы теперь в миллионном городе, стала бы, не исключено, заведующей библиотекой, огромной, светлой. Или нигде бы не работала, заботилась о доме, о муже, каком-нибудь директоре завода; дети бы институты уже окончили... Нет, лучше тогда было вернуться в деревню, учить детишек. Надежная изба на высоком фундаменте, огород, корова...

Давно она не была на родине, и деревенская жизнь представлялась как нечто единственно правильное. Да и к кому туда было ехать? Дом после смерти родителей продали, деньги разделили между собой дети, все уже давно жившие в городах. Никого там родни не осталось, только тетка Таня — старшая сестра матери, пережившая и мужа своего, и всех троих детей. Но, может, и ее уже нет — лет за восемьдесят ей далеко... Надо бы, по-

хорошему, съездить, поглядеть, только как сейчас... Ох, господи...

Их четырехэтажный дом, один из первых построенных в городе многоквартирных, сегодня показался Валентине Викторовне убогим, покосившимся, особенно обшарпанным. Наверное, самозащита так работала — ведь очень скоро этот дом будет для нее и ее семьи чужим, им тут скоро не жить.

Во дворе она снова присела, отдышалась — состояние такое, словно взобралась на высокий холм. Глянула по сторонам. Напротив еще одна такая же четырехэтажка — мутноватые стекла, балконы забиты старой мебелью, какими-то досками, расплзшимися коробками. Во дворе детская площадка с песочницей, деревянной поломанной горкой, качелями, которые пронзительно скрипели, если на них качались; заросшая полынью хоккейная коробка, на растянутых меж тополями веревках сушится сероватое, застиранное белье... Безрадостная, конечно, картина, даже золото сентябрьских листьев не особенно ее украшает, но ведь столько здесь прожито... Здесь сыновья ее выросли...

Через силу, тяжелым рывком поднялась. Нужно идти. Ужин готовить. И — разговор предстоит. Сегодня Николай с начальником ГУВД Вересовым должен встретиться; сегодня должно стать ясно: или все-таки в пропасть их семья полетит, или есть еще шанс удержаться.

Сама открыла ключом дверь, вошла. В большой комнате бубнил телевизор, в ванной шипел душ. Но, несмотря на живые звуки, атмосфера тревожная, гнетущая. «Будто покойник в доме», — вспомнилась Валентине Викторовне поговорка, и она тут же себя обругала, испуганно-просяще добавила: «Не дай бог, не дай бог».

Хотела поздороваться — объявить о своем приходе, как делала обычно, но не стала. Молча сняла сапоги, повесила на вешалку пальто.

Николай сидел в кресле. На экране телевизора скакали полуголые худые девицы, на перебой пели слабыми голосками:

Отмени мой домашний арест,
Отмени мой арест!

Сострадание к мужу тут же сменилось раздражением, негодованием даже. И Валентина Викторовна жестко спросила:

— Ну что?

— Что? — Николай как-то пугливо взглянул на нее, взял с журнального столика пульт, сделал звук телевизора тише.

— Поговорил с Вересовым?

— Поговорил.

И, поняв, что ждать хорошего нечего, Валентина Викторовна все же задала новый вопрос:

— И как?

— Как.. Хреново. Всё. — Николай, кряхтя,

пошевелился в кресле. — В течение месяца освободить площадь... Верёсов сам на иголках — сплошные проверки, начальник службы собственной безопасности новый, из края поставили...

Он еще говорил, говорил что-то бесцветно и виновато, тоном объясняющего, где загулял вчера, муженька, но Валентина Викторовна не слушала — в мозгу засела и повторялась одна фраза: «В течение месяца освободить...» Это значит — выселяться со всеми вещами, горшками, телевизором этим несчастным (взяла пульт и выключила его вовсе), с диваном огромным, скрипучим, с книгами, которые давно никто не читает. Взять и оказаться на улице.

— И, — перебила мужа, — как теперь?

Он вспыхнул:

— А я знаю — как?! Как! Извиняюсь, мало денег с алкашни собирал, не хватает нам на квартиру.

Валентина Викторовна села на диван, пружины с писклявым стоном сжались. Муж же, наоборот, вскочил, заметался по небольшому свободному пространству комнаты:

— Тридцать лет проработал! Улицы эти топтал пэпээсником! И — вот... Сволочи!

— погоди, — пересилив страх перед его криками, остановила Валентина Викторовна; муж кричал подобное за последние месяцы не раз и не два. Пора было искать какой-то выход. — погоди, давай решать.

— Чего тут решать?! В петлю башкой...

— Пре-кра-ти!

Появился сын. Мокрый, голый, с намотанным на бедра полотенцем. Хмуро взглянул на родителей, пошлепал к себе.

— Артем, — окликнула Валентина Викторовна, — подойди сюда.

— Что? — Он остановился, но не обернулся.

— Подойди, я говорю!

Подошел. Высокий, крепкий, с волосатой грудью молодой мужчина, а глаза детские, надушенного ребенка...

— Так, Николай, — Валентина Викторовна почувствовала небывалую решимость, — Николай, присядь. Так, давайте решать... Семейный совет.

Сын хмыкнул.

— Ну-ка! Сядь тоже быстро! Нас со дня на день на улицу вышвырнут, а он хмыкает... Так — Постаралась успокоиться. — Так, какие у нас варианты? Во-первых, можно снять квартиру...

— Двухкомнатка — пять тысяч за месяц, — вставил сын.

— Откуда ты знаешь? — Зарплата Валентины Викторовны была четыре семсот.

— Ну, спрашивал.

— Дом тогда, может...

— И что? — подал голос муж. — Ну снимем, год проживем, два... Нам с тобой недолго

осталось, а они... — кивнул на сына, — Денис вернется.

Валентина Викторовна хотела сказать, что надо об этом было заранее думать, что эта квартира — ведомственная, не их, и такое рано или поздно случилось бы. Не стала, боясь нового взрыва... И тут, как светом блеснуло в голове, нашелся выход.

— Тогда, может быть, так — в деревню? Сорок километров отсюда.

— В эту, — поморщил лоб Николай, — в твою?

Сам он был местный, городской, но давно растерял родню, а тот барак, в котором провел детство, снесли еще в семидесятых.

— А куда еще? Там тетка, жива, наверно... Изба у нее.

При слове «изба» Артем опять чуть было не хмыкнул. Валентина Викторовна заметила:

— А что?! Что еще? Вот работал бы, учился... Двадцать пять лет мужику, а все как этот...

— Но ты-то работаешь, — перебил муж. — Оттуда, что ли, мотаться каждое утро.

— Уволюсь. Не могу больше видеть их... Я ведь тоже не железная, чтобы так... Сама как убийца себя чувствую.

Николай кряхтнул и отвернулся.

Некоторое время молчали. Сын ежился, мерз, но, видимо, понимал, что взять и пойти сейчас одеваться опасно. Разорутся, что ему все равно. Нужно дотерпеть.

— Ну, — первой заговорила Валентина Викторовна, — как?.. Завтра возьму отгул, съезжу. Может... Может, и ничего там нет уже... А? — Посмотрела на мужа, на сына. — Как-то ведь надо... А? — Они молчали, и Валентина Викторовна опять стала терять терпение, в горле заклокотал крик. — Куда-то ведь надо деваться нам, в конце-то концов!

Сошлись на ее варианте. Муж — обреченно, сын, казалось, равнодушно.

Валентина Викторовна переделалась в халат, пошла на кухню. Готовить ужин. Достала из-под морозильника размороженный кусок свинины, поставила воду для рожек. Выбрала из корзинки луковицу... Движения были четкие, заученные десятилетиями повторений, но стоило взглянуть на какую-нибудь вещь — на кухонный шкаф, на давно уже не используемую ручную соковыжималку, на форму для торта, — и руки опускались. Каждая вещь словно кричала, вопила жалобно и настойчиво: «Возьми меня! Не выбрасывай! Я пригожусь!» И представлялись скорые неотвратимые часы, когда нужно будет упаковывать, сортировать, вытаскивать мебель, куда-то ее грузить... Валентина Викторовна боролась с желанием бросить нож, сесть на табуретку, зажмуриться. Не быть.

Вошел Николай, постоял, необычно для

него нерешительно переминаясь с ноги на ногу, потом предложил: •

— Может, я это... за бутылкой схожу... Что-то трясет, прямо... Напряжение снять.

Валентина Викторовна кивнула:

— Сходи. Только получше купи какую. —
Ей тоже хотелось немного выпить.

Глава третья

Деревня называлась Мураново, по протекающей рядом речке Муранке. Когда-то это было село — на холмике стояла церковь, которую в шестидесятых снесли и поставили на ее месте похожий на амбар клуб.

Главной улицей в Муранове была дорога в дальнюю деревню Тигрицкое. Дорога была асфальтированной, но асфальт давно разбила совхозная техника, и его не ремонтировали. Шофер, когда подгонял свой «зилек» к дому, изматерился, тщетно пытаясь объехать ямы и рытвины, а Валентина болезненно морщилась, представляя, как колотится в контейнере посуда, техника.

Изба тетки Татьяны находилась в самом центре деревни: справа через три двора — контора с почтой, еще через двор — магазины, из которых работал только один, остальные же два наглухо, с давних пор, заперты. Слева от избы тетки была двухэтажная школа, самое старое в деревне здание; а почти напротив — клуб и водонапорная башня.

В последний месяц Николай Михайлович

несколько раз сюда приезжал — привозил кой-какие вещи, сдавал документы на прописку, слегка подремонтировал комнату, где предстояло жить, — вроде бы немного свыкся с мыслью, что это теперь их дом, но каждый раз теткина изба вызывала у него нечто похожее на ужас. Ужас перед тем, как перезимуют в ней, сколько предстоит сделать за лето, чтобы следующую зиму встретить в более-менее человеческих условиях.

Николай Михайлович приезжал сюда на автобусе — «Москвич», по закону подлости, был серьезно сломан, — ни с кем из местных старался не заговаривать, поменьше общаться с хозяйкой. Она, маленькая, ссохшаяся, в основном сидела на табуретке возле непомерно большой для такого домишки, закопченной полосами печи, смотрела в пол выцветшими, стянутыми морщинами глазами... Поначалу, обнаружив во дворе гниловатую, но пригодную на первое время доску, Николай Михайлович обращался к тетке Татьяне: можно ли использовать. Она тяжело взмахивала рукой-сучком, вздыхала: «Бери-и. Мне-то она на что уж...» И вскоре Елтышев перестал ее спрашивать, почти не замечал.

Утепляя пол, потолок, вынося из комнаты развалившийся стол (его место должна была занять часть стенки из квартиры), Николай Михайлович не верил, да и не желал верить, что теперь это дом для его семьи. Теперь им в этом покривившемся срубе жить, и, может

быть, отсюда их с женой когда-нибудь понесут на кладбище.

Но был нанят «ЗИЛ», контейнер заполнен тем, что составляло обстановку двухкомнатной квартиры, ненужные вещи оказались на мусорке, и водитель торопил ехать.

Когда в последний раз обходили пустые, посветлевшие комнаты, жена взвыла, как на похоронах, повалилась; Николай Михайлович подхватил ее, быстро и грубо вывел. На площадке отдал ключ начхозу ГУВД. Подсадил Валентину в кабину, сказал сыну, что ждут его в деревне — Артем должен был добираться автобусом, — оглянулся на дверь подъезда, бросил тело внутрь «ЗИЛа». Захлопнул дверцу, велел скорее не водителю, а себе: — Все, поехали!

Только стали с женой разгружать контейнер, заморосил дождь. Мелкий, но, кажется, затяжной, октябрьский.

— Как назло, — ругнулся Николай Михайлович и торопливо, бережно, но и словно на свалку, понес в избу дорогую, не так давно купленную стеклянную тумбочку.

Шофер помогать не вызывался, покуривал, слушал магнитофон («А где же ручки? — пело в кабине. — Где же наши ручки?...»), иногда выходил размяться, заглядывал в контейнер и досадливо кривился — убывало медленно.

Тетка стояла на низком крыльце, скорбно наблюдала, как носят вещи; она попыталась было принять участие, но не смогла дойти до ворот...

Несмотря на середину буднего дня, улица была пуста, хотя Николаю Михайловичу казалось, что из всех окон, из-за всех заборов за ними наблюдают, следят любопытные... И вот один не выдержал — появился, подошел.

— Здоровенько. — Высокий, сухой, с запущенной, почти ставшей уже бородой, щетиной; на голове черно-рыжий комок зимней шапки. — С приездом.

— Спасибо. — Елтышеву было не до разговоров. Вытянул из контейнера мешок с одеждой, понес.

Комната заполнялась быстро; Николай Михайлович сунулся в летнюю кухню. «Придется сюда».

— Чего, — местный ждал у машины, — помочь, может? А то, гляжу...

— Ну, помогите. — Елтышеву предстоял холодильник.

Мужик оказался слабым, больше кряхтел, стонал, чем таскал. И постоянно комментировал:

— В-во, табуреточки! У меня такие ж почти... Добрая полка... Люстра на семь лампочек...

Николаю Михайловичу казалось, что он на аукционе, где распродают его пожитки...

Но дело все-таки пошло поживее, и приехавший в половине второго Артем застал кон-

тейнер почти пустым. Отнес одно, другое — и всё.

— Ну во-от, — облегченно, будто потрудился больше других, выдохнул водитель; свел стальные створки, лязгнув засовом. Выжидающе посмотрел на Николая Михайловича.

— А, да, — тот понял, достал бумажник, выбрал две сотни. — Держи. — За перевозку он уже заплатил в агентстве, но нужно было отблагодарить лично и шофера — что не капал на нервы, не мешал, довез, в конце концов, без неприятностей.

— Благодарю. — Шофер еще раз выдохнул, прыгнул за руль и, перед тем как захлопнуть дверцу, пожелал: — Счастливо вам!

Елтышев кивнул. Щелкнуло зажигание, тыркнул трамблер, и мотор завелся; из выхлопной трубы вырвался синеватый столб дыма. И когда «ЗИЛ» тронулся, медленно, но безвозвратно разрывая последнюю нить с прошлой жизнью, снова похоронно завывла жена.

— Да перестань ты! — вспыхнул Николай Михайлович. — И без тебя!.. — И почувствовал желание толкнуть ее... Тоже взвыть.

Сдержался, вцепился взглядом в коричневый прямоугольник контейнера, который становился меньше, мельче; дорога пошла под гору, и вот контейнер исчез. Но еще долго все трое Елтышевых — муж, жена и их сын — стояли у раскрытых черных ворот и смотрели в ту сторону, куда уехал «ЗИЛ». В сторону города.

— Чего, — подал голос местный, — может, это, за новосельце?.. Меня Юрка звать. Я тебя, Валентина-то, помню. Помню, как приезжала.

Валентина Викторовна обернулась к нему, взгляделась, но не узнала. Тот вроде как обиделся:

— Юрка я, Карпов. Дядя у меня был, Саня, Карпов тоже. Вы с им в одном классе...

— Да, да, — покивала Валентина Викторовна, но без эмоций, думая о чем-то другом.

— Ну так чего, отметим?

— Надо, — встряхнулся, оторвался от дороги Елтышев, достал полтинник. — Хватит? Еда у нас есть.

Юрка принял бумажку, покрутил, будто убеждаясь, что она настоящая. Кивнул, почти побежал по улице.

«Магазин, кажется, в другой стороне», — удивился Николай Михайлович и тут же переключил внимание на другое — сказал сыну:

— Закрывай ворота.

Наблюдая, как Артем толкает обвисшие, хлипкие створки, добавил с горьковатой шутливостью:

— Давай приучайся.

Сидели за большим дощатым столом на кухне, ждали Юрку. Жена разогревала на плитке приготовленную утром в квартире тушеную картошку с мясом. Тетка Татьяна покачи-

вася на табуретке, что-то тихо-тихо бормотала, словно ругалась на себя, что пустила чужих и теперь приходится так ютиться, в уголке.

Пахло созревшей пылью, старостью, лекарствами. Бугристая штукатурка на стенах, казалось, вот-вот начнет отваливаться кусками, потолочная балка не выдержит и переломится и весь дом превратится в горку сухой известки, истлевшей пакли, черных, будто обгоревших деревяшек. И Николая Михайловича до зуда в скулах потянуло вскочить, выбежать прочь, спрятаться в безопасности и в то же время хотелось засучить рукава, начать строить новый, просторный дом с отдельной для себя комнатой на втором этаже. Для отдыха...

Обитая одеялом дверь со скрипом и хрустом открылась, вошел, пригнув голову, Юрка. На лице улыбка, в руках бутылка. Почему-то без этикетки.

— Заждались? — Поставил бутылку на край печной плиты, снял шапку, ударил ею по колену, отчего по кухне сыпанули капли. — Счас, за новосельце...

— А ты-то чего... — тихо удивилась тетка Татьяна, но не договорила, закачалась снова.

Николай Михайлович коротко, бодровато, как, бывало, дома после смены, выдохнул, велел жене:

— Давай, мать, накладывай. — А сам выставил в рядок толстенные, в форме сапожка, стопки.

Подсевший Юрка без церемоний зубами выдернул из бутылки пластмассовую пробку (таких пробок Николай Михайлович не видел уже несколько лет), стал разливать.

— Поработали, — приговаривал, — можно и расслабиться мала-мала... Мо-ожно...

Из стопок сильно запахло водкой; Елтышев с подозрением следил за движениями Юрки — бутылка без этикетки, едковатый запах ему не нравились. Но пока что молчал... Артем притулился с краю стола, позевывал, брезгливо озирался.

Валентина Викторовна поставила на центр глубокую тарелку с картошкой.

— В-во-о! — обрадовался Юрка. — Горяченькое. Ну, вздрогнем. — Подхватил стопку.

— Теть, — позвала Валентина Викторовна, — исть будешь?

Та неопределенно пошевелила рукой.

«Исть, — усмехнулся про себя Елтышев. — Быстро на деревенский переходим».

Юрка торопил:

— Ну, пьем, нет?

Чокнулись вяловато, безрадостно. Николай Михайлович осторожно отпил. Рот обожгло; вкус был ядовитый, через водку отдавало то ли керосином, то ли растворителем.

— Что... Что это вы притащили? Это пить нельзя.

Жена, сын испуганно поставили стопки. А Юрка, ухнув, быстро закусил, мотнул, слов-

но после удара, головой и тогда уж удивленно пожал плечами:

— А чего? Нормальный спиртович. Через резиновый шланг только пропущен, от этого так.. Да пейте, не бойтесь. — И стал наливать себе по новой.

Елтышева затрясло, раздражение сегодняшнего дня готово было выплеснуться на этого гостя. Взять за шкирятник и вышвырнуть за порог.

— Нельзя было в магазине купить? — сдерживая себя, внешне почти спокойно спросил: — Я дал, кажется, достаточно...

— В магазине? Хе, да в магазине у нас водки с год уже нет. Пиво только.

— Почему нет?

— Да сертификат какой-то не получили... что-то такое там. — Юрка поднял стопку. — Да ладно, пейте, нормальный, говорю, спирт.

Неожиданно выпил Артем. Хыкнул придушенно, бросил в рот парящую картошину. Глянул на родителей, сказал как-то с вызовом:

— Не умрем, наверно.

«Наверно... — Николай Михайлович сжал стопку в ладони. — Наверно... Хрен с ним».

Глава четвертая

С детства еще, примерно лет с пяти, Артем понял, что он не такой, как все. Конечно, каждый чем-то отличается, но не очень, а он отличался очень. И ему это мешало. Мешало и в детском саду, и в школе, особенно в пятом-седьмом классах, когда необходимо быть активным, подвижным, готовым к драке, к защите своего «я». А Артем любил тихие занятия — в детском саду, куда ходил с плачем, чаще всего лепил из пластилина за столиком, катал в уголке машинки, в школе на переменах сторонился носящихся одноклассников; одно время чувствовал тягу к книгам, особенно к тем, где описывались путешествия, исследования дальних стран, но ни одну книгу от корки до корки не осилил — листал, выхватывая взглядом отдельные строки, даты, фамилии, рассматривал иллюстрации.

Родители, видя его тихость, иногда говорили с усмешкой: «Философ растет. Все думает». Но Артем как-то особенно ни о чем не думал, мало что замечал, запоминал. Каждый новый день встречал без радости, еще лежа в

постели, представлял, сколько всего будет за этот день, в какой круговорот, только стоит подняться, он попадет, и подниматься не хотелось. Укрыться одеялом с головой, оставив лишь узкую щелочку, чтоб дышать, и лежать там, лежать в полудреме, покое... Вбегала мама и начинала тормошить: «Ты что лежишь-то?! Будильник ведь прозвенел!» А рядом прыгал брат и тоже донимал: «Вставай, Тяма! Погнали в школу!»

Был бы он, Артем, каким-нибудь больным, низкорослым, наверное, было бы лучше. Понятнее ему самому, почему он такой. Но он рос здоровым, крепким, будто занимался физкультурой (физкультуру он не любил больше всех других уроков), и в то же время каким-то... Однажды он услышал слово, поразившее его, — слово это произнесли не в его адрес, но с тех пор Артем часто мысленно повторял, обращая его к себе: «Недоделанный». Обидное, но точное слово...

Лет в четырнадцать его стало всерьез пугать, что он ничем не интересуется, нет у него каких-то увлечений. Пробовал ходить в кружки — в авиамодельный, на бокс (руководитель говорил, что у него есть данные, правда, очень слабая реакция), на шахматы, к филателистам, но быстро бросал. Неинтересно. На шестнадцатилетие ему подарили гитару и самоучитель. Артем зажегся, стал разбирать аккорды, пробовал копировать мелодии известных песен. Дело шло медленно, туго, и

вскоре Артем забросил гитару, зато брат, казалось бы, случайно взяв ее в руки, сносно заиграл модную тогда песню группы «Кино» «Звезда по имени Солнце».

Вообще Денис хоть и был на два года младше Артема, постоянно его обгонял. Почти во всем. Первым научился ездить на двухколесном велосипеде, первым закурил, первым, когда Артем только почувствовал в этом потребность, поцеловался с девушкой.

Даже два года в армии его не переделали. Со службой (к которой родители отнеслись странно спокойно, вроде бы даже были ей рады) ему повезло — оставили в своей области и после учебки отправили на локационную станцию, откуда Артем видел родной город. Увольнения давали часто, и раза два в месяц его проводывали то родители, то Денис с приятелями.

В ту же осень, когда Артем вернулся, призвали брата. Определили в десант, служил далеко, в отпуск не приезжал. Родители извлеклись, каждый день ждали писем, смотрели страшные выпуски новостей — как раз тогда началась вторая чеченская... На войну Денис не попал, но вид приобрел бывалого парня — ходил с перевальцем, долго после дембеля носил форму, хищно посапывал перебитым носом, всегда был настроен подраться, собирался наняться то в Иностраннный легион, то в спецназ. Родители хоть и продолжали за него тревожиться, просили вести себя поуме-

ренней, но, видно было, гордились — настоящий мужик получился. А в итоге через полгода, во время драки, долбанул одного в лоб кулаком и получил пять лет...

Страшный был период между арестом и судом, когда Артему казалось, что он тоже свихнется, как и тот, которому брат раздробил лобную кость. Но в то же время где-то глубоко в душе Артем был рад случившемуся, будто перехитрил не то чтобы брата, а кого-то огромного, мудрого, который всегда выделял Дениса, дарил ему силу и смелость, и вдруг увидел, что ошибся — дальше по жизни пойдет Артем, Денис же сорвался, упал и вряд ли поднимется.

Артем стал чаще бывать на улице, на равных общался с парнями, которые, благодаря случившемуся с братом, уважали его; он ходил с ними в ночной клуб, пил водку, иногда участвовал в драках, и мать, увидев на его лице синяк или коросту на губе, начинала рыдающе спрашивать: «Ну ты-то куда?! Ты-то?!»

Это «ты-то» оскорбляло больше всего — в нем слышалось ненавистное Артему слово «недоделанный».

Он постоянно устраивался на работу — одним из главных занятий с двадцати лет было хождение по объявлениям о найме. Продавец книг на уличном развале, разнорабочий на стройке, грузчик на рынке, монтировщик

во Дворце культуры... Случалось, его брали, даже делали запись в трудовой книжке, а через две-три недели, через месяц давали понять, что недовольны им, еще через неделю предлагали написать заявление «по собственному желанию». И Артем, тоже уже измучившись, с удовольствием писал, вздыхал облегченно, забирал в бухгалтерии расчет; подойдя к дому, изображал на лице расстроенность, извиняющимся тоном говорил, что его уволили и он не знает, почему; скрывался в своей комнате. Падал на кровать, отворачивался к стене. И становилось легко и радостно, как бывает, когда чувствуешь, что выздоровел...

Неделю-другую родители его не трогали, даже сочувствовали, что он опять потерял работу (для них, десятки лет сидевших на одном месте, это казалось действительно трагедией), но потом отец начинал хмуриться, мать как-то тычком ставила перед ним тарелку с едой, словно говорила этим: «Вот тебе, дармоед». И Артем брел по объявлениям, вяло объяснял в отделах кадров, что он умеет, почему так недолго пребывал на прежних работах, обещал быть дисциплинированным, не прогуливать, не филонить. Но через месяц-полтора-два снова становился свободен.

Город он знал неважно, хотя вроде бы что там знать? Родился и вырос в центре, центром и ограничивался город для него — скучноватые четырехэтажные и пятиэтажные здания, внушительный, пятидесятих годов, ки-

нотеатр «Победа», сквер вокруг памятника Ленину, рынок, автовокзал... А вокруг бесконечные кварталы частного сектора — кривоватые (почва болотистая) избенки с тесными огородами; в частном секторе Артем бывал редко, сколько себя помнил, между «центровыми» и «деревней» существовала вражда. Когда-то, в семидесятые, случались массовые побоища с участием не только молодежи, но и взрослых, и несколько человек обязательно попадали в больницы.

На севере города, на так называемой Горе, хотя это была лишь небольшая возвышенность, в конце восьмидесятых появился микрорайон светло-серых девятиэтажек. Микрорайон имел свой торговый центр, кинотеатр, школу, универмаг. Вниз обитатели Горы спускались редко, в основном в выходные (работало большинство из них на вагоностроительном заводе восточнее Горы), а некоторые из центровых вообще не бывали в микрорайоне. В их числе и Артем. Приятели там не жили, интересных мест не было, да и нагромождение высоких домов пугало, казалось, что он там запросто может потеряться, пропасть.

Город окружала холмистая, вечно желтая степь. На одном из холмов можно было разглядеть коробочки строений, спичку антенны и похожий на миску радар — там Артем прослужил полтора года... На южной окраине города текла река — быстрая, холодная и мелкая. Купались в ней лишь уверенные в своем

здоровье люди или пьяные, которые довольно часто тонули. Река сбегала с Саянских гор, почти неразличимых из города; вверх по течению моторные лодки ползли кое-как, со стороны казалось, что они почти не движутся, и не верилось, как это век назад староверы тянули туда, в верховье, лодки со всем необходимым для отдельного от всего остального мира существования. Они уходили в тайгу, чтобы уже не возвращаться...

Нигде, кроме родного города, Артем не был. Иногда, когда очень донимала тоска, ходил на вокзал и смотрел на поезда. Знал: те, что направляются налево, через день-два-три будут в Иркутске, Чите, Хабаровске, Владивостоке, а те, что направо, — рано или поздно окажутся в Новосибирске, Тюмени, Свердловске, Москве. Но, зная это, Артем ничего не мог нарисовать в воображении. Москва и Питер еще выделялись каким-нибудь знакомым по телепередачам дворцом или площадью, а остальные были просто кружочками на карте.

Он чувствовал, что растворяется в родных кварталах, становится чем-то вроде скамейки, фонарного столба, одного из многих деревьев сквера — мимо идут и идут люди, и никто не замечает, не выделяет его, и он тоже почти никого и ничего не замечает, ничему не удивляется. Панцирь твердый, окостеневший от пыли и копоты... Если он будет жить вот так, как живет, будет видеть одно и то же, у него никогда не появится ни настоящего

друга, ни настоящей девушки, которые что-то в нем изменяют, изменяют что-то очень важное. Поташут вверх по течению или поперек.

И, наверное, поэтому Артем не сопротивлялся, когда родители решили переезжать. Страшно, конечно, было порой до того, что тянуло заявить, что никуда не выйдет из своей комнаты, не будет собирать вещи — это напоминало рытье себе могилы приговоренным к казни; но какая-то частица, крошечная и в то же время главная в нем, доказывала: этот переезд, эта катастрофа — ему во благо.

Ту деревню, что должна была стать их домом, Артем помнил смутно. В детстве был там с родителями. Никаких подробностей не осталось, кроме ощущения простора — много места для игр, много неба, ярко-зеленая, теплая трава, в которой приятно барахтаться. Казалось, что в деревне всегда лето; в двадцать пять лет верить в это, конечно, было бы нелепостью, но, против воли, что-то такое в душе тлело. Грело, когда ехал на разболтанном «пазике». Сидел в заднем ряду, глядя в пол — кого-то видеть, давать повод разглядывать себя не хотелось. Вообще не хотелось понимать, что происходит. Но с каждым километром он отдалялся все дальше от родного города, он словно скатывался под откос и боялся, что вот-вот сорвется в черную яму. И одновременно с этим жутким ощущением всплывали

не в памяти даже, а где-то за ней, — солнечные блики, сочно-зеленое, мягкое, широкое... Была крошечная, но странно крепкая надежда, уверенность, скорее, что на дне ямы, в которую срывается по этой кочковатой, выщербленной дороге, он найдет новую жизнь — какую-то, пусть и сложную, тяжелую, но настоящую. Кончится томительный период полудетства, начнется взрослость. Даже родители, обязательные, неизменные до этого, сейчас не виделись впереди. А виделась там изба со многими окнами, в которые бьет солнце, просторный двор, вкусный воздух, речка, на которой по вечерам так хорошо порыбачить, и — главное — силуэты пока неизвестных, но необходимых для его новой жизни людей...

Уже через несколько минут после приезда Артем догадался, почему отец не брал его с собой ремонтировать дом, готовить место для вещей. Да, это была яма, ее черное, бесприсветно черное дно. Черное, как бревна их жилища.

Проснувшись после новоселья с тяжелою, хоть и выпил граммов сто пятьдесят, похмелья, Артем решил сразу же пойти на остановку. Сесть в автобус, вернуться в город. Там куда-нибудь деться. К кому-нибудь из парней попроситься пожить, за это время как-то устроиться... Общежитие... Или — гараж ведь есть, с печкой!.. Как здесь-то?

Он провел эту ночь на раскладушке — его

кровать в комнате не поместилась, — родители спали на диване совсем рядом. Даже прохода не осталось... Воздух был холодный, неживой. И, откинув одеяло, Артем сразу озяб, затрясся и поскорей снова закутался. Принял более-менее удобную позу, так, чтобы железная трубка раскладушки оказалась меж ребрами, не очень давила. Слушая похрапывания матери и отца, с обидой, бессильной, детской, подумал: «Я-то что?.. Пусть они решают. Устроили...»

Дни стояли темные, предзимние. Заполняли их перетаскиванием скарба с места на место, поиском во множестве коробок, мешков, тюков какой-нибудь нужной мелочи. Бабка Татьяна сидела у печки и наблюдала за мало-знакомой родней с подозрительной покорностью, будто рылись они в ее вещах.

Постоянно возникали трудности — то, что в квартирном быте делалось почти незаметно, здесь разрасталось до серьезной, почти непреодолимой проблемы... Главной была вода.

Вода бралась из колонки. Колонка находилась рядом — на другой стороне улицы, но давление было слабым, вода текла тончайшей струйкой, и, чтобы наполнить ведро, приходилось тратить минут семь. На холоде — не очень приятное времяпрепровождение... Ведра приносились домой и выливались в двадцатилитровый бак. Оттуда воду черпали для

умывания, мытья посуды. Грязную сливали в двенадцатилитровое ведро под умывальником, которое выносилось на зады огорода и выливалось в заросли крапивы... В первое время, пока не научились экономить, помойное ведро приходилось выносить на зады раза по три-четыре на дню.

Мытье посуды было целым процессом. Мыли ее в большой металлической чашке сначала в одной воде, горячей, затем мыли саму чашку, стенки которой покрывались слоем жира, затем наливали в нее воду теплую (нагреть достаточное количество, даже с помощью электрочайника, никак не получалось). Эту вторую воду приходилось менять раза два, так как она опять быстро становилась жирной, и «Фэйри» не помогало. Особенно тяжело было мыть после говядины...

В туалет по-большому Артем не мог сходить на новом месте несколько дней. Так же с ним было, когда призывали в армию... Да и по малой нужде шел в похожий на собачью будку сортир, когда сил терпеть не оставалось. Отверстие в полу было почти заполнено, и отец собрался было строить новый нужник, но земля уже схватилась морозом. Решил отложить до весны, сказал как бы шутливо: «Ломиком будем сталактиты скалывать». А потом помрачнел: «Вот с банькой что делать...»

Баня стояла между летней кухней и стайкой с курицами — крошечная постройка без предбанника, пол сгнивший, полбóк обрушил-

ся, железная печка прогорела. Мыться здесь казалось невозможным; вообще невозможно было представить, как в этих условиях может существовать и оставаться человеком бабка Татьяна. Бессильная, еле передвигающаяся, она все же не заросла грязью, в комод у нее лежало чистое белье, в хлебнице был мягкий хлеб, в подполе — запасы на зиму.

Несколько первых дней Артем никуда за ограду не выходил, только за водой. Территория по ту сторону забора была враждебной, опасной, хотя людей он видел мало — изредка пробредали старики и старухи с матерчатыми сумками в магазин, быстро протопывали мужички, прокатывался на звенящем велике какой-то пацаненок. Машин почти не проезжало, а знакомое гудение рейсового «пазика» было мучительно — сразу вспоминалось прошлое, совсем недавнее и наверняка навсегда утраченное... Сейчас сделает круг воды, поставит автобус в гараж, придет домой, в квартиру на пятом этаже, примет душ, поест, упадет в кресло перед телевизором... У них тут два телевизора — черно-белый бабкин «Рекорд» и «Самсунг», привезенный с собой, но что толку... И смотреть не хочется, да и возможности нет. Все грудой свалено, тесно, приткнуться негде даже.

Хотелось быть одному, и Артем часами сидел в холодной летней кухне на стуле, делая вид, что разбирается в своих вещах. Кассеты, пластинки, какие-то бумаги, книги, коробоч-

ки из-под давно сломавшихся фотоаппарата, плеера. Все это было теперь не нужно, все стало лишним. Надо было, еще когда очищали квартиру, вынести на помойку.

Зато того, что бы немного облегчило нынешнюю жизнь, не хватало — не было удобной обуви, в которой можно выбегать во двор, не было и повседневной уличной одежды, которую не жалко замарать, не было хорошего топора, гвоздей, тряпок, фонаря...

Как только немного обустроились, мать поехала в город. Звала с собой и Артема, но он отказался — как сильно хотелось убежать отсюда в первое утро, так было страшно увидеть теперь родные, но уже не его улицы... А мать в ту поездку окончательно уволилась с работы, купила мяса, сосисок, колбасы, водки; вернулась отчаянно радостная, словно избавилась от чего-то, разрубила мешающий узел. И выпила тем вечером так, что еле дошла до дивана.

Днем деревня была пуста, почти безлюдна, тиха, зато с наступлением сумерек возле клуба, у магазина начиналось оживление. Слышался хохот, девичьи взвизги, трещали мотоциклы.

— Всё гужбанются, — ворчала бабка, заглядывая за занавеску. — Но счас хоть потише стало, а летом... Там уж до утра не уснешь —

бесиво без остановки... Скорей бы морозы ударили...

Артема звуки внешней жизни тоже раздражали, но иначе — хотелось туда... Лучше, если уж его привезли в эту нору, ничего чтобы вокруг не было. Но вокруг все-таки была жизнь, была молодежь.

И однажды он не выдержал, сбрил успешную отрасти до бородки щетину, достал из чемодана выходные джинсы, свитер.

— Ты куда собрался? — тревожно нахмурился отец.

— Пойду тут... погуляю.

— Гм...

Артем втянул голову в плечи, ожидая, что сейчас раздастся: «Нет, никаких гуляний! Пьянь там одна». Но мать перебила это отцово «ГМ»:

— Только осторожней. И не до ночи.

Артем кивнул, ухукнул. Вышел в сенки, через них — во двор. У калитки приостановился, нащупал деньги в кармане, стараясь вспомнить, сколько там. Рублей сто пятьдесят. По крайней мере, на билет хватит. Постоять, послушать музыку, на людей посмотреть...

Высокое и просторное крыльцо клуба было заполнено парнями. Курили, шуршали пластиковыми стаканчиками, целлофановыми мешочками с закуской, рассказывали что-то друг другу, а рассказав, гоготали, заражая гоготом остальных. Но увидели подходящего Артема, замолчали. Как-то остолбенело смот-

рели на него. Артем вспомнил фильмы про ковбоев — там так же столбенели, когда в салуне появлялся чужак... И он подходил, готовый вот-вот получить удар-пулю.

— Здорово-ово, — протянул один из парней, плотный, мощный, то ли с рябым, то ли с угреватым лицом.

— Добрый вечер. — Артем коротко улыбнулся. — Дискотека сегодня?

— Но, — кивок, — танцы.

Еще один, маленький, щуплый, хотя наверняка заводила, вдруг оправдывающимся тоном объяснил:

— Дядь Вася в запое опять, кино не кажут. Вот и танцы.

— М-да, — посочувствовал Артем и поднялся на две ступеньки; тут же ему протянули пачку «Примы» с выбитым наружу концом сигареты:

— Будешь?

Он вынул, поблагодарил, прикурил от подставленной зажигалки... Вообще-то не курил, иногда лишь, выпив, но сейчас, чтобы расположить парней к себе, закурить, понял, нужно.

— Слушай, тебя Артем ведь звать? — спросил плотный.

— Да... Я вон там, у бабы Тани, живу...

— Да мы знаем... Это самое, у тебя, случаем, тридцатника нет? Выпить охота, а кончилось.

Артем ждал этого вопроса и обрадовался ему. Знакомство двигалось удачно. Он достал

из кармана одну бумажку — оказалось, полтинник

Парни оживились; плотный передал деньги Артема высокому, в камуфляжной шапочке: — Балтон, сгоняй.

Потом стали представляться. Плотный оказался Глебычем, щуплый Нямой, еще один, узкоглазый, Цоем.

— Вела... Редис... Вица... — продолжали сыпаться клички; Артему стало неловко отвечать на них просто именем. Вспомнилось, что брат и приятели в городе звали его обычно Тяма. И Артем перешел на кличку.

— Во, Няма, — хмыкнул Глебыч, — почти тезка твой.

Парни с готовностью заржали...

Принесенный спирт на вкус был такой же, какой пил Артем в первый день здесь, — отдавало чем-то химическим и жженой резиной. Он сделал глоток и передал стаканчик Няме. Тот проглотил остальное. Причмокнул, будто это была конфета.

Морозило. Парни в легких свитерах и ветровках не мерзли, казалось, готовы были стоять так, на крыльце, перешучиваясь и поталкиваясь, всю ночь. За дверью слышалась музыка, красивая и нежная, под которую так хорошо обнять девушку, затоптаться с ней на свободном пяточке, приблизить лицо к ее волосам... И Артем не выдержал:

— Ребята, может, внутрь войдем?

Глебыч поморщился:

— А че там делать? Бабье одно.

— Ну, потанцевать...

— А-а, — догадался Цой, — тебе телку надо. Погнали покажу, кого там... У нас уже разобраны, но выбрать есть.

— Вальку ему, — сказал Глебыч.

Парни опять заржали:

— Валька — само то! Мягкая...

И, ободрительно подталкиваемый в спину, Артем вошел в клуб.

Сразу за дверью был довольно просторный зал. На стенах мигали вразнобой елочные гирлянды, слева стоял кассетный магнитофон, из которого лилось:

Небо урони-ит ночь на ладони-и,
Нас не догонят, нас не догоня-ат!..

В центре зала танцевали несколько девушек, извиваясь друг перед другом, еще с десятков сидело на скамьях.

— Вон та вон, — перекрывая музыку, стал объяснять Глебыч, — с желтыми волосами, в белой кофте. Видишь? Валька Тяпова. А других не надо пока. Мы уже тут забились...

Артем нашел взглядом ту, о которой говорил плотный. Невысокая, но с хорошей фигурой, волосы от огоньков гирлянд золотились, поблескивали. Танцуя, она смотрела с улыбкой в стену, словно там было что-то чудесное... Артему она понравилась.

— И, это, — снова затеребил Глебыч, —

может, еще чирик дашь? Чтоб пузырек купить. Забухаем.

Артем достал деньги, отдал плотному десять рублей. Пошел к танцующим. Старался видеть только ту, на которую указал Глебыч. Придумывал, что бы сказать, вспоминал, как вливаются в общий танец. Танцевать-то он почти не умел.

Глава пятая

В первых числах ноября начал давить настоящий, за двадцать, мороз. Он выжигал в не защищенной снегом земле корни и семена, дни были черные, невыносимо грустные, люди с надеждой поглядывали на небо, ожидая, что вот-вот повалят хлопья. Но в небе была лишь серая хмарь, из-под которой еле-еле пробивался красноватый, не слепящий глаза круг солнца.

Девятого подул несильный, но ледяной, достающий даже в самом жарконатопленном помещении, ветер; все живое попряталось, замерло, стараясь переждать, перетерпеть этот ровный поток мертвого воздуха. И через двое суток пытки слегка потеплело, а потом повалил густой тяжелый снег.

Валил всю ночь и весь день, потом взял передышку и повалил снова, превращая избы в сугробы, ломая слабые ветки деревьев, руша трухлявые прясла, прогибая плахи незашифренных крыш.

Люди ругались, борясь с завалами, как по болоту, увязая, шли в магазин, в контору и

там подолгу обсуждали последствия этого снегопада, которого, как им представлялось сейчас, еще не бывало. Боялись, что пооборвутся провода, что дорога в город станет непроезжей. «Подохнем тут все без свету и с голоду!..» Но все-таки стало повеселее, поживее. Наконец-то пришла зима.

Снегопад отсрочил поиск Валентиной Викторовной работы. Казалось, что именно он и мешает начать новый этап жизни, и стоит ему прекратиться, стоит появиться тропинкам, ведущим к школе, клубу, конторе, и Валентина Викторовна спокойно дойдет, поговорит, сдаст трудовую книжку, и все наконец-то станет опять стабильно, надежно.

Приезжая сюда в конце лета и осенью, готовясь к переселению, она специально не интересовалась возможностью устроиться здесь на работу. Начнет спрашивать, узнавать, проситься, получит повсюду отказ — и переезжать станет страшно. А так... Так оставалась надежда.

В первые дни было не до поисков — не свихнуться бы, выдумывая, как сохранить вещи от холода, каким образом так всё разместить, чтобы избушка, и без того тесная, не превратилась в набитый хламом чулан.

Потом съездила в город, взяла расчет, попрощалась с сослуживицами. Они, кажется, были рады, что Валентина Викторовна уволилась. По крайней мере не уговаривали остаться... Еще некоторое время после города она

оттягивала поход по местным учреждениям, уже более убеждая себя, что у нее очень много неотложнейших дел, чем это было на самом деле. А потом повалил снег.

Четырнадцатого утром наконец-то решилась. Надела лучший свой костюм — сиреневые юбку и кофту натуральной шерсти, выходное пальто и норковую шапку. Осторожно, чтоб не выглядеть вульгарно, подвела глаза, подкрасила губы... Муж сидел на низенькой табуретке, курил, пуская дым в топку, где трещали дрова. Тетка Татьяна покачивалась в своем закутке меж столом и буфетом. Сын полулежал на теткиной кровати здесь же, на кухне, листал какую-то книгу.

— Ну, я пошла, — сказала Валентина Викторовна.

Муж поднял на нее тяжелые, красноватые глаза (выпил вчера за ужином и слегка перебрал), качнул головой:

— Угу, давай... А я снег грести... надо.

Тетка и сын не отреагировали вовсе. «Что, мне больше всех, что ли, надо?!» — нахлынуло возмущение, и Валентина Викторовна скорей шагнула за дверь, чтобы не вернуться в комнату, не сесть на задницу, как остальные... Вернуться и сесть очень хотелось. Ведь почувствовала, что не будет толку от этого похода, да и сил нет никаких. Все силы растратились на нервотрепку, на переживания, когда Николая по судам таскали, потом на переезд этот... О Денисе старалась не думать, а то со-

всем... Написала в сентябре, что у них произошло, дала новый адрес для писем. А до свидания еще больше двух месяцев...

Первым делом направилась в контору, где находился главный в деревне человек — управляющий.

Длинный, амбарного типа дом состоял из коридора, по обеим сторонам которого располагались кабинеты. Бухгалтерия, агроном, почта, участковый, пенсионный фонд, отделение Захолмовской сельской администрации... Кабинет управляющего оказался в самой глубине коридора. Словно прятался. Но на стук Валентины Викторовны из-за двери прозвучало довольно бодрое:

— Да?

Она заглянула, с улыбкой спросила:

— Можно? — Вошла.

За письменным столом с потрескавшимся лаком сидел мужчина лет сорока пяти. Вполне приличный на вид. Даже в костюме. Перед ним — газета.

— Здравствуйте. — Валентина Викторовна покосилась на стул, но сесть пока не решилась. — Я к вам... Меня зовут Елтышева Валентина...

— Да, да, — перебил управляющий. — Недавно переехали.

— И уже прописались. Все в порядке... Я вот что хотела у вас узнать...

— Присаживайтесь.

— Спасибо. — Валентина Викторовна села. — Я хотела бы узнать насчет работы.

— М-м... М-да... — Бодрость управляющего мгновенно испарилась, даже веки потяжелели, придавили глаза. — В каком смысле? — Он еще надеялся избежать неприятного разговора.

— Не могли бы вы что-то мне предложить? У меня библиотечное образование, почти тридцать лет проработала библиотекарем, пять лет — заведующей.

— М-м... У нас есть, конечно, библиотека. Не были?.. Но там Фаина. Вроде справляется. Кружок ведет для ребяткишек.

— У нее образование есть?

— Не знаю. Не я ее устраивал — этим отдел культуры занимается. ЦКолой — отдел народного образования.

— А по вашей линии есть какое-нибудь... — Валентина Викторовна запнулась, решила выразиться культурнее: — Есть вакансии? — Но уже почувствовала холодок, пока еще слабый, пробежавший по спине; увериться в том, что работы ей не дадут, не хотелось, не должно было этого случиться.

Управляющий пошевелил плечами, отвел взгляд. Замер. Изображал, что думает. Валентина Викторовна ждала. Управляющий вздохнул, вытряхнул из пачки сигарету, чиркнул спичкой. Прикурил, затянулся и снова замер, глядя в сторону.

— Ну так что? — не выдержала Валентина Викторовна. — Есть? Можно ра... работницей куда-нибудь... или уборщицей. А?

— Да нету у меня мест. Ничего тут не осталось...

— А для мужчин? — быстро, чтобы опередить свое отчаяние, перебила Валентина Викторовна. — У меня сын — двадцать пять лет... И мужу — пятьдесят. Но он... Он в милиции тридцать лет... капитан.

— Ничего нет, — повернулся, сжал взглядом Валентину Викторовну управляющий. — У меня местные без работы. И мужики, и все. Скотники, механики, доярки, трактористы, повара... В том году ферма еще была, а теперь — ничего. Вообще ничего.

— И... и как же здесь жить? — медленно, делая паузы между этими короткими словами, спросила Валентина Викторовна.

— А черт их... Кто на пенсию живет, кто по инвалидности... Пособия на детей, по утрате кормильца... Кому родня помогает, кто уезжает, нанимается в городе, в крае... О-ох... — Осторожно, чтоб не порвать, управляющий затушил докуренную до половины сигарету. — Не знаю. Пятый год сижу тут и удивляюсь. Я сам из Енисейска... Повезло вот, сюда посадили. А что делать — черт его знает. Был бы здесь колхоз, может, и что-нибудь можно было поднять, а так... В Тигрицком вон живут, держатся, но они отдельно. А мы же — часть куста. Центр в Захолмове, техника там...

— Я знаю всю эту систему, — перебила Валентина Викторовна, — я отсюда сама. Помню, как колхозы в совхоз объединили, как люди недовольны были... Но я в городе, правда, долго жила... И вот на старости лет... И не нужна, оказалось... — Валентине Викторовне захотелось плакать, но жалобы управляющего остановили слезы.

— Последних тридцать коров в том году в Захолмово перегнали. На ферме когда-то, говорят, больше ста человек работало, а теперь два сторожа осталось — коровники караулят, чтоб шифер не потаскали... Пошивочный был заводик — мешки шили. Сгорел. Поля были какие, даже пшеницу ростили... Ничего... Пнем вот сию тут и думаю.

Валентина Викторовна поднялась и пошла из конторы.

На улице огляделась. Избы вдоль улицы стояли, по окна заваленные снегом, будто брошенные. Но из труб поднимался дымок, значит, там есть люди, там готовят еду, во что-то они одеты, наверняка у них есть просвет пусть в недельном, но все же будущем. А у нее? У ее семьи? Скоплены копейки какие-то, на которые от силы с месяц протянут, а дальше?.. Николая надо посылать пенсию оформлять. Ему положено за выслугу лет... И ей тоже что-то должно... Два года до законной пенсии, до пятидесяти пяти лет. Два года несчастных. А как их прожить?

Хотела зайти в библиотеку, но не зашла. Толку-то? Там Фаина — хороший, по словам управляющего, работник. Кружок... Направилась в школу.

Двухэтажная, каменная, построенная в позапрошлом веке. Изнутри довольно уютная — большие полукруглые окна, светлые стены, детские рисунки развешаны. Сытно пахнет гречневой кашей.

— Вам куда? — приподнялась с лавочки старушка в синем халате; подозрительно прищурилась.

— Мне — к директору.

— А зачем?

Валентина Викторовна покривила губы:

— По личному вопросу. Познакомиться.

— Да?.. А откуда вы?

— Какая вам разница?

— Как это — какая? Моя обязанность за порядком смотреть. Случится чего, — говоря, мелко перемещаясь, старушка загородила коридор, — случится, и кому отвечать?

— Я... Я хочу просто познакомиться с директором! Гм... — Валентина Викторовна взяла себя в руки, поборолa готовый вырваться крик. — Понимаете, я эту школу закончила много лет назад, окончила в краевом центре библиотечный техникум, долго жила в городе, теперь вернулась и хочу познакомиться с директором. Меня зовут Валентина, девичья фамилия Кандаурова. Мои родители здесь известными были людьми. Тетя, тетя Таня Мата-

сова, до сих пор живет, рядом вон, в двух шагах.

Но старушку эта родословная не впечатлила:

— И что? Уроки идут, нельзя по школе бродить. Директор тоже на уроке. Перемена прозвенит — пуцу.

— Понятно...

Валентина Викторовна почувствовала страшную усталость, даже раздражение на эту в халате прошло. Присела на низкую, для детей, лавочку. Старушка постояла и тоже села.

— А вы не откуда сами? — спросила Валентина Викторовна; на фамилию Кандауровы, которую носила лет сорок назад чуть не половина деревни, любая местная должна была как-то отреагировать.

— Я-то? Я из Тувы. — Старушка протяжно вздохнула. — В девяносто третьем переехали. Десять лет почти как... В деревне тоже там жили, в Межегее. Не слышали?

— Нет.

Тува, в которую некогда стремились разнообразными специалистами (зарплата выше, по службе продвижение быстрее, льготы разные, очередь на жилье быстро двигается), находилась южнее, по ту сторону Саянских гор. Но в конце восьмидесятых, как и во многих республиках Союза, в Туве начались национальные конфликты: и украинцы, грузины, русские — все, в общем, некоренные, стали отсюда выезжать. Некоторые, из степных деревень

и поселков, бежали почти без имущества, напуганные угрозами перерезать их, сжечь заживо... Большинство оседало в городе, где жили Елтышевы, и было время, как раз году в девяносто третьем, они шерстили учреждения в поисках мест работы. К Валентине Викторовне тоже заходили женщины с умоляющими глазами. «Не возьмете? Я районной библиотекой заведовала... Я в школьной двадцать лет отработала...»

— Хорошо мы там жили, — говорила старушка, — крепко жили. Бор рядом, и не как тут, сухой, а богатый. Груздей, бывало, косою коси. Кадками солили. Пласт груздей, пласт рыжиков, пласт волнушек, потом опять груздей... И жимолость, и брусника. Зайцев полно. Мой силки ставил, всегда с зайчатинкой были. Собаке варила... Этих, тувинцов, почти не было, а какие были, то смиренные, работающие... А избы какие оставили! Из листвяка, двести лет им стоять... Сарай, завозни, бани — всё срубы. Сосны рядышком, а нарочно листовень везли с Саян, чтоб не погнило... А как эта вся смута-то началась, так и у нас пошло. Сперва по ночам на лошадях на скакивали, тащили, что плохо лежит, а потом уж и грабить начали, резать. Одетыми спали последнее время...

Старушка говорила и говорила, не интересуясь, слушают ее или нет, а Валентина Викторовна под монотонно-жалостливый голос прокручивала свою жизнь и пыталась вспом-

нить, были ли там, в прошлом, моменты, когда чувствовала настоящую, ничем не подтачиваемую надежность, не тревожилась за завтра... Нет, конечно, были такие периоды, и многими годами измеряемые, но сейчас они не вспоминались. Точнее — не вспоминалось это ощущение надежности.

— ...И решили мы выезжать. Всея деревней решили. А дворов под сотню было. Машин мало добро вывозить, у кого что продать, так кому продашь? Куда? Все трогаются... У меня сын с семьей при мне, а дочь давно уж там, в ихней столице, в Кызыле, жила. Теперь в Шушенском... И вот сперва мы к ей, а оттуда уж сюда кое-как. Сын домишко брошенный тут нашел, купил у сельсовета. Подлатал... Обжились. Потихоньку новый дом поставили. Теперь ничего, а первое время ох тяжело было... И тут нас обокрали первым делом, мотоцикл угнали. Прямо с ограды. Так и не нашелся. Сын плакал... А муж-то мой там лежит, в Межегее. Помер в восимесят восьмом еще, не увидел всех наших страданий. О-ох... Что с могилкой его, и не знаю. А деревня снится каждую ночь. И бор, и горы, и все... А здесь другое совсем...

Валентину Викторовну из услышанного задели два слова — «машина» и «обокрали»... Надо с Николаем насчет машины поговорить — будет налаживать, не будет? И с гаражом что делать? Продать и то, и другое или как? Что-то надо решать. И воровство... Тетка тоже сколько раз говорила: воруют страшно.

Их пока, слава богу, не трогали, но если машину перегонят — вполне ведь могут...

Старушка посмотрела на висящие на стене часы и, вздыхая, поднялась. Нажала кнопку; глухо, как алюминиевый, затренькал звонок.

— Идите на второй этаж, — сказала Валентине Викторовне, — и там по левую руку первая дверь. Звать ее Ольга Петровна.

Ольга Петровна была высокой, крупной, молодой женщиной. Представительной.

Приняла Валентину Викторовну с приветливой улыбкой, обнажившей металлические коронки на передних зубах. Усадила, предложила чаю.

Мягко, с благодарностью, отказавшись, Валентина Викторовна похвалила школу: уютно, тепло, светло. Сообщила, что сама родом отсюда, но жила в городе. А потом, набравшись духу, спросила, есть ли у них свободное место, добавила: отработала тридцать лет в библиотеке, пять лет из них заведующей, прекрасно знает русскую литературу...

Лицо Ольги Петровны поскучнело, вместо улыбки появилась горестная гримаса, углы губ загнулись, внизу щек появились мешочки.

— Ничем, к сожалению, помочь не могу, — сказала. — Химика у нас нет, но ведь вы же не химик... И я ничего в этих цепочках не понимаю... Нет, все штатные должности заня-

ты. Года бы три назад... Тогда у нас почти никого не было, мне приходилось и историю всю вести, и географию, и труд. А сейчас поняли люди, что нечего им искать лучшего, — хоть и две тысячи зарплата, но лучше, чем ничего... Одна из Захолмова каждый день приезжает, учительница физики, а это двадцать километров почти в один только конец. И вот мотается...

Снова зазвенел звонок. Директор поспешно вскочила:

— Простите, мне на урок. Седьмой класс. Кошмар прямо какой-то — каждый раз сражения.

Валентина Викторовна, кивая, направилась к двери. Директор шла чуть сзади, горевала:

— Совершенно неуправляемые. И ничего на них не действует. Вы же, говорю, сейчас фундамент жизни своей закладываете, ведь с вами там дальше никто нянькаться не будет... Ничего! На ушах стоят, девочки хуже парней. В восьмом, в девятом приходят в себя, но часто поздно уже... У нас школа-то девятилетняя. Лет семь как перереформировали. Бывает, кто хочет полное среднее получить, — или в город едут к родне, или в Захолмово. Двух-трех мы тут до аттестата довели — заочно, так сказать. Комиссия из районо приезжала. Экзамены такие, что прямо как в эмгеу. Но ничего, не подвели ребята, сдали. Сейчас, правда, здесь. Денег нет поступать... А насчет рабо-

ты.. Не знаю, что и посоветовать. Совсем с этим неблагополучно у нас. Но если вдруг что, то я, конечно...

Домой вернулась разбитой, выжатой. Будто палками отходили. Хотелось лечь на диван и лежать, лежать.

А дома гостья. Нарядная, лет сорока, светло-русые волосы, располагающее лицо. Даже в таком своем состоянии Валентина Викторовна почувствовала к ней симпатию. Или захотела почувствовать. Может, симпатию не к ней именно, а к той надежности, что от нее исходила.

Гостья сидела за накрытым к чаю столом, напротив нее — Николай. Сына на кухне не было, тетка, как обычно, покачивалась на своей табуретке, смотрела на женщину, не понять — враждебно или с интересом.

— О, вот и Валя! — как-то облегченно обрадовался муж — С ней надо обсудить...

Гостья метнула на Валентину Викторовну быстрый, но цепкий взгляд, за секунду всю ее осмотрела, оценила и заулыбалась. Приподнялась.

— Здра-авствуйте, Валентина! — подала руку.

Валентина Викторовна неумело пожала ее — здороваться за руку не привыкла. Вернулась к двери, оббила снег с сапог. Стала снимать пальто.

— Это вот соседка наша, — заговорил Николай. — Елена... М-м?

— Можно без отчества.

— Елена Харина. Они с мужем на соседней улице живут...

— У нас пятеро детей, — подхватила гостья. — Старшему пятнадцать, а младшей, Анюте, три с половиной.

— А всё говорят, рождаемость падает. — Валентина Викторовна включила чайник. — У вас пять детей, у Юрия — шесть. Еще, слышала, помногу есть... А вы местные?

— Да не-ет, вы что! Из Братска. Половина добра еще там.

— Ясно. Что-то одни приезжие. И управляющий, и техничка в школе...

Гостья согласно закивала:

— Приезжих много. И я представляю, каково вам сейчас. Сами так же... У вас хоть вот бабушка есть. — Короткая улыбка в сторону тети Тани. — А у нас никого знакомых не было. Пальцем ткнули и приехали. Наши корни — и мои, и мужа — с Урала. Родители оттуда. По комсомольской путевке ГЭС строить рванули. А мы теперь оттуда выбираемся. Со всем там... Ни цивилизации, ничего.

Щелкнул, вскипев, чайник. Валентина Викторовна с усилием встала.

— Чай будете?

— Да я уже напилась. А, налейте еще. Вкусно ваш Николай чай заваривает...

— А Артем где? — спросила Валентина Викторовна мужа.

— Ушел. Сказал, погулять.

— Я вот что пришла, — заговорила Елена, дождавшись, когда Валентина Викторовна снова устроилась за столом. — Познакомиться, конечно, но и предложить помощь. Понимаем, как это с нуля почти все начинать... Мы с вашим мужем вот поговорили... Вы ведь строиться, конечно, будете. Как вам здесь всем... — Оглядела тесную, низкую кухню. — Перекантоваться только первое время. Так вот. У нас директор лесопилки в Захолмовом приятель. Доски, брус, горбыль — все может по себестоимости уступить. И насчет цемента есть каналы. Цемент-то вообще бешеные деньги стал стоить! А у нас есть выходы... Бензопилы у вас, вот Николай сказал, даже нет. А как в деревне без бензопилы? Мы можем свою уступить. У нас две. Вторая должна прийти в контейнере в феврале. По-товарищески уступим. Да? И с кормами... Ведь будете же свиней заводить, корову, наверно. Здесь без своей скотины не выжить. Корм тоже помочь можем брать. Так-то с ним беда, а нам удалось контакты наладить. Не знаю, как бы на ноги мы поднялись, если бы все по рыночным ценам пришлось...

У Валентины Викторовны не хватало сил слушать гостью — много сегодня на нее и без этого излилось монологов, вообще тяжелый получился день, — но то, что незнакомый че-

ловек вдруг пришел и предлагает свою поддержку, вообще обратил на них внимание, радовало. Тепло стало на душе, забрезжил впереди просвет. Ничего, пройдут эти первые месяцы, устроятся, смогут... Протянула руку, накрыла ладонью лежащий на столешнице кулак мужа. Сжала ободряюще.

Глава шестая

Зиму переживали трудно. Иногда казалось, что не выдержат, задохнутся в этом домике-склепе, перегрызут друг друга — теснота порождала ссоры, обостряла раздражение. Но все-таки как-то переживали. Помогала тетка Татьяна.

Она просыпалась часов около семи и начинала шевелиться. Медленно одевалась, долго тщательно умывалась, осторожно тренькая штырьком умывальника. Растапливала печь, кипятила воду (электрочайником не пользовалась), пила чай, тоже долго и тщательно, вприкуску с хлебом, словно бы в этот момент набираясь сил на весь дальнейший день; и действительно, в течение дня она почти ничего не пила и не ела... Потом ходила проведать кур, отрывала листок висевшего на стене календаря и читала, надев очки, что там написано на обратной стороне листка. Готовила завтрак.

И ее медленное, но упорное, каждое утро продолжающееся существование заставляло и Елтышевых вставать с кровати, умываться,

что-то делать. Преодолевать очередной, приближающий их к весне-освобождению, день.

После Нового года, который постарались отметить с полным вкусом еды столом, стало появляться на небе солнце, и мороз уже казался не таким мертвящим... Артем все больше пропадал за оградой, гулял, возвращался поздно вечером в основном трезвым, и родители, видя, что ему неплохо, не спрашивали, где он был, с кем. Не пьяный, без синяков, довольно веселый — и ладно. Значит, нашел приятелей, встретил тех, с кем неплохо проводить время. Какой-никакой, но выход.

С февраля Николаю Михайловичу начали приносить пенсию за выслугу лет — семьсот тридцать рублей. Копейки, конечно, мелочь оскорбительная, но все же хоть что-то. На питание — крупу, макароны, мясо, чай, сахар — хватало. Картошки и солений у тетки Татьяны было запасено прилично — даже не верилось, что это она, еле передвигающаяся, нарубила целую кадку капусты, насолила с полсотни банок огурцов и помидоров, спустила в подпол картошку, морковку, редьку, свеклу, бруснику засахарила, варенья наварила. И никто ей, говорила, не помогал, единственная помощь — огород по весне трактором вспахивали.

Как только стал сходить снег, в начале марта, Елтышев отправился разбираться с машиной. Жена заставила — всю зиму напоминала, что надо что-то решать: или ремонт-

ровать, или продавать; иногда от ее слов Николай Михайлович готов был вспылить, ответить резко, но понимал, что она, по существу, права.

Приехал в город, покурил на площади автовокзала, привыкая к многолюдью. За зиму был здесь всего два раза — оформлял пенсию, скрепя сердце встречался с бывшими сослуживцами, собирал справки.

Сейчас тоже дело предстояло неприятное: снова нужно было просить, что-то обещать, от кого-то зависеть...

Мелкие поломки Елтышев исправлял сам. Особенно легко было ремонтировать первую машину, «треху», — все просто, понятно. А с этим «Москвичом» «двадцать первым» измучился. Сдуру купил, поддавшись кратковременной, но шумной моде, клюнув на внешнее удобство, современный дизайн. И вскоре присоединился к большинству тех, кто проклинал эту модель. То одно полетит, то другое, и даже профессиональные механики диву даются, как там все неудобно, хитроумно — не разберешься, не подлезешь... За те три года, что у Елтышева был этот «Москвич», кажется, все уже ломалось. Последней поломкой стал мотор...

В киоске купил жетончик для таксофона и позвонил знакомому механику УВД. Тот иногда помогал с ремонтом машин.

Механик оказался дома, удачно был свободен от дежурства и домашних дел и согла-

сился посмотреть, что там с «заразой». Все машины он называл заразами, да и правильно — большая часть его жизни была посвящена оживлению всех этих изъезженных «Жигулей», «уазиков», «Газелей»...

Огибая дорогие сердцу районы родного города — тяжело было оказаться там гостем, — Николай Михайлович направился к своему гаражу.

Гаражи в их городе образовали своеобразные кварталы — выделялись территории, большие участки земли, на окраинах кооперативам; постепенно вокруг появлялись дома, и их жильцы, кому не повезло купить готовый гараж рядом, получали землю на новой окраине.

Тот кооператив, в котором состоял Николай Михайлович, находился неподалеку от центра — кооператив был старый. Взносы приходилось платить немалые, но зато и председатель работал всерьез: обнес территорию металлическим забором, у единственного въезда поставил вышку-сторожку. За те почти десять лет, как Елтышев владел здесь гаражом, раза два-три всего слышал про кражи, да и то — не машины угоняли, а по мелочам: снимали аккумуляторы, утаскивали разные запчасти, каких немало хранится в гаражах. Но по дороге Николаю Михайловичу представилось, что сейчас подойдет и обнаружит ворота взломанными, а «Москвич»... И странно, страха не появилось, даже захотелось, чтобы

машину действительно угнали, гараж разорили. И не надо ломать голову, как и на какие шиши отремонтировать (той тысячи, что лежала в кармане, наверное, хватит, но это ведь не последний ремонт, а тысяча на сегодняшний день — последняя)... Перегонит в деревню, нужно будет срочно строить гараж (опять же, на что?), а без него через пару лет ржавчиной изойдет — и так уже по низу кузова есть эта рыженца... Конечно, жалко терять гараж — последняя зацепка здесь, в городе, — но придется. Другого выхода нет. По крайней мере ради денег продать. Опоганенный ворьем, продать его будет наверняка не так жалко. Избавиться.

Но дежурящий возле тяжелого шлагбаума охранник, сперва поглядевший на Николая Михайловича с подозрением, узнал и заулыбался, жестом пригласил проходить. И этим развеял странные желания Елтышева: нет, здесь все надежно.

Начались справа и слева плотные ряды бетонных коробок. Тоже надежных, крепких, как бункеры... Сам Николай Михайлович никогда гаражей не строил, но технологию знал хорошо (много лет, имея машину, но не имея гаража и места под него, готовился строить).

Сперва выкапывается глубокий, но не широкий котлован. Большинство людей его бетонируют, а некоторые забирают досками-сороковками, лучше всего листовыми. Получается погреб. Кое-кто плюс к погребу де-

дает и смотровую яму. Дальше сколачивают опалубку и заливают раствором стены. Для раствора надо покупать цемент, привозить песок, глину, щебень, соединять это все в бадье, тщательно перемешивать и, загружая в ведра, переливать внутрь опалубки. По несколько сантиметров выше, выше... Конечно, блатные и в советское время пригоняли бетономешалки, нанимали людей для строительства, но в основной массе мужики корячились сами, в одиночку, месяцами.

Главное было — крыша. Одни стелили плахи, другие — стальные балки, покрывали толем, засыпали глиной или опять же заливали бетоном. У кого возможность была — топили гудрон; были и те, что клали шифер. В общем, каждый по-своему старался сделать крышу наиболее герметичной. Протекающая крыша (а протечь может и через год, и через пять) — самая большая проблема владельца. Тем более что течь может не только явно — из трещины капает, — самое подлое, когда влага напитывает сначала крышу, затем стены, заражает ржавчиной лежащие на полках детали, запчасти, автомобиль, сползает в подвал...

В конце же строительства бетонировали пол, навешивали ворота, выводили из подвала воздухопроводную трубу, ставили печку, протягивали проводку. Приводили электрика, который подключал гараж к ЛЭП.

Да, не строил Елтышев этот гараж, не было связано с ним никаких историй, особых проблем, кроме того, что несколько лет назад заменил провисшие обитые листовым железом ворота на цельнометаллические (хоть и тепло не держат зимой, но зато открываются легко, долговечные), не прикладывал к его содержанию больших усилий, но сейчас, бродя по нему вокруг промерзшего «Москвича», оглядывая стеллажи с разными, в основном ненужными, вещами, бросовой мелочёвкой, вдыхая запах холодной пыли, цемента, чувствовал себя вернувшимся чуть ли не домой. Но дом скоро нужно будет оставить навсегда... Ведь как, действительно?.. Нужно, никуда не деться, продавать гараж и строиться в деревне. Бруса купить, кирпича, цемента. Еще одну зиму им в избенке не пережить.

Николай Михайлович открыл машину, сел за руль. Поежился. В салоне было морозно... Да, промерзла... Чтоб немного согреться, закурил... А сыновьям что оставит? Артем, с ним более-менее, он наверняка так и будет при них. Вряд ли когда повзрослеет. А Денис... Вернется Денис, и куда? Так хоть гараж здесь будет, сказать ему: «Вот, это твое имущество, извини, что так получилось. Но хоть что-то...»

От этих сбивчивых, панически-хаотичных мыслей Елтышеву захотелось зарычать и садануть со всей мочи по рулю. Каким-то зверем, огромным, сильным себя чувствовал, но попавшим в капкан, из которого не выбраться.

ся. И рвись не рвись, что хочешь делай — не поможет.

— Эй, есть кто живой? — Голос от ворот.

Николай Михайлович вздрогнул. От неожиданности, конечно. Затыкал окурок в пепельнице, полез из машины.

— Здорово! — встретил уже подошедший механик; на нем был темно-синий милицейский бушлат, на голове спортивная шапочка. На плече висела старая вместительная сумка, в которой, Елтышев знал, лежат ключи, тестеры, еще разные профессиональные инструменты.

— Здорово, здорово, Сереж.

— Ну, чего опять у тебя?

— Да вот...

Николай Михайлович засуетился, включая свет в гараже, открывая капот; объяснял оправдывающимся тоном, что вот сначала застучало, а потом мотор заклинил, уже смотрели, но не специалисты, а он, Сергей, он ведь мастер — золотые руки... И одновременно вспоминалось, как, когда Елтышев служил, этот Сергей перед ним заискивал. Ну, может, и не особо заискивал, но вот такие вопросы: «Чего опять у тебя?» — не задавал. Да попробовал бы только...

Глава седьмая

Весна осваивалась медленно, с натугой. То, казалось, укреплялась, распускала по земле живые нити, то хирела, исчезала, гибла в новой волне морозов.

В городе война весны с зимой и не замечалась почти, лишь самые важные моменты — вот с крыш закапало, вот снег сошел, трава полезла, вот полопались почки, и деревья покрылись зеленоватой словно бы пылью. А в деревне была заметна, важна-необходима любая мелочь. И ждала эту весну Валентина Викторовна, как, пожалуй, никогда раньше, даже в детстве.

За почти полгода жизни здесь приятельниц у нее не появилось. Да и у мужа приятелей тоже. Разве что Юрка, который часто заходил, присаживался в пороге, курил, рассказывал, какая летом тут благодать, с готовностью включался в планы Николая насчет строительства: «Да мы такие хоромы отгрохаем! Я помогу, Михалыч, ты что! Давай-ай...» — а перед уходом просил тридцатничек в долг. Иногда Николай давал, и тогда Юрка расцве-

тал, тут же предлагал «посидеть, раздавить пузырьки», а когда следовал отказ в деньгах, надувался, будто его обманули, не заплатив за выступление положенный гонорар...

У Юрки было шестеро детей — четыре мальчика и две девочки — от тринадцати до четырех лет. Сам он после закрытия фермы нигде не работал, жена мыла полы в магазине. «На что живут?» — часто недоумевала Валентина Викторовна и пыталась высчитать: жена получает в лучшем случае тысячи полторы, плюс детские деньги (семьдесят рублей в месяц), может, еще как-то родственники помогают, хотя вряд ли, может, что-то Юрка наштабашит, что тоже маловероятно. На сколько-то, наверное, продают осенью картошку скупщикам. И как, пусть даже на три тысячи в месяц (да нет, какие там три тысячи? — меньше), прокормить, одеть всю эту ораву?

Несколько раз она видела Юркиных детей. Старшая, тринадцатилетняя Лида, выглядела на свой возраст, сложена была пропорционально, а уже следующий, одиннадцатилетний Павлик, ростом, фигуркой смахивал на восьмилетнего-девятилетнего; остальные тоже были низкорослыми, щуплыми, с туповатыми лицами... «И что из таких получится?»

Тех, с кем выросла здесь, кого знала еще до отъезда на учебу в педучилище, Валентина Викторовна почти не встречала. Да и немудрено — без малого сорок лет прошло. Но все-таки было не по себе: казалось, все они вы-

мерли от какой-то страшной чумы или холеры, а те, кто остался, были точно заболевшими или переболевшими совсем недавно — вялыми, равнодушными до неодушевленности. Валентина Викторовна начинала было рассказывать им о своих бедах, о том, что вот на старости лет приходится все начинать сначала, а они механически кивали, уныло вздыхали и смотрели мимо ее глаз, куда-то в пустую даль. И прощались так же бесцветно, как и здоровались, продолжали медленное передвижение по улице.

Более или менее тесно сошлась Валентина Викторовна только с Леной Хариной — той женщиной, что навестила их в середине зимы, предложила помощь, хотя ее семья тоже нуждалась — ждали контейнер с вещами, а он все не прибывал. Валентина Викторовна посоветовалась с мужем, и они заранее, заочно купили у Хариных бензопилу. За две с половиной тысячи рублей (подобралась как раз такая сумма) — почти на полторы тысячи дешевле, чем та стоила в магазине.

— Вот-вот привезут, — заверяла Елена, убирая деньги в карман. — Вот-вот... Проблемы там с транспортом были, но уже, получены сведения, идет состав. А пила прекрасная — «Тайга»!

Машину удалось наладить, хоть это и стоило денег. В начале апреля перегнали сюда. Гараж пока продавать не решались — все же страшно было терять какую-никакую, но не-

движимость в городе. Оттягивали момент окончательного решения.

Николай начал выбирать участок, на котором будет стоять дом. Выбрать, правда, оказалось не так уж просто — несмотря на то что усадьба тети Тани составляла семнадцать соток, двор был крошечный, окруженный строениями: дровяник и угольник, банька, стайки с сеновалом наверху, летняя кухня. За ними — сортир, хоздвор, где летом жили куры. Теснота построек. Конечно, теснота оправдывалась тем, что зимой, в мороз, из избы до бани или до угольника можно было добежать за секунды. Но куда тут всунуть дом и гараж? Вот пригнали «Москвич», и он занял почти весь двор.

Николай заговорил при тетке, что, видимо, придется ломать дровяник и стайки, спросил ее мнение. Тетка приподняла и уронила тонкую руку:

— Да ломайте, ломайте. Мне-то уж что... Мне бы дожить как-нибудь... Куриц жалко — как они в зиму под небом останутся...

— Построим новую стайку, — с улыбкой, но заметно помрачнев, сказал Николай.

Тетка безнадежно вздохнула.

Настрой что-либо переделывать после этого, как заметила Валентина Викторовна, у мужа ослаб. Он подолгу сидел на трухлявом чурбане во дворе, чаще стал курить. Чуть не одну за одной. Смотрел хмуро на черную покосившуюся избу, на такие же, дышащие на

ладан, сараюшки. Во взгляде читалось: «Что делать? Я не хозяин здесь. Как мне самоуправничать?»

Однажды Юрка привел невысокого, хорошо одетого мужчину в кожаной кепке, с папочкой под мышкой. В первый момент, когда увидела из окна, как они заходят в калитку, Валентина Викторовна перепугалась — кольнуло в сердце, что о Денисе страшное сейчас сообщат. Или сбежал, или что еще хуже... Метнулась было на двор, но тут же остановила себя, поправила волосы, одернула кофту, пошла медленно. Снова остановилась, решила дождаться, когда войдут.

Человек все не появлялся, и она все-таки толкнула дверь, выглянула... Муж слушал хорошо одетого, который что-то говорил тихо, но энергично. Рядом переминался Юрка, заглядывал в глаза то Николаю, то тому, кого привел.

— Что-то случилось? — спросила Валентина Викторовна, стараясь казаться спокойной.

— Да вот... — Николай растерянно покривил губы. — Предложение тут нам...

— Здравствуйте! — обрадовался человек Валентине Викторовне, глубоко, будто поклонился, кивнул и тут же снова повернулся к Николаю: — Для самих местных это лучше — спирт качественный, питьевой...

— А что такое? — перебила Валентина Викторовна, снова тревожась, но уже по другому поводу. — Может быть, в дом пойдём?

Мужчина согласился:

— Да, желательно.

— Не, не надо, — остановил Юрка, — там эта, бабка. Начнет опять ворчать.

— Гм... Так вот о чем я... — Теперь мужчина больше обращался к Валентине Викторовне. — Здесь, как вы, наверное, знаете, в Захолмове — спиртовой завод. Спиртзавод... И есть возможность наладить продажу спирта населению. Спирт питьевой, предназначенный для водки...

— Да пробовали мы его, — снова покривился Николай, — горелая резина до сих пор во рту.

— Что? — Мужчина на мгновение растерялся. — А-а, так это, — растянул губы в улыбке, — это вы ворованный пили. Были тут одни, ворованным торговали. Мы с ними разобрались.

— Угу, — невесело подтвердил Юрка.

— Сейчас же мы налаживаем сеть по району. Чтобы все цивилизованно... Лицензию на торговлю алкоголем свыше двенадцати градусов магазин снова не получил, значит, люди будут продолжать травиться гадостью. Как эки уже — зеленку пьют...

— Так что вы хотите-то? — устала слушать эту околесицу Валентина Викторовна, вопросительно взглянула на усмехающегося мужа.

— Да спиртом предлагают нам торговать, — сказал он.

— Практически — да, — подтвердил хорошо одетый и зачастил убеждающей скороговоркой; так в модных магазинах говорят специально находящиеся в зале люди. — Все централизованно, согласовано наверху. По мере надобности я привожу тридцать литров питьевого спирта, тару. Вы разводите... Я выдам спиртометр. Вода в колонках очень высокого качества, так что можно не кипятить. Отпускная цена пол-литра — тридцать рублей, а вы можете повышать по своему усмотрению — на десять, пятнадцать рублей. Практика показывает, что цена в сорок пять рублей на сегодняшний день людей устраивает. Берут...

Валентину Викторовну поразило не само предложение этого мужичка — все сейчас зарабатывают как могут, — а то, что Николай не обрывает его, не гонит со двора. Наоборот, перестав усмехаться, внимательно слушает, что-то в уме подсчитывает... И ей пришлось оборвать самой:

— Слу... слушайте! Вы не знаете, наверно, к кому вы пришли. Думаете, живут в халупе такой, так к ним можно, не откажутся. У меня муж тридцать лет в милиции прослужил. На заслуженном отдыхе... Я — библиотекарем... Как вам не стыдно!.. Коля, да выведи ты его!

— Подождите-подождите, — примирительно поднял руки мужчина, — я же вам ничего преступного не предлагаю. Наоборот. Понимаете, люди травятся всякой дрянью. А тут — питьевой спирт заводской перегонки. Можно сказать, полезное дело...

— Ладно, уважаемый, действительно, — наконец подал голос Николай. — Мы уж как-нибудь, как раньше... Попрощаемся?

Мужчина пожал плечами:

— Очень жаль. Я именно к вам поэтому и пришел, что о вас хорошо отзываются. Надеялся на ваше понимание. Что ж, до свидания. — И пошагал к калитке.

Юрка, вздохнув, направился за ним. Нагнал, зашипел в ухо, но так, что Валентина Викторовна услышала:

— Я сейчас еще покажу. Те обязоном согласятся.

— Далеко?

— Да не, на той стороне...

Довольно долго после их ухода Елтышевы возмущались — Валентина Викторовна горячо, Николай Михайлович сдержанно. Но и сожаление в этом возмущении слышалось — сожаление, что вот они не могут, как большинство других, торговать спиртом, а бизнес-то прибыльный, способный помочь им выбраться из вдруг обрушившейся полунищеты.

А через несколько дней Артем сюрприз преподнес. За завтраком, долго томившись, то беря, то откладывая вилку, отбивая своим мрачно-беспокойным видом аппетит, в конце концов произнес:

— Я, наверно, женюсь.

— А?..

— Тут так получилось... Жениться нужно.

— Что?! — Но, не поверив ушам, ужаснувшись, Валентина Викторовна словно была готова к этому. Да не просто готова, а обрадовалась, и в мозгу засветилась схемка: встретил девушку, городскую, — сюда к бабушке приезжает, — женятся, переедет к ней в квартиру, возьмется за ум, работу найдет, может, и в институт поступит, и все будет хорошо.

— ...Уже заявление подали...

— Так-с, и на ком это? — повеселел, но повеселел нехорошо, Николай.

— Ну... Ну, познакомился тут с девушкой. Еще зимой...

— И это с ней ты все пропадал?

— Ну да.

— Хм, интересно!.. Женюсь...

— А кто она такая? — стараясь быть спокойной, спросила Валентина Викторовна. — Местная она?

— Ну да...

— Да говори, рассказывай теперь. Кто это? С чего вдруг?

— Ну, зовут Валентина, — Артем быстро

взглянул на мать, — тоже. Живет с родителями... Там, за прудом... Двадцать семь лет.

— Старше тебя, получается?

— Ну на немного же...

— И кто родители? Что за семья?.. Давай рассказывай! — Николай стал выходить из себя; Валентина Викторовна пихнула его ногой под столом. — Да ладно, не пинайся!

— Мать — не знаю, — продолжил бурчать Артем. — А отец — баянистом в клубе работал... раньше... Георгий... Отчество не знаю... забыл... Фамилия Тяповы у них.

— Это ты про Гошки-баяниста, что ль, дочку? — очнулась тетка Татьяна.

— Ну, наверно...

— О-ой, выбрал тоже.

— А что? — обернулась к ней Валентина Викторовна. — Что такое, теть?

— Та-а, язык не повернется...

— Да ну, — перебил Артем, — мало какие сплетни...

— Помолчи-ка! — Николай пристукнул кулаком по столу. — Такими словами не бросаются — женюсь. Какие бы у вас там порядки ни были, а родители должны знать. Ясно? Почему ты нас с ней не познакомил до сих пор? С ее родителями? Пять месяцев где-то что-то, а теперь — женюсь.

— Ну, познакомились...

— Ну-ка не нукай! Интересное дело: взял и поставил перед фактом. Расхлебывайте теперь, мать с отцом! Умник.

Валентина Викторовна попыталась успокоить:

— Подожди, не кричи, пожалуйста. Разобраться надо, узнать...

— Да что тут узнавать уже?! Поздно узнавать. Женится он, видите ли. И плевать ему, что у нас ни рубля сейчас, что на чемоданах сидим. Нет, вот надо именно в такой момент заявлять...

Николай поднялся из-за стола, схватил с печки сигареты, вышел. Бухнул дверью.

Артем сидел, затравленно поглядывая туда-сюда, втянув голову в плечи... Валентина Викторовна искала какие-то слова, но все они были не те, всё, что приходило на ум, казалось, сейчас только повредит, усугубит.

Глава восьмая

Земля отошла во второй половине апреля. Родители заторопились с посадкой картошки, обустройством огорода, но бабушка Татьяна сказала, что рано, еще будут заморозки, а то и снег.

Мать не поверила, поговорила с соседками, те подтвердили: «Числах в десятых мая садимся. Огурцы, помидоры так и позже — в июне... А ты что, забыла?» Мать растерянно пожала плечами: «В городе вроде раньше...» — «Хе, в городе! В городе все по-другому».

В последнее время Артем старался поменьше попадаться родителям на глаза... На другой день после того, как объявил насчет скорой свадьбы, мать с отцом пошли к Тяповым знакомиться. Мать, оказывается, знала Валентиновых родителей — они были чуть старше, — но знакомство их, прерванное на несколько десятилетий, не стало поводом подружиться. Поговорили у ворот, удостоверились, что Валентина беременна, примерно на третьем месяце, покачали головами, тяжело поглядели на Артема и его невесту...

Дядя Гоша, правда, любитель выпить, заикнулся, что надо бы посидеть, пропустить за знакомство, но его не услышали. То есть сделали вид, что не услышали.

— На какое число регистрация? — спросил Николай Михайлович.

Артем покосился на Валю, опасаясь отвечать сам.

— Двенадцатого мая, — сказала она.

— А ум-то есть в мае жениться?! — Валентина Викторовна всплеснула руками.

Будущая сватья встрепенулась:

— А что такое?

— В мае жениться — всю жизнь маяться.

— Да уж ладно вам...

— Что — ладно? Не терпится замуж выдать?.. — взвилась Валентина Викторовна. — Надо еще экспертизу сделать, от кого что там...

Чудом каким-то не дошло до ссоры.

Артем плелся за матерью с отцом и думал, как и в первое утро здесь, в деревне, о том, что надо бежать. Куда-нибудь, как-нибудь. Что-то страшное завязывается в эти дни... Но куда все-таки — и на какие деньги? Даже на автобус до города денег нет... Но так хотелось оказаться в своей комнате, одному, на кровати, которая сейчас, разобранная, зарастает пылью в летней кухне...

Одному... Нет, одному теперь не получится. Попал. Сам хотел этого, хотя и боялся, и вот — попал.

Он подробно запомнил первые встречи с Вале́й, первый танец... При свете елочных гирлянд, заменяющих цветомузыку, она казалась очень симпатичной и молодой. Артем пригласил ее потанцевать, она коротко удивилась, и в этом удивлении уже было и согласие, и готовность к большему... Тогда Артема это обрадовало. И потом, когда обнимались, целовались на холоде в каком-то проулке, он был счастлив.

Валентина жила на краю деревни, в одном из двухквартирных домов, стоявших неподалеку от развалин сгоревшего несколько лет назад швейного завода. Довольно далеко от центра. Но после тех танцев и поцелуев Артем почти каждый день бывал у ее дома, бродил перед окнами. Зябко ежился, сжимал-разжимал заледеневшие пальцы ног. Вызывать Валу не решался, но иногда она замечала его и выходила. Стояли возле изломанных штaketин палисадника, натужно разговаривали, привыкая друг к другу, и Артему уже не было холодно. Наоборот, обдавало жаром.

Встречались и в клубе. (Больше в деревне пойти было некуда.) Валя при людях вела себя с Артемом почти как со своим ухажером — брала под руку, смотрела с теплой улыбкой, всегда готова была с ним танцевать. Парни — Болт, Вица, Глебыч — подмигивали Артему, кривили в двусмысленной улыбке губы.

Как-то, когда оказались на крыльце без Вали, Глебыч спросил:

— Ну как, подходящу телочку подогнали?

Артем уже успел привыкнуть к Вале, может, уже любил ее. Поэтому такие слова покорибили.

— В каком это смысле?

— Ну, дала уже, нет? — И, заметив, как искажилось лицо Артема, Глебыч сменил тон: — Да не, она девчонка нормальная. Слабая только на, эт самое... Ладно, Тяма, давай накатим.

Полился в измятые пластиковые стаканчики спирт, парни заговорили о том, что делать после танцев: «Можно кастрик на пруду запалить, посидеть». — «Давайте, картошки только надо». — «Да, картофана напе-ечь!» И Артем слегка успокоился... Постоял рядом с ними, выпил немного и незаметно вернулся в клуб.

Наблюдал в полутьме за Валею. Она сидела на лавке, разговаривала с девушками; ее что-то спросили, она усмехнулась и мотнула головой, золотистые завитые локоны качнулись, стала отвечать, судя по выражению лица, оправдываясь. «Обо мне, что ли?» — подумал Артем, и неприятно засосало в груди; он словно слышал, как она раскрывает их секрет. «А что раскрывать-то? — поймал себя. — Нечего».

Звучала красивая мелодия, хрипловатый женский голос пел по-английски. Никто не танцевал — в деревне не очень-то любят медляки, и вообще парни с девушками на танцах почти не общаются, вроде бы даже не заме-

чают друг друга. Зато потом, когда клуб закрывается, разбиваются на пары и куда-то расходятся.

Так произошло и в эту субботу, и Артем с Валей тоже пошли вместе. В сторону ее дома. Было прохладно, громко хрустел под ногами оплавленный солнцем, а теперь заледеневший снег; взлаивали за воротами собаки и тут же, убедившись, что люди идут мимо, замолкали.

— Валь, — не выдержав, остановил ее Артем, повернул лицом к себе, — я хочу с тобой быть... Хочу тебя.

Она серьезно улыбнулась.

— Подожди немного.

— Что подождать?

— Пойдем.

Артем хотел было опять остановить ее, обнять, начать целовать, но обещание сулило большее. И он пошел за Валей.

У калитки она сказала:

— Побудь здесь, я узнаю...

«Что узнаешь?» — собрался раздраженно спросить Артем. Не стал, послушно прислонился к штакетнику, смотрел на черные пятна домишек за белым пятном пруда, на редкие желтые и синеватые квадраты окон. Было тихо и мертво, и казалось, на всей земле сейчас так — холодно, тихо, безлюдно. Тоскливо... Если бы не надежда на возможную скорую близость с девушкой, Артем опустился бы на корточки и заскулил. А потом завалился бы на бок, закрыл бы глаза и медленно, пред-

ставляя во сне лето, городской какой-нибудь скверик, замерз.

Тонко пропела дверь в глубине двора, потом захрустел обледенелый снег и послышался шепот Вали:

— Ну-ка пошел в будку! Давай-давай быстро! Ну-ка, Трезор... — И так же шепотом: — Артем, заходи.

Он вошел, стараясь рассмотреть, где Валя, где будка с собакой...

— Иди к бане, — шепот-приказ. — Прямо вон дверь.

Захрустел по двору. За спиной шаги Вали, звяк цепи и собачье ворчанье.

— Тихо, сказала!..

В предбаннике было тепло, пахло шампунем, ошпаренными березовыми листьями, мокрым деревом... Артем почувствовал резкое, как удар, возбуждение. Даже стоять стало тяжело; он нащупал в темноте лавку и присел...

Заскочила Валя, набросила крючок на петлю.

— Свет не будем включать, — сказала тихо, словно ее могли услышать в доме. — Тут свечка где-то... сейчас... Раздевайся пока...

С тех пор этот предбанник стал единственным местом, где случалась их близость. Чаще всего в нем было холодно (баню топили раз в неделю), поэтому одежду не снимали. Артем приспускал джинсы, а Валя задирала к

груди юбку... Но и тогда, когда в предбаннике бывало тепло и как-то даже уютно, увидеть девушку обнаженной Артему не удавалось — она не зажигала электричество, все происходило при желтоватом перышке короткой свечи.

И знакомство родителей, так или иначе узаконившее их положение жениха и невесты, не изменило характер встреч. Встречаться для секса, кроме предбанника, было негде: у Вали в трех комнатах без дверей жило четверо человек — кроме нее самой, еще мать с отцом и бабка лет восьмидесяти. На лето старшие Валины сестры привозили своих дочерей и часто наезжали сами; Валя в это время спала на веранде. А вести ее к себе Артем даже не предлагал. Конечно, мечтал оборудовать летнюю кухню под жилище, сделать своей комнатой, но понимал, что это лишь мечта: сам он не умел ремонтировать, строить и перестраивать, отец же, узнав о скорой свадьбе, стал мрачен, Артема почти и не замечал. Словно Артем его предал...

Как-то после одной из торопливых, опасных близостей, когда сидели рядом на лавке, Артем спросил... Это было дней пять спустя после визита его родителей к Тяповым...

— Валь, а у тебя много было парней?

Он почему-то был уверен, что ее не обидит этот вопрос, а не задать его уже не мог — давили ухмылки пацанов и намеки бабки Татьяны.

— Да, много, — спокойный голос. — А что, тебе уже наговорили?

— Ну... Почти... И, знаешь... — Артем запнулся, подбирая слова, — хочется знать... Свадьба скоро, и... Будет у тебя с кем-то потом? Или как?.. У меня вот до тебя никого не было... Так, случайности всякие. Да и то...

— Можешь считать, что у меня тоже случайности, — оборвала его Валя. — Случайности. В городе их могут не замечать, а здесь всё сразу... Во все стороны растекается. Скучно людям, вот и пережевывают чужое. — Она взяла со стиральной машинки какую-то тряпку, вытерла промежность; Артем поморщился, отвел глаза. — А как без этого?.. Я люблю секс, хочу семью, ребенка. И случайности эти... Нет, — ее голос стал жестче, — это не случайности — я соврала. Со всеми, с кем была, собиралась на всю жизнь. Но... Короче, или бросали, или садились, или убивали их. У нас тут много убивают. Летом особенно. Двух парней у меня зарезали... Уезжают многие. Девчонки тоже уезжают, замуж некоторые выходят. И тут выходят, даже, бывает, удачно. А у меня вот не получалось никак. И не уехала никуда, пробовала... Сестры устроились в городе, а мне помочь... Ну, у них мужья, дети, квартиры тесные... А-а... — Валя бросила тряпку обратно, улыбнулась Артему. — Что, одеваться будем или еще?..

С какой-то брезгливой страстью, молча, Артем полез на нее. Невеста легла спиной на узкую лавку, задрала ноги.

Глава девятая

После Пасхи, недели за полторы до свадьбы, Николай Михайлович пересилил себя — загасил в душе обиду и злобу на сына. Что ж, ничего нельзя теперь изменить — не запретишь ведь жениться. Взрослый все-таки человек. Но на что жить?.. А главное — где? И Николай Михайлович решил поторопиться с домом.

Денег было в обрез, поэтому решили продать гараж. Узнали цены и приуныли — средняя стоимость не превышала тридцати тысяч.

В городе как раз начали строить два больших подземных бокса, естественно, с отоплением; землю для кооперативов выделяли легче, чем раньше, да к тому же доступными стали металлические ракушки — их ставили те, кто ездил лишь в теплое время года.

— Что, продаем? — вернувшись из очередной поездки в город, спросил Елтышев жену и сына. — Двадцать семь тысяч дают и оформление документов берут на себя.

— Ох-хо-хо, — вздохнула жена, — а что делать? Не сюда же его перетаскивать... А так — закажем бруса, цемент купим.

— Ладно-ладно. — Николай Михайлович устал уже от планов, и слова «цемент», «брус», «кирпич» даже во сне слышались. — Значит, продаем. Я предварительно договорился.

— Продать-то — дело нехитрое, — заскрипела тетка, — а вот купить...

— Теть Тань, можно мы сами!..

— Погоди, — в свою очередь перебил жену Николай Михайлович, обратился к старухе: — Ну а вы что предлагаете? А? — И прищурился, точно всерьез ожидал от нее мудрого совета, да и, кажется, в глубине души действительно ожидал.

Но тетка только медленно отмахнулась иссохшей узловатой рукой, уставилась в окно, за которым в запущенном палисаднике торчали прошлогодние стволы крапивы.

— А ты что скажешь? — обратился Елтышев к сыну.

— Я?.. Ну, не знаю.

— А что ты знаешь вообще?! Хм... Ладно. Значит, продаем и начинаем строиться. Так? Жена и Артем закивали.

Стараясь не замечать осуждающе-скорбные взгляды старухи, выходявшей посидеть на лавочке возле сенок, Николай Михайлович ломал крайнюю слева стайку, где когда-то, очень давно, судя по всему, жили свиньи...

Стайка была засыпной, и как только Елтышев отдирал доски, изнутри стены вывалива-

лись иссохшие, спрессованные куски опилок, глины, истлевшие перья, солома и, упав на землю, рассыпались, превращаясь в душащую пыль. «Из всякого мусора строили», — морщился Николай Михайлович, и в голове невольно возникала большая крестовая изба из желтого бруса, с горящей на солнце жестяной крышей... Шифером крыть не будем, сейчас железо хорошее есть; можно под черепицу.

Сын помогал, но — как все, что он делал в жизни, — вяловато, нескладно. Натыкался на гвозди, занозил пальцы, шикал, укал... Не так раскладывал доски.

— Да эта еще пригодится, куда ты ее в трухлявые ложишь?! — сердился Николай Михайлович. — И гвозди вытаскивай или загибай хотя бы.

Правда, работа увлекала, и на душе Елтышева светлело, появился даже азарт, какой он, редко физически работавший, давно не испытывал.

Но разборка стайки двигалась медленно, и через несколько дней азарт сменился чуть ли не отчаянием — вот расчистят место для дома (еще предстоит снести дровяник и угольник, точнее — на другое место перенести), а дальше нужно копать яму для подпола, заливать фундамент... Да, похоже, даже если материалы все будут в достатке, за одно лето не поставит дом... Людей приглашать? А кого? Юрку разве... Нет, людей-то можно найти, толь-

ко чем расплачиваться? Но, допустим, все же будут деньги, то кто поможет?

Николай Михайлович стал перебирать в уме деревенских мужиков. За полгода он успел ко многим присмотреться и поделил их на две части. Большая — существующие кое-как, в убогих избенках, вечно полупьяные, проводящие дни или на скамейках возле калиток, будто немощное старичье, или, с приходом тепла, на берегу пруда, над которым зависли жутковатые остатки сгоревшего заводика... Маленькая часть жила в крепких, на многие поколения, избах; усадьбы таких мужиков огорожены высокими глухими заборами, во дворах молчаливые, но страшно злые собаки — не лают попусту, а сразу рвут, если кто сунется...

Эти, из меньшей части, постоянно возились в своих оградах, держали свиней, коров, кроликов, привозили откуда-то мешки с кормами, по улицам ходили быстро, вечно спеша. Такие, казалось, ни за какие деньги не пойдут корячиться на чужом дворе, разве что, может, помогут бревна на верхние венцы закатить, а бездельники наверняка с готовностью согласятся, но так наработают, что больше напортят...

Трухлявые доски и столбики сразу пилили на дрова, а более-менее крепкие откладывали на всякий случай — на опалубку, например. Бензопилу Харины так и не принесли — все никак их контейнер не мог прибыть. Но

делать было нечего, тем более что муж Харин устроился лесником (по крайней мере, сам так объявил) и обещал помочь с жердями, слегами, бревнами: на его участке как раз начиналось обновление противопожарных полос. «Много там добрых сосен под срез наметили». Николай Михайлович в виде аванса заплатил Харину пятьсот рублей — для подпола свежие бревна были необходимы, а подпол он планировал сделать в ближайший месяц.

Девятое мая отметили семьей. Ели и выпивали молча, чувствовалась напряженность; при всем желании Николай Михайлович не мог заулыбаться, хлопнуть сына по плечу, сказать: «Да ладно, брат, все будет нормально!»

Погода в этот день стояла солнечная, припекало, и тянуло идти на улицу, взять выдергу. Стайки уже не существовало — лишь слой мусора и окаменевший свиной навоз. Дровяник стоял без крыши, но его дальнейшая разборка застопорилась — тетка с тихим упорством настаивала, что сперва надо построить новые дровяник и угольник: «А дожди пойдут, и где топливо брать сухое?»

Умом Николай Михайлович соглашался с ней, а душа требовала скорее сломать старое, строить дом. Да и не было материалов для новых дровяника и угольника — не из гнильях же лепить...

— Рядышком где надо поставить, — и сей-

час, за праздничным столом, стала капать старуха. — Далеко-то я не могу — у меня ноги плохие...

— Да зачем вам за углем ходить? — возмутилась Валентина. — Коля есть, Тема.

— Е-е, — безнадежный, не верящий вздох.

Николай Михайлович помрачнел еще больше, налил водки:

— Ну, за праздник...

Настроение тетки Татьяны передавалось и ему, заставляло сомневаться в каждой мелочи, и то и дело тяжелыми лапищами сдавливали мысли о скорой свадьбе сына. Неожиданной, скороспелой, неправильной.

С горем пополам договорились со сватами, где будут свадьбу эту справлять — во дворе у Тяповых. Двор просторный, ровный; вынести столы, всех рассадить (почему-то сваты предполагали, что гостей будет много). А завтра утром нужно ехать в город за продуктами, уже и список составили, что купить. Два тетрадных листа получилось...

Гараж Николай Михайлович продал быстро, на оформление документов ушло часа полтора, и теперь в подзеркальной тумбочке лежали двадцать семь тысяч. Завтра часть их потратится. Да и разве большие деньги это по нынешним временам? Кубометр бруса, Елтышев узнавал, почти полторы стоит. На дом нужно венцов пятнадцать минимум. По кубометру на венец. Пятнадцать на тысячу пятьсот... Двадцать две пятьсот... Лучше все-таки из

кругляка — дешевле. Хотя... Посоветоваться надо с людьми...

Самое неприятное было в том, что до сих пор не определилось, где Артем с женой будут жить. Этот вопрос обе стороны обходили стороной. Боялись скандала.

Через два двора от Елтышевых стояла брошенная избушка. Николай Михайлович как-то сходил, осмотрел ее, надеясь подремонтировать, приспособить под жилье на первое время, но надежда быстро погибла — один угол сруба совершенно сгнил, и избушка завалилась набок, держалась кое-как пока на голимой трухе.

Двенадцатого мая утром Николай Михайлович отвез сына с невесткой в Захолмово. Там они расписались. Сопровождала их одна из сестер Валентины, немолодая уже, рыхло-полная бабенка с волосатым подбородком. Всю дорогу Елтышев с неприязнью и любопытством поглядывал на нее: «Преподнес бог родственничков». Впрочем, вида не показывал — все-таки торжество. Да и природа радовала как могла. Небо было по-весеннему высоким и чистым, деревья покрылись нежно-зеленой листвой. Коровы на ближнем к деревне лугу с аппетитом, после месяцев сена и комбикорма, жевали только что вылезшую траву. В огородах рычали тракторы, распахивая влажную землю...

Возле распахнутых ворот Тяповых уже ждали. Человек пятнадцать. Жена Николая Михайловича стояла рядом со сватьей, обе широко улыбались, но в глазах была тревога и озабоченность. Отец Валентины, не просыхающий, видимо, с Первого мая, пытался собрать расползающиеся мехи баяна... В толпе Елтышев заметил и Юрку, приодетого, побритого, вместе с супругой — миниатюрной, стройненькой, будто и не рожала шестерых... Были неожиданно и Харины. Остальных же Николай Михайлович или не знал вовсе, или только встречал на улице. В основном, наверное, родня и подруги невесты.

Только стали выбираться из машины, Тяпов заиграл, сбиваясь, на своем баяне, запел с хмельной разудалостью:

Вот кто-то с го-орочки спустился,
Наверно, ми-илай мой иде-от!..

И быстро замолчал — пение мешало поздравлениям, вскрикам, объятиям, праздничной суете.

Расселись за переполненные едой и бутылками столы. Молодые были серьезны, даже мрачноваты. Особенно Артем — опускал глаза, старался не встречаться взглядом с родителями. Зато гости веселились на всю катушку. То и дело кто-нибудь, закусив очередной тост, начинал показно морщиться:

— А колбаса-то у вас го-орькая!

И остальные тут же дурными голосами подхватывали:

— Горь-ко! Горь-ко!

Артем с Валентиной поднимались и целовались. Вроде бы смущенно, через силу. Как чужие...

Сейчас, имея возможность рассмотреть родителей, сестер невестки, Николай Михайлович отметил те общие черты, что делают родственников похожими. У отца Валентины были тяжелые, набрякшие веки; сначала Елтышев решил, что это от пьянства, а теперь видел — фамильное. И скулы тоже одни — островатые, массивные. Для мужика, может, неплохо, а женщин портит. Старшие сестры Валентины были обе полные, приземистые, в мать. Сама Валентина еще сохраняла стройность, но это, скорее всего, до первых родов. От матери у дочерей был и нос — широкий, слегка вздернутый. По молодости довольно миленько, наверное, а лет в сорок.. «М-да, родственнички, родственнички», — все повторял мысленно Елтышев, и своя жена, сыновья представлялись сейчас настоящими аристократами.

Отец Тяпов после каждой выпитой рюмки порывался играть, ронял баян, ругался, сам чуть не падал. Потом встал со стула, качаясь, как прут на ветру, подошел к Николаю Михайловичу.

— Ну чего, сваток, — приобнял за пле-

чи, — будем жить теперь? Эх, последнюю дочку выдаю, отпускаю. Выпьем?

— Куда уж пить тебе? — остановила жена. — Иди полежи там.

— Ну-к-ка! Последнюю дочь!.. И вот, — Тяпов, обращаясь к Елтышеву, ткнул жену в бок, — и вот с ей останусь тут догнивать. И с ее матерью. Двадцать лет тут живет у меня. Помирать пришла, а все...

Жена тряхнула муженька-баяниста:

— Хватит молоть опять! Как дам ведь...

Николай Михайлович налил водки в первые попавшиеся рюмки. Пригласил как мог бодрее:

— Давай, Георгий Степанович, за все хорошее! Чтоб у детей сложилось...

— Во-во! Эт правильно. Очень правильно! — И, забыв чокнуться, Тяпов бросил содержимое рюмки в рот.

Как обычно, пьянел Елтышев медленно. А сегодня и не пьянел почти, а тяжелел душевно. С каждой рюмкой застолье становилось все неприятнее, гости — какими-то случайными, ненужными. Раздражало, как жадно ест Юрка, без хлеба, как, не дожидаясь остальных, никому не предлагая, наливает водку и глотает, глотает... «Дорвался». Раздражали периодически взрывающиеся восторги в адрес погоды:

— Благодать-то какая! Это хороший знак:

боженька свадьбу нашу солнышком благословляет!

— Да-да! Погода — прелесть, что и говорить!..

Николай Михайлович нащупал в кармане пиджака сигареты. Отошел к калитке. В закрытой широкой доской будке заворчала собака. «Собаку надо бы завести, — тут же кольнула мысль, — машина без призора ночами. Дождемся однажды...»

За столами опять стали скандировать:

— Горь-ко! Горь-ко!

Артем с Валентиной устало приподнялись, не обнимаясь, поцеловались кончиками губ. Гости захлопали, зазвенели бокалами и рюмками... «И где им, хм, первую брачную проводить?..»

— Николай Михайлович, — оказался рядом муж Хариной, высокий, сухой, совсем непохожий на деревенского, мужчина, которому очень пошли бы очки. («Да он ведь из города», — вспомнил Елтышев.) — Сигареткой не угостите?

Елтышев дал сигарету.

— И зажигалочку...

«Ни говна, ни ложки», — вспомнилось выражение, которое часто слышал от сержантов на дежурстве.

— Как там с пилой? — спросил.

— Да вот никак контейнер дойти не может! — с готовностью возмутился Харин. —

Каждый день звоним, ругаемся. Не дай бог, потеряли.

— Я уже подпол копать собрался. Молодых же селить где-то надо... Дом строю.

— Да-да, правильно. А вы руками, что ли, копать будете? Я могу с трактористом договориться. В Захолмове у меня приятель на «Беларусе» с ковшом работает. А? Полчаса работы.

— И сколько это будет стоить?

Харин как-то нервно дернул плечами:

— Так сказать не могу. Договоримся... В пару сотен, думаю, уложимся.

Глава десятая

После свадьбы что-то важное сломалось в семейной жизни. Надламывалось и раньше, постепенно: сначала посадили младшего сына, потом завели уголовное дело и уволили мужа, потом квартиру отобрали, а теперь — теперь вот и Артем, так долго державшийся за родителей, слишком долго, как казалось, все продолжавший быть беспомощным ребенком, вдруг взял и ушел. Откололся. И в самый нежелательный для этого момент.

Поселился с женой у Тяповых во времянке. Зимовать там было холодно, но с мая по октябрь жить вполне возможно. Тем более нашелся обогреватель — старенький, тархтящий «Вихрь», выдувающий из зарешеченного отверстия струйку горячего воздуха.

У родителей Артем после свадьбы появлялся редко, да и то, кажется, лишь затем, чтобы взять денег...

Восемнадцатого мая приехал трактор и распахал огород. Отдали пятьдесят рублей и бутылку «Земской» водки... Земля оказалась песчаной, истощенной. Тетка сажала картош-

ку из года в год, удобрять почву у нее сил не было — что-то собиралось по осени, и ладно.

Пришлось ехать к пустующим коровникам, набивать мешки перегноем. (Хороший нашли — целые кучи черного, жирного, даже не заросшего сорняками.) Хотели во время посадки бросать в лунку понемногу — какая-никакая, а подпитка.

Проходивший мимо мужичок остановился, спросил сердито:

— На огород, что ль, берете?

Николай выпрямился над мешком. Приготовился к перепалке:

— А что, нельзя?

— Да можно. Только соленый он — хуже сделаете. — И объяснил, где взять нормальный перегной и навоз.

Опростили мешки, поехали туда, куда указал мужичок.

— Есть еще хорошие люди, — шептала Валентина Викторовна, — спасибо ему...

На следующий день сажали картошку. Пришел и Артем, копал лунки, в которые Валентина Викторовна бросала морщинистые, с бородашкой ростков, клубешки... Николай копал лунки в другой части поля, сам бросал картошку, присыпал землей. Иногда обращал внимание на работу сына и сердился:

— Ну у тебя глаза есть или как? Чего кривишь-то так? И на равном расстоянии лунки делай, не частй...

Тетка сидела во дворе, перебирала выну-

тую из подпола картошку, отыскивая более-менее крупную на еду. До августа нужно будет питаться ею.

Закончив с картошкой, сделал жене парничок под огурцы и несколько гряд, Елтышев вернулся к строительству дома.

Доочистил квадрат десять на десять метров, наметил место для подпола — срыл землю штыка на три. Оказалась она вполне пригодной для посадок, и Николай Михайлович отнес ее в огород. Дальше пошел песок.

Копать было легко, но соблазнял обещанный трактор с ковшом: действительно, трактору здесь на полчаса работы...

Сходил к Харину, напомнил.

— Да, я узнавал, — закивал тот. — Он обещал в субботу. Аванс требует... на солярку.

— Сколько?

Харин оглянулся на стоящую сзади жену.

— М-м... Сотню.

— Не слабо солярка у вас стоит, — усмехнулся Елтышев, но делать было нечего, отдал деньги. — Жду.

— Да-да. В субботу.

— И с бревнами еще... Будут, нет?

Харин вроде бы слегка обиделся:

— Будут, конечно! Я помню, работаю в этом направлении...

В ожидании субботы Николай Михайлович съездил в город, купил на рынке пять меш-

ков цемента по восемьдесят семь рублей. Гвоздей, подборную лопату, ножовку, электродрель, продуктов, сахара для варенья.

...В субботу трактор не появился. Уже по темноте, злой и уставший от впустую потраченного дня, Елтышев снова пошел к Хариным.

Калитку открыла Елена. Как всегда, радушно заулыбалась.

— Что-то случилось, Николай Михайлович?

— Муж дома?

— Нет, уехал.

— Куда уехал?

Елена спрятала улыбку:

— Какая вам разница?

— Мне — большая.

Елтышева стало поколачивать.

— Он мне трактор пригнать обещал сегодня. При тебе обещал.

— А, да-да, кажется...

— И как? Где трактор?

Харина удивленно скривила губы:

— Почему вы это меня-то спрашиваете? И таким тоном?

— Слушайте... — Николай Михайлович поморщился, с усилием взглатывая. — Слушайте, что-то я вас не пойму. Пилу мне с февраля несете, бревна — с марта. Теперь — трактор. Я что вам, лох, что ли, только бабло отстегивать?!

— Вы не выражайтесь, пожалуйста, — тоже разозлилась Харина, — у меня дети во дворе.

— Да я скоро не только выражусь. Я мент — ясно? — и со мной опасно шутить. Я шуток не понимаю.

Харин пригнал трактор на другой день к обеду. С Елтышевым демонстративно не разговаривал; вопросы, где копать, на какую глубину, задавал тракторист. Был он уже порядком балдой, еле-еле втиснулся на своем «Беларусе» во двор («Москвич» перед этим Николай Михайлович переставил на улицу, подальше, на всякий случай), долго скреб ковшом сделанное Елтышевым до того углубление, густо дымил кривой прогоревшей трубой... Наконец ковш словно бы нашел в почве слабинку и стал зачерпывать... Ссыпал землю тракторист беспорядочно, и Елтышеву несколько раз приходилось указывать, куда именно сыпать. Тот утвердительно тряс головой, а потом опять валил то направо, то налево... И сама яма получилась кривой, ближняя к трактору стена — почти пологой.

Дождавшись, когда глубина стала метра три, Николай Михайлович скрестил перед собой руки: хорош. И тракторист с готовностью дал задний ход, напоследок врезавшись колесом в столб ворот.

— Да что ж ты делаешь?! — заорал Елтышев. — Дебил!

Тракторист чуть развернул «Беларус», вы-

ехал на улицу. И, уже не останавливаясь, будто убегая, помчался в сторону Захолмова.

— Рассчитаемся? — подошел Харин.

Усмехнувшись — «заговорил», — Николай Михайлович достал сторублевку.

— А еще одну?

— Я тебе одну уже отдал.

— Я помню. Но двести — трактористу, и сто мне.

— За что?

— Как это за что? — изумился Харин. — Я ездил в Захолмово три раза, договаривался..

Елтышев не спеша, сдерживая себя, закурил. Посмотрел на Харина:

— А верни сюда этого, тракториста своего. Я спрошу, сколько ты ему обещал.

— Это мое дело.

— Ясно. В общем, запомни: разводить меня у вас больше не получится. — Он выдернул из руки Харина бумажку, сунул в карман. — Будут бревна, будет пила — будут деньги. Понял?

— Гм... Теперь и не знаю, как быть.

— Что ты не знаешь?

— Да что делать мне... Что в таких случаях делают. — Голос Харина стал глухим. — Пришел, жене стал угрожать... Милицейские порядки тут не пройдут, Николай Михайлович. Тут — деревня. Таких тут не любят.

Раньше дал бы Елтышев за такие слова в грудак; так он и делал, когда служил. А теперь пришлось терпеть. Но кулаки чесались, дей-

ствительно, физически чесались, словно комары накусали. Даже поскреб ногтями казанки. И четко, с расстановкой, сказал:

— Жду машину бревен и бензопилу, за которую уже заплачено. Получу, будем разговаривать. Нет — на себя пеняй.

Загнал «Москвич» во двор, стал возиться с воротами. Харин стоял и наблюдал, как Елтышев поправляет покореженный столб, волочет осевшие, хлипкие воротины, вставляет слегу в железные скобы... Наблюдал, что-то соображал.

Недели две Николаю Михайловичу казалось, что Харин вот-вот привезет обещанное — все-таки рвать отношения никому не на пользу, — хотя бы необходимые именно сейчас бревна. Яма темнела, пугала, как вырытая могила.

Елтышев обложил ее старыми досками и бревешками, чтоб случайно никто не свалился. Чувствовал себя каким-то разорителем, особенно, натываясь на взгляд тетки Татьяны — вот взял и изуродовал двор...

После ветра и за ним дождя кучи вокруг ямы покрылись зелененькими точками — что-то стало там прорастать.

В конце концов не выдержал, поехал в Захолмово на пилораму.

Встретили его равнодушно, поначалу вроде и не понимали, чего ему надо.

— Бревна есть? — спрашивал Елтышев.

— Да есть, конечно. Вон, целые горы...

— И в какую цену? Мне штук двадцать надо. Срочно.

— Бревна... — Мужики переглядывались. — Да мы их на доски распускаем.

— Мне надо бревна купить, для погребка.

— Ну, это надо у начальства спрашивать...

— А где начальство?

— Да где-то тут...

После долгих поисков Николаю Михайловичу удалось найти начальника пилорамы, и он тоже долго не мог взять в толк, чего от него хотят.

— Доски у нас в ассортименте, — перечислял упорно, — горбыль, брус...

— Мне бревна надо.

— Бревна не продаем... Бор же рядом.

— И что, — Елтышев нервно хмыкнул, — сосны ехать валить?

— Ну, договориться с кем, с лесничим... Нам невыгодно кругляк продавать. Мы — доски можем, горбыль, брус, обрезь на дрова...

Вечером, вымотанный до предела, опустошенный, сидел Николай Михайлович в огороде. Лесничего он так и не отыскал, бревнами не разжился и впервые, встретив Юрку, сам позвал того выпить.

Пока брал дома закуску — жене сказал, что посидит с соседом на воздухе, — Юрка сбегал за спиртом.

Спирт оказался не такой уж ядовитый, с

устатку даже приятный. После сотни граммов стало слегка полегче, но настроение не улучшилось. Смешанная со злобой досада обострилась.

— Вот полгода, больше, здесь прожил, — заговорил Елтышев, глядя на синеющие в густеющем сумраке верхушки сосен, — а никак не привыкну. К людям не могу привыкнуть. Хотя и мало с кем сошелся. Сначала как-то неприятно было, а теперь радуюсь — меньше, думаю, меня развели... Скажи вот, — повернулся к Юрке, — зачем этим Хариним так внаглуую надо было меня наё... — удержался, не сматерился, — накалывать? Сначала бензопилу втюхивали, которой, видимо, и в природе нет. Две с половиной тыщи за нее отдал. Потом — бревна. Наобещать наобещал... Хм, лесником человек работает, мог бы за месяц как-нибудь...

— Кто лесником? — перебил Юрка. — Харин, что ли?

— Ну да, он мне еще в начале марта сказал, что устраивается. Бревен наобещал, взял деньги...

— Да никакой он не лесник, Михалыч! Дома сидит. Может, сулились ему, но не взяли.

Елтышев не мог поверить:

— Он мне сам сколько раз... Точно не лесник?

— Да точно. Я-то знаю. — Юрка быстро плеснул в стопки. — Вздрогнем? — И когда выпили, сразу, не заедая, стал объяснять: —

Его понять можно, что так он... А на что им жить? Тем боле с пятью детьми. Я вот местный, родни полдеревни, все чем не чем, а помогут. А им, приедем... На детские деньги живут, картофан едят сплошной. Вот и приходится... И большинство здесь таких... Мне вот, думаешь, приятно так... Не совсем же я скотина еще. А — стыдно. Утром просыпаюсь, и чего? Чего делать-то? Тридцать девять лет, все вроде умею, могу, а толку... Ну, умею, в смысле, что тут в деревне требуется. Все работы перепробовал. И отовсюду, знаешь, Михалыч, за что увольняли? Не за прогулы и это самое, — щелкнул себя по горлу, — а что место закрывалось.

— Ну, так удобно рассуждать. Я много такого наслушался, когда в трезвяке работал. Возможно же как-нибудь и в таких условиях человеком оставаться.

— А как? — закипятился Юрка. — Подскажи, если знаешь. Соболей у нас нету, чтоб промышлять, грибы, бруснику сдаем. И картошку скупщикам. Но это копейки всё. А так.. Ну вот как мне детей содержать?.. Один тут у нас, Мурущук такой, решил, когда можно стало, всерьез решил гусей разводить. Штук двести пятисуточных купил, комбикорма сколько-то там мешков. Вырастил, на пруд стал выгонять. Весь пруд белый был... Ну, первый год хорошо, правда, с десяток то ли украли, то ли еще... Не знаю. Но, в общем, забил, сдал. Молодняк подрос. Ну, думаем, вот и фермер у

нас появился... А на следующий год взяли и все его гуси передохли. Жег их потом в огороде. Жег-жег и сарай подпалил. Под мухой был, наверно. С сарая — на гараж, там машина... В общем, сгорело все... Года два в бане жил, — баня у него в стороне стояла, у пруда, она только и уцелела, — пил по-черному, жена убежала. Потом парализовало его, случайно обнаружили, а так бы с голоду помер... Увезли куда-то, не знаю... Такой вот фермер был у нас... Да и, — Юрка снова налил в стопочки, — да и где денег взять на начало? На гусят этих или еще на что? Тут сотня появится — и то счастье.

— И ты ее пропиваешь скорее, — добавил Елтышев.

В глазах Юрки блеснула обида.

— Ну, пью, допустим, я на дарма обычно. Из семьи ничего никогда не тащил... Зря ты так... — Он пошевелился на штабеле досок; Николаю Михайловичу показалось, что Юрка собирается уйти, но вместо этого он взял стопку и выпил.

Елтышев тоже выпил. Закурил. Довольно долго молчали.

— Ладно, Юр, я не со зла. То есть со зла, но ты ни при чем... — Мысли Николая Михайловича путались, слова трудно приходили на язык. — Посоветуй, что с этим Хариным делать. Как деньги вернуть? Три тысячи должен. За пилу, за бревна.

— М-м, не слабо... Зачем давал-то вперед?

— Поверил.

Юрка хехекнул, и Елтышеву тоже вдруг стало смешно, что его, вроде бы тертого мужика, так облапошили. Раз и другой.

— Что, — со злой веселостью сказал он, — видно, придется вышибать. Думают, лоха нашли... Не-ет, со мной такое не пройдет. — И обрадовался, что говорит это при Юрке: «Пускай передаст».

— Да, надо вернуть деньги, — согласился тот, — это святое. Но, может, выполнят еще... Пила-то у них есть, материалы привозят. Строят что-то в ограде.

Глава одиннадцатая

Медовый месяц получился совсем не медовым...

Большую часть дня Артем проводил в тесной времянке с одним тусклым оконцем. Лежал на кровати, прислушиваясь к шагам во дворе, голосам. Выходить, включаться в чужую жизнь было неудобно и неприятно... Когда Валя звала есть, Артем поднимался, шел. Тихо садился на свое место, стараясь не глядеть по сторонам, пережевывал, что давали.

Питались Тяповы не очень разнообразно. Картошка, в основном вареная, гречневая и рисовая каши, соленое сало с толстой кожей, иногда мясо с подливкой, много белого пористого хлеба, соленые огурцы, переквашенная капуста. Почти каждый день на столе появлялись ломти соленого арбуза, на вкус Артема, редкостная гадость...

В доме обитала примерно того же возраста, что и бабушка Татьяна, старуха. Может, еще древнее. Она тоже говорила мало, сидела на табуретке в одном и том же углу, глядела тоскливо и скорбно выцветшими, будто покрыты-

ми бельмом глазами. Как ее звать, Артем до сих пор не понял — родители Вали называли ее «мать», а Валя, ее сестры и их дочери старуху вроде бы не замечали...

По вечерам, выбрав момент, когда Артем находился один, во время захода Георгий Степанович. Оценивающе оглядывал помещенице, спрашивал:

— Ну как оно, обживаешься?

Артем кивал.

— И добро, давай-ай... Желания нет пропустить по капле?

— Да так. — В общем-то Артем не был против. — Денег нет.

Чаще Георгий Степанович сочувствующе вздыхал, для порядка еще говорил что-нибудь и уходил, а случалось, доставал из кармана старенького пиджака бутылку:

— У меня имеется.

Выпивали или здесь же, или на заднем дворе, устроившись на чурбаках и отгоняя кур от закуски. Закуска состояла из хлеба и перьев лука-батуна.

В начале питья Тяпов любил рассказывать о прошлом:

— Я же один во всей деревне на баяне умею. И раньше тоже... Как что — ко мне: «Поиграй, Жорушка!» И подогревают стаканчиком, накормят потом до отвалу... А когда молодым был, ох, хорошо-то!.. Песен знал тысячу — и душевные, и блатные, солдатские... Парни, даже кто старше, уважали, девки вис-

ли гроздьями. Даже, знаешь, дрались за меня!.. Да-а, каждый вечер праздником был. Спать, как ты вот, некогда было. Днем работаю, потом помоюсь, рубашку наброшу, баян под мышку — и гулять. К трем-четырем домой приползаю. Подремлешь до семи, а там снова работать... Ох, покуражился, конечно, есть что вспомнить.

Когда в бутылке оставалось с треть, тема менялась — тесть сбивался на настоящее:

— Да, Артемка, а теперь осталось вспоминать только. Вот видишь, как совпало — и возраст такой, и времечко, когда все покатилося черт-те куда... У нас же тут вот пошивка стояла, и я на ней, считай, всю жизнь. Грузчиком, сторожем... Мешки шили простые, но все-таки. И польза — кто-то же должен шить мешки... А теперь... Все было, да все прошло. Сколько девок разных вилось, а женился вон... Сержант-сверхсрочник какой-то, а не женщина... Эх, Артемка, по-честному, так же, как и у тебя получилось: жих-жих случайно, а потом объявляет, что залетела. Жениться пришлось. А гуляла до меня дай боже! Но девки вроде на меня похожи. А, похожи?

Артем кивал, глядя в замусоренную щепками землю. Такие параллели ему не нравились, и любовь к Вале, — точнее, то чувство, которое он считал любовью, — грязнилось, грязнилось... И странно было, зачем тесть ему это рассказывает.

— Жалко, что девки одни нарожались. Все

три. Скучно без сына. Ты хоть не подведи — заделай мне внука. Рыбачить с ним буду ходить. На баяне научу...

Если Георгий Степанович перебирал, в нем просыпался первый парень на деревне. Он заламывал на затылок кепку, надевал баян и приставал к жене. Какие-то ее грехи вспоминал. Несколько раз Артем становился свидетелем их драк. Нет, дралась жена, била костяшками пальцев Тяпова по голове, а он матерился, смеялся, повторял, что она ему всю жизнь поизгадила.

Валя скорее уводила Артема во времянку, включала старенький кассетный магнитофон. Выбор музыки был невелик — несколько кассет с песнями, популярными лет десять-пятнадцать назад. Вроде «Комбинации», «Миража», Влада Сташевского... Сделав звук погромче, Валя устало ложилась на кровать, поглаживала ладонью низ живота, а со двора доносились обрывки вскриков, пьяного хохота, писки баяна.

Вскоре после свадьбы отношения Вали и Артема стали меняться. Вместо волнения и возбуждения той почти тайной близости в предбаннике появилась размеренная упорядоченность. В их распорядении были и вечер, и ночь, и утро. Но это не радовало. Наоборот. То и дело вспыхивало раздражение тем, что они постоянно рядом, хотя друг к дру-

гу по-настоящему не привыкли еще. К тому же Валя стала отказываться от ласк. Ссылалась на беременность, на неважное самочувствие.

— Я слышал, это вначале бывает, — говорил Артем. — Тошнота, токсикозы... У тебя же не было?

— Было. Я старалась виду не подавать.

— Хм, интересно. А теперь не стараешься? — И у Артема возникало ощущение, что его обманули.

Валя прижималась к нему, целовала, но как-то, казалось, по обязанности.

— Ну что ты, — шептала жалостливо. — Я за маленького боюсь, это опасно уже, ведь пятый месяц. Потерпи, ладно?

Ложились на узкую панцирную кровать, обнимали друг друга, закрывали глаза... Заснуть в таком положении было трудно, поэтому через несколько минут поворачивались друг к другу спиной, тяжело, натужно вползали в сон...

Утром Артем пытался вспомнить, что ему снилось, но ничего не вспоминалось. Черная полоска забытья. И просыпался неосвеженным, как будто спал полчаса.

А дни, пустые, длинные, проходили у него в размышлениях.

Парни, имевшие отношения с женщинами, всегда представлялись ему словно бы выше его, заранее сильнее. Ведь для того, чтобы овладеть женщиной, нужно обладать чем-то особенным, необыкновенным, чего у него не

было. И все его юношеские попытки сдружиться с девушками, добиться секса, заканчивались быстро и плачевно — девушкам достаточно было перебраться с ним несколькими фразами, чтобы узнать в нем того, кто этим особенным и необыкновенным не обладает. И они теряли к нему интерес. Раза три или четыре благодаря выпивке неуклюжее общение перерастало в близость, но опять же заканчивалось неудачей; кроме стыда от этих близостей, ничего у Артема не оставалось.

Когда уединение в предбаннике стало у них с Валею повторяться, Артем наконец-то почувствовал себя равным многим мужчинам, брату, который, хоть и был младше на два года, повзрослел намного раньше. Но теперь, спустя полгода, Артему частенько казалось, что, может, лучше бы их с Валею знакомства не случилось. Или близость так далеко не зашла. Теперь его одиночество и та мучительная тоска вспоминались как нечто светлое, сладостное, невозвратное.

Неприятно было все чаще и чаще видеть выражение страдания на лице жены; неприятно было, как она придерживает, будто охраняет, почти еще и не обозначившийся живот. Но всего тяжелей было ощущение своей запертости здесь, в этой времянке, в этом дворе, где любое его появление встречается лаем до сих пор не привыкшего к нему Трезора... Никто, конечно, Артема не запирает, не сторожил — запирало и сторожило сознание, что

он теперь должен быть рядом с женщиной, которая стала его женой. Да и куда было идти? К родителям, где он был заперт до этого?

К родителям его приводило отсутствие денег, ну и слабое желание помочь по хозяйству.

— О, к нам гости! — кажется, издевательски восклицал отец. — Проходи, рассказывай, как медовый месяц.

«Медовый месяц, — про себя повторял Артем, — дайте пять тысяч — будет медовый».

Вместе с отцом поставил новый сортир, тупо глядя в яму во дворе, слушал возмущения по поводу того, что Харины не исполнили своих обещаний — ни пилы, ни бревен, а яма вон осыпается; печку надо в бане срочно менять, полок новый сколотить, а досок нет подходящих, да и вообще всю бы баню надо новую; и хотя бы фундамент дома до осени залить...

— Да, надо, — соглашался Артем, но по настоящему не верил, что они в силах что-то здесь, среди этого старья, изменить... Над сортиром бились четыре дня, и получился он кривоватым, низеньким, тесным — отец объяснил это отсутствием подходящего материала, но дело было скорее в их неумении строить... М-да, одно дело — сортир, а другое дом, баня...

Событием для родителей стала покупка щенка лайки у школьного учителя труда. Купили за символические двадцать рублей, спе-

циально сучку, на развод, назвали, не выбирая долго, Дингой. Несмотря на щенячьи два месяца, оказалась она уже всерьез злобной, знала свою обязанность охранять территорию внутри ограды, умела отличать своих от чужих. Артема она встречала ворчанием, переходящим в тонкий, но сердитый лай, пыталась схватить за ногу.

— Молодец, Динушка, — хвалил отец и трепал ее за складчатый загривок, — хорошая хозяйка растет.

Понимая, что это глупо, Артем все-таки обижался: «Нашли замену... Теперь и домой не прийти... И там лают, и здесь...» И, вроде бы играя с лайкой, он растравливал ее, чувствительно шлепал по морде, тыкал в бок, подсекал носком ботинка лапы. Динга взвизгивала, отскакивала, но тут же старалась отомстить, с неумелым рычанием бросаясь вперед.

Главное, что тяготило, — конечно, отсутствие денег. Имел бы он деньги... Но о больших деньгах старался и не мечтать — мечты выматывали хуже самой тяжелой работы, — а сотню-другую можно было перехватить лишь у родителей.

Просить Артем стеснялся. Нет, не то чтобы стеснялся, а опасался услышать в ответ что-нибудь резкое и обидное. Видел, как они экономят каждый рубль, надеются обустроиться на этих сотках, только этим, казалось, и живут.

О семейных делах родители с Артемом почти не разговаривали — задавали вопросы, но ответа не требовали, — видимо, не хотели слушать его жалобы, боялись сорваться на упреки и запоздалые обвинения. Да и о чем было здесь говорить? Все ясно и так. Непонятно только, как дальше жить.

— Нам, это, — медленно, с трудом начал Артем о том, зачем пришел, — нам в консультацию завтра надо. Ну, насчет ребенка... Проверить.

— И что? — понимая, к чему это говорится, все же спрашивал отец.

— Ну, на автобус... денег нет совсем. До города и обратно...

— Что-то часто она в консультацию, — замечала мать. — Не в порядке что с плодом?

— Да не знаю... Но какие-то проблемы. Угу...

На самом деле в консультацию, да и то не в город, а в Захолмово, где было гинекологическое отделение, они ездили всего два раза. А деньги под это Артем брал уже раз пять. Поэтому и мялся, и боялся, отводил глаза.

Просил денег и просто на продукты. Родители ворчали, но все же давали. Он шел в магазин, покупал чего-нибудь вкусного (картошка уже не лезла), точнее — разнообразного. Конфет, вафель, халвы, колбасы, макарон, апельсин... Увидев это на столе, Георгий Степанович изумлялся: «Праздник, что ль, какой?» — и не стеснялся налегать на деликатесы. Позже

Артем стал сразу уносить их во времянку, ел сам и кормил Валу. Она не возмущалась, что не несет продукты на общий стол.

Уже в середине лета, при очередной просьбе дать немного, отец сказал пугающе сухо, что означало — он на грани бешенства:

— Слушай, сын, не пора ли уже, в конце концов, самому подумать, как семью содержать?

Артем сжался, отвел глаза. «Ну вот».

— Я с четырнадцати лет самостоятельно начал жить, в училище поступил, подрабатывал вечерами. Потом завод, потом армия... Ты-то до каких пор в ребеночках будешь ходить? У самого дитё вот-вот появится, а всё... — Отец постепенно распалялся. — Что, мне тебя до пенсии твоей, что ли, кормить?! И всех остальных...

— А что делать-то?! — не выдержал Артем, чуть не впервые открыто заспорил с ним. — Где здесь работать? Привезли в... хрен знает куда, и — что?! — Увидел побелевшие глаза, замолчал.

— Та-ак, тебя, значит, привезли... Двадцать пять лет человеку! А! — отец усмехнулся, обращаясь к матери и бабке (те поддерживающе закивали). — Привезли его! Валялся потому что в комнате круглыми сутками, вот и привезли. Бездельник ты, вот что. И женитьба тебя не изменила. Другой бы каждый день ме-

ня тормошил, чтоб дом строить, семью свою как-то устраивать, а ты...

— Давай строить, — подхватил Артем, — я не против. Давай.

Отец поднялся, быстро ушел в комнату, чем-то громыкнул и вернулся с пачечкой денег. Бросил на стол:

— Вот десять тысяч — строй. Езжай, покупай кирпич, цемент, доски, железо. Давай строй, а я помогу. — И пальцем подпихнул голубовато-белые бумажки в сторону Артема.

Мать сидела странно тихая, не останавливала беснующегося отца, ничего не предпринимала. «А ведь это ее идея была, сюда нам...» — вспомнил Артем и почувствовал к матери что-то похожее на ненависть; ненавидеть отца боялся.

— Ну что? — И деньги оказались еще ближе к Артему. — Мы с матерью уже старые, мы и тут как-нибудь доскрипим... Строй, переселяй женушку, ребенка. Все в твоих руках.

— Ладно, пойду. — Артем медленно поднялся и, ожидая, что его остановят, потребуют сесть обратно и что-то в итоге решится, направился на улицу...

«Хорошо, что не курю, — неожиданно порадовался, ощупывая пустые карманы, в которых не было даже мелочи, — а то бы вообще, хоть вешайся».

На следующее утро к Тяповым пришел отец. Вызвал Артема. Присели на траву у пру-

да. Долго молчали, глядя в стороны, за деревню, на покрытые осинником невысокие горы. А может, слепо смотрели, выжидая время.

— Тяжело нам, — хрипнул отец и прокашлялся. — Тяжело, вот и срываемся. С мамой что-то — заметил? На себя не похожа стала... Не знаю, что делать. Тупик какой-то. И сил нет... Думал, переедем, зиму перекантуемся, а по весне — начнем. Быстро, дружно. И новую зиму в новом доме встретим. Ну, — вздохнул тяжело и действительно как-то бессильно, — ну что об этом... Я всю ночь не спал, все варианты перебрал. Сегодня с мамой поговорили. Может — ты только правильно пойми, — может, тебе в милицию устроиться? А? Подумай... У меня связи остались все-таки, поговорю. А ты и в армии отслужил, тридцати еще нет. Должны взять. Сутки дежурить, потом двое-трое здесь. Люди так работают... Или — общежитие там есть. Может, удастся... Надо как-то из положения этого выходить. Подумай, а?

Артем не знал, что ответить — предложение было неожиданным и диким. В школе доставалось ему за то, что отец его — мент; только когда Денис вошел в силу, пацаны успокоились... Но. это предложение обещало просвет впереди, слабый, правда, но все же... Слава богу, отец не давил.

— Больше ничего пока в голову не идет... Пока — вот, — достал из нагрудного кармана

рубахи пятьсот рублей, — держи. Не транжирь только сильно... Сам понимаешь... И завтра приходи пораньше, поедем пиломатериалы заказывать. Что там дальше, а за дом надо браться. Добро?

— Добро, — машинально повторил Артем и, придя в себя, добавил бодро: — Да, конечно. Давай.

Глава двенадцатая

Числа с десятого июля большая часть деревни целые дни проводила в бору. Сначала брали назревшую в логах жимолость. Те, у кого имелись мотоциклы и автомобили или был доступ к тракторам, забирались дальше, в отроги Саян, где уже начиналась тайга. Там по горным ручьям жимолость росла крупная, тугая. Часа за два ведро можно было набрать.

Вечерами, сигналив, по улицам ездили скупщики, предлагая за ведро сто или сто двадцать рублей. Многие продавали, остальные возили ягоду в город на рынок, торговали там (правда, продать за день не всегда получалось, ягоды было много) по сто пятьдесят — сто семьдесят рублей...

Чуть позже жимолости появлялись грузди. Сначала сухие — ценились они не очень высоко, но лезли из мха бесчисленно, их собирали с радостью: продашь — не продашь, но хоть самим в зиму еда. Солили в банках или кадках, были семьи, где только ими от голода спасались... После сухих наступало время настоящих груздей и рыжиков. Эти и на рынке

ценились, и скупщики за ними охотились. На грибной сезон отпирали стоящий у магазина сарайчик заготконторы, но принимали там дешево, на вес (килограмм — семь рублей), зато брали и червивые, и изломанные. В заготконтору шли в основном местные алкаши, чтоб заработать на пол-литра, или одинокие старухи.

А к сентябрю поспевала и брусника — в бору мелковатая, редкая, которую приходилось брать руками, на таежных же прогалинах — рясная, чуть продолговатая, размером почти с горошину. Для такой чуть ли не у каждого был заготовлен гребок: фанерный или жестяной лоток с ручкой, оканчивающийся тесным рядом стальных зубьев, слегка загнутых кверху. Таким гребком чесали брусничник — ягоды и часть листьев сыпались в лоток, а стебельки проскальзывали меж зубьев. С помощью гребка ведро наполнялось на глазах.

Валентина Викторовна помнила, как отправлялись раньше за брусникой. Транспорта тогда почти ни у кого не было, совхозными тракторами и лошадьми пользоваться боялись, поэтому уходили пешком. Несли на спинах огромные фанерные торбы, брали с собой одеяла и брезент, запас еды. Дня на три, на пять уходили. В то время брусника была одним из немногих способов получить приличные деньги, а сейчас, наверное, даже большим спасением от бедности, но людей, отваживаю-

щихся забираться в тайгу, находилось совсем немного, и в основном пожилые мужчины, еще той закалки. Те, что помоложе, или вообще не ходили на промысел (исключением были грибы — брались легко и быстро при урожае), или ограничивались бором...

На холмах за деревней росла клубника, но ее собирали в основном для себя — было мало, к тому же из-за высокой травы она не вызревала как следует: зеленоватая, водянистая, быстро закисающая — такую на рынок не повезешь. Варили из нее варенье или, у кого сахара не было, сушили, чтоб потом добавлять в чай, начинять пироги. Но это, как говорится, баловство, ценилось же по-настоящему то, что можно было продать.

Жимолость Елтышевы чуть было не пропустили. Занимались сооружением подпола, готовились заливать фундамент. Артем раз другой обмолвился, что родители Вали собираются за жимолостью, что, говорят, жимолость в этом году хорошая, но на его слова не обратили внимания. Было не до этого...

Потом пришел сват, Георгий Степанович, трезвый, побритый, седовато-пегие волосы причесаны. Заулыбался, увидев во дворе Валентину Викторовну и Николая:

— Здравенько! — И, проходя мимо «Москвича», погладил-поцарапал крыло шершавой ладонью. — Как оно всё? Кышь, семя кра-

пивное, — отогнал набрасывающуюся на его ботинки Дингу.

— Да так..

Николай как раз сколачивал опалубку, Валентина Викторовна ему помогала, придерживая доску; Артема в этот момент дома не было.

— М-м, — покивал сват значительно, словно услышал важный ответ. — Какая если помощь нужна, говорите без стеснения. Родня все-таки. — Заглянул в обшитую досками-сокровками яму подпола. — Глубо-окий. Правильно... Я вот чего — ягода ж подошла. Слышали?

— Слышали, — в тон ему ответил Николай.

— И как? Ехать-то собираетесь? Добрая жимолость в этот год. Мы тут с моей по оборкам прошли — два ведра надергали. А в Саянах вообще кусты все синие — бери не хочу.

И постепенно, словно расшатывая столб, принялся убеждать Елтышевых съездить в тайгу.

— За день ведра по три надергаем. Часть себе — с сахаром перетереть, — остальное на продажу. За сто семьдесят ведро десять литров идет. Куда с добром!

Николай честно сказал, что у него бензин — на дне бака. До Захолмова только доехать. (В Мураново заправки не было.)

— Да? — Сват подозрительно нахмурился. — Ну так поехали заправимся. И завтра утром — рванем. Ждать-то нечего — погода вон

какая, жарень, истечет жимолость, и ни ягоды, ни денег.

Елтышевы согласились.

Рано утром — солнце только над горизонтом приподнималось — выехали вчетвером. Молодые остались.

— Пускай отсыпаятся, — зевнул сват, но его жена тут же привычно стала с ним спорить:

— Я дам — спать! А корову доить кто будет? Спать... На том свете выспимся...

— Как у Вали беременность? — оборвала ее вопросом Валентина Викторовна.

— Да нормально. Не жалуется.

— М...

Скорее всего, из-за некачественного бензина «Москвич» чихал, что-то где-то пухало, и Валентина Викторовна с замиранием сердца ожидала, что вот сейчас пухнет особенно громко — и машина остановится... Не могла забыть одного случая: лет пять назад они с мужем вдвоем поехали за город. Взяли мяса, шампуры, решили пикничок устроить, вспомнить молодость. А вместо этого пришлось чинить карбюратор на пустынном проселке. И комаров как раз туча просто была — Николай копался под капотом, а она махала над ним полотенцем...

Поначалу дорога была хоть в рывтинах, но асфальтированной, затем же, после кро-

шечной деревушки — десяток низких избушек с крытыми толем крышами — под названием Веселые Ключи, началась грунтовка. Сосны сменились елями и лиственницами, мотор «Москвича» стал работать надсаднее. Гор, правда, не было, но поверхность земли постепенно становилась выше, выше.

— Во! — резко, аж напугал, вскрикнул Тяпов. — Счас свороток направо будет! Не пропусти.

Николай сбросил газ.

— Счас... Сворачивай.

Среди пышных придорожных кустов оказалась еле заметная колея.

— Еще с километр, и — мое место, — сказал сват так, будто открыл великую тайну.

Но километра не проехали — почти сразу начались камни, вымоены, лужи неизвестно какой глубины.

— Здесь на «уазике» только ползать, — решил Николай и, слегка съехав с колеи, заглушил мотор.

— Да ладно, Михалыч, дальше можно. Мы тут с Виталькой на «Урале»...

— Ну, сравнил — «Москвич» и «Урал»... Я поддон пробивать не хочу. Пешком пройдемся...

Из земли выпирали огромные замшелые валуны, а меж ними тесно, будто люди в узких коридорах, торчали хилые ели, суховатые лиственницы и кусты жимолости. Ягоды действительно висело полным-полно, прав-

да, брать ее было неудобно — ноги постепенно затягивало в стоящую подо мхом болотистую грязь, и каждую минуту-другую приходилось переступать. Хорошо, сапоги обули, а то бы...

Георгий Степанович принялся за дело с азартом, как-то одновременно всеми пальцами обеих рук захватывал кусты и сдергивал с них ягоды. Сбрасывал с ладоней в зажатое меж ног ведро.

Он очень быстро набрал — «надергал» — полное ведро и направился в сторону машины. По пути полушепотом, но Валентина Викторовна расслышала, предложил Николаю:

— Может, пропустим пойдём по стопарику? У меня взято.

Николай отказался.

Тяпов так и не вернулся. Его жена сперва ворчала про себя, а потом и обращаясь к Елтышевым:

— Куда его черти-то унесли? Вечно так — начнет и бросит.

Набрав по два ведра, пошли к стану. Георгий Степанович лежал рядом с «Москвичом» на сухой кочке. Рядом — пустая бутылка, объеденная, без корок, булка хлеба.

— Да что ж это такое?! — мгновенно обозлилась Тяпова. — Ты чего нажрался опять?! Идиот...

И, бросив ведра — чудом они не опрокинулись, — стала трясти мужа, тянуть за воло-

сы вверх. Георгий Степанович мычал и отмывался.

— Ну пускай он спит! — не выдержала Валентина Викторовна. — Что уж теперь...

— У-уй, идиот несчастный. — И напоследок Тяпова ударила его кулаком по голове; Георгий Степанович повалился обратно на кочку.

Съездили в целом удачно. Каждый, не считая так и не протрезвевшего свата, набрал по четыре ведра. Вернулись в деревню еще за светло.

На следующее утро, только сели перебирать жимолость, снова появился Георгий Степанович. Бодрый, деятельный.

— Ну, чего решили?

— В смысле?

— Да с ней, — кивнул на ягоду.

— Перекрутим с сахаром.

— Да куда столько-то?! Литров десять в зиму за глаза хватит. Не картошка же... Повезли, Михалыч, продадим. А? — Тяпов по-приятельски подтолкнул Николая. — Какая-никакая, а денежка.

Елтышевы запротестовали было, ехать торгашами на рынок казалось унижительным, но Тяпов продолжил убеждать и убедил... Все-таки триста рублей — это четыре мешка цемента...

Николай пошел выгонять машину. Вален-

тина Викторевна надела свой выходной костюм.

...Потом, когда уже ничего нельзя было вернуть, изменить, она часто задумывалась, пытаясь определить, в какой момент началось это, не внешнее (внешнее началось давно, с ареста Дениса), а внутреннее сползание на дно жизни; когда моральные нити стали рваться одна за другой и недопустимое ранее стало допустимо, и в итоге допустимо стало все... Да, чертой стал тот день. По крайней мере, для нее.

У Николая машина не завелась, и он, тыркая ключом зажигания, выскакивая из кабины, что-то поправляя, подчищая отверткой то ли в карбюраторе, то ли в стартере, громко, кажется, впервые не стесняясь посторонних, матерился... Потом появились Тяповы, узнали, что «Москвич» не заводится, решили ехать на автобусе. Валентина Викторевна увидела виноватые глаза мужа, сказала: «Что ж, я с ними». Обернула ведра наволочками, и побежали.

На остановке толпилось человек двадцать. В основном женщины с ведрами. Муж помог ей забраться в салон, чуть ли не через головы передал ягоду. Валентину Викторевну не возмущали ни тычки, ни грубость женщин, все происходило словно бы во сне. .

В давке, оберегая каждая свои ведра, доехали. Только двери «ПАЗа» открылись, ринулись наперегонки на рынок.

Рынков в городе было несколько, но по традиции большинство жителей делали покупки на центральном — между автовокзалом и телецентром. Туда же стремились и торговцы.

Для частников были отведены несколько рядов железных прилавков. Зимой и ранней весной ряды эти пустовали или их занимали продавцы игрушек, носков, мелких электроприборов, а летом за каждый сантиметр прилавка шла настоящая битва. Ругались, заставляли уплотниться, стойко держали места для приятелей, старались занять пяточки с краю — чтоб товар видело большее количество возможных покупателей.

Валентина Викторовна оказалась на рынке с двумя ведрами в начале десятого — в то время, когда продавцы уже заняли все места, разложили по привлекательней товар, закрепились здесь до вечера. Стояли или сидели на раскладных стульчиках, ящиках, перекладывали пучки укропа, редиски, первые огурчики, прыскали на них водой из бутылок, чтоб блестели, вяло переругивались с несимпатичными соседями. Каждого новоприбывшего встречали дружным:

— Некуда тут! Некуда! Там ищите. — И неопределенно махали руками.

— Да как.. — растерялась Валентина Викторовна, — куда...

Помогла сватья, явно не впервые попавшая в такую ситуацию, — повела за ряды прилавков.

Там длиннющей шеренгой выстроились продавцы даров дикой природы — у кого ведра с жимолостью, черникой, голубикой, смородиной, клубникой, грибами, у других — фанерные ящики на длинных ножках, на которых все то же, но выглядящее заманчивее. Торговали и оптом — ведрами, и в розницу — стаканами, банками, на вес...

— Давай вот, — больно подтолкнула сватья Валентину Викторовну в брешь в шеренге; Елтышева на мгновение вспыхнула от такой бесцеремонности, но выражать негодование было некогда и как-то нелепо сейчас, здесь; втиснулись, поставили на асфальт ведра, сдернули уже местами пропитавшиеся темно-синим соком наволочки.

Сотни раз бывала Валентина Викторовна на этом, расположенном в квартале от их дома, рынке. Сотни раз проходила меж рядами прилавков, мимо стоящих вот так же людей с ведрами, корзинами, ящиками на длинных ножках. Конечно, что-то покупала, случалось, торговалась, пробовала, морщилась, если подсовывали подкисшее или задрябшее, отворачивалась от тех, кто особенно настойчиво зывал, тянул к своему товару... Делая покупки, Валентина Викторовна не задумывалась, кто эти люди, как они сюда добираются, как вообще здесь оказались, как заканчивают свой день, какие мысли у них в голове, когда стоят

вот так и час, и два, и три. Для нее тогда это были лишь продавцы, безымянные, почти и неодушевленные объекты, при помощи которых, если, конечно, есть деньги, можно наполнить сумки продуктами.

И вдруг она сама оказалась в числе этих объектов. Мимо текли счастливые в своей озабоченности люди-покупатели, и ни один не обращал внимания на ее ведра. А солнце припекало все сильнее, платка, чтоб покрыть голову, не было; Валентина Викторовна приспособила вместо платка одну из наволочек. Жимолость теряла свой красивый голубоватый налет, становилась водянисто-темной, мягкой... По примеру других Валентина Викторовна убрала сверху листочки, веточки, ставшую нитками влажную паутину. И вслед за другими стала приговаривать, жалобно, просительно:

— Жимолость. Жимолость таежная. Берите, дешевле уступлю...

— Валентина? — удивленный голос. — Валь, ты?

Не сразу сообразив, что обращаются к ней, Валентина Викторовна повела тяжелыми от жары глазами.

Почти напротив нее, но сливаясь с десятками других, толкущихся в узком проходе меж торгующими, стояла ее бывшая сослуживица по библиотеке. Наталья. Работали вместе много лет, отношения были не очень гладкие, но сейчас они обрадовались встрече.

— Как ты? Живы-здоровы? — спрашивала Наталья.

— Да-а... — Валентина Викторовна хотела махнуть рукой, но передумала, как могла приподнято ответила: — Устраиваемся. Дом строить начали.

— Молодцы... Хорошо вам — деревня, воздух, а тут задыхаешься в этом асфальте... — Наталья взглянула на ягоду: — Это жимолость у тебя?

— Жимолость.

— М-м! Сами брали?

— Ну конечно! — Валентина Викторовна даже оскорбилась этим вопросом. — Вчера весь день в тайге...

— И почему?

— Тебе за сто пятьдесят отдам. Так-то — сто семьдесят.

Наталья оценивающе поджала губы. И решила:

— А, давай, наверно! Как без варенья совсем... Куда бы только?

— Куда... — Валентина Викторовна растерянно смотрела, как Наталья полезла в сумку, долго в ней копалась; слава богу, нашла большой шуршащий пакет, проверила, нет ли дырок. Дырок не было.

— Пересыпай. Не лопнет?

— Да вы-ыдержит! — подхватила ведро Валентина Викторовна, стала нагибать. Ягода слежавшимися комками бухалась на дно пакета.

— Погоди-ка, погоди! — испуганный голос Натальи, и пакет дернулся. — Она у тебя с мусором, что ли?

— С каким мусором?..

— Нет, Валь, мне такую не надо. Это ведь целый вечер копать... Да и мятая, сок дала. Высыпай обратно.

— Ну, Ната-аша... — не смея обидеться, разозлиться, умоляюще протянула Валентина Викторовна, но бывшая сослуживица уже, будто забыв о ней, заинтересованно рассматривала ягоду у другого продавца, а тот нахваливал:

— С Амыла жимолость. Самая экологичная... И перебратая, конечно! Берите, сто пятьдесят. Самый в зиму витамин!..

За полчаса до автобуса сватья нашла скупщика, согласного заплатить по сто десять рублей за ведро. Дороже не брали. Пришлось согласиться.

Купив кой-каких продуктов, побежали на автовокзал... Валентина Викторовна чувствовала себя окунутой во что-то нечистое, поганое, от чего ей уже не отмыться, что ничем не соскоблить. «Не ворованным торговала, — пыталась убедить себя, — не ворованным, своим». Но это не помогало.

Глава тринадцатая

Лето, жаркое, душное, казалось, не кончится. Радость оно доставляло лишь плещущейся в пруду ребятне да насекомым. Мухи, слепни всякие не давали покоя. Дождей почти не выпадало, даже картошку приходилось поливать, а с водой было туго. Летний водопровод не действовал уже много лет — трубы полопались, краны заржавели, — люди протягивали шланги к колонкам, надевали на носики, вешали груз на ручку-рычаг. Кое-как, тоненькой струйкой, поливали... Легче было тем, кто жил близко к пруду. У них трубы были врыты в землю, к мосткам проведено электричество. На мостках устанавливали моторы — «Каму» или «Агидель», — качали воду для полива, для бани... Те, у кого не было шлангов или колонка находилась далеко, таскали воду ведрами... Немногие, плюнув на свои посадки, полагались на погоду: «Бог даст, чего-нибудь соберем».

Свободное время, а было его достаточно, Артем проводил на пруду. Там с рассвета до ночи кто-нибудь сидел, лежал, выпивал, дре-

мал. В клуб почти не ходили — на кино не было денег, а танцы не проводились — сломался магнитофон. И единственным местом, где можно было относительно приятно убивать дни, оказался пруд. Но и там, без выпивки и девчонок, изнывали от скуки.

— Как, Артемка, жизнь семейная? — спрашивали пацаны.

— Да нормально, ничего.

— А брат-то твой когда откинется?

— Как это, «откинется»? — Как всегда в разговоре с местными, Артем ожидал какого-нибудь подкола.

— Ну, освободится?

— Через два года.

— До-олго...

Расспрашивали, за что сел, какой он вообще. Артем расписывал брата крутым, бесстрашным. От этого самому становилось как-то легче.

Пацаны были всё те же — Глебыч, Няма, Цой, Вица. Человек пятнадцать; кажется, вся молодежь деревни мужского пола.

— Что делать-то думаешь? — после долгой паузы, во время которой все дружно зачарованно наблюдали за низко кружащимся над водой коршуном, задал Глебыч с ухмылкой новый вопрос.

— В смысле? — снова переспрашивающе уточнил Артем; показалось, что пацаны в курсе его планов устроиться в милицию.

— В каком? В прямом. У тебя ж пополнение скоро. Валька вон гусыней ходит...

Вица, худой, в выцветшей до бесцветности майке, хохотнул. Все с интересом на него уставились.

— Чего ржешь?

— Да про баб вспомнил.

— Чего?

— Ну, что сначала они — цветочки, потом, эти, — птички, потом гусыни, курицы, овцы, а потом — свиньи.

Пацаны вяло посмеялись этой, явно давнишней и известной всем шутке, заспорили, действительно ли певица Валерия до сих пор, после всех родов, такая сексуальная, или это так ее снимают, разошлись во мнении о ее возрасте — одни говорили, что лет тридцать, другие, что далеко за сорок. Артем был рад этому обсуждению — вопрос о том, что он думает делать, забылся. Тем более что и не думал об этом, боялся думать...

В очередной раз начали играть в дурака, но быстро бросили — играли каждый день, уже надоело; попихали друг друга к воде — «искупнись», «сам искупнись», — а потом Вица подал идею:

— Траву, может, попробуем? Должна бы набраться уже. Жарень, сухо, само то.

Пацаны скорее не из желания заторчать, а от скуки, согласились. Одни, в том числе и Артем, побрели в бор за дровами, другие ста-

ли рвать на увале верхушки малорослой, ху-
досочной конопли.

Развели небольшой, для дела, костер. На-
шли консервную банку и закрепили ее на ро-
гатине, которую рыбаки втыкают в прибреж-
ное дно, чтоб класть на нее удилище. Вица
расщепал верхушки и стал подсушивать в бан-
ке над костром.

— Папики-то есть у кого? — спросил Глебыч.

— Не...

— А во что забивать?

— Ну-у...

— Блин!..

— Да ладно, в сигареты забьем.

— Херня получится...

— Захрустело, — прошептал Вица аппе-
титно, будто сообщал о каком-то необычно-
венном кушанье. — Гото-ово, по ходу.

И действительно, запахло вкусно, сытно.

— А толку, — все продолжал расстраи-
ваться Глебыч, — папирос-то все равно нету...
О, Тям, у тебя же тесть «Беломор» курит. Не в
падлу — иди возьми у него пару штук. Хоть
раскуримся.

Артем поднялся было, но тут же сел об-
ратно на траву.

— Нет, не могу. Запрягут опять делами.
Я сказал, что к родителям пошел... Что-то дос-
тали они меня все.

— М-м, знакомо, — усмехнулся Глебыч. —
Запар хватает. — Взглянул на самого младше-

го в компании. — Что, Болт, сгоняешь до магазина?

Собрали пять рублей, отдали Болту. Тот побежал. Остальные молча наблюдали, как он огибает пруд. Вздыхали, зевали, потягивались. Цой начал тасовать растрепанные липкие карты и бросил... До вечера было еще далеко.

Да, и у родителей, и в доме жены появляться Артему хотелось все меньше. Строительство застопорилось на фундаменте, который был залит не полностью — постоянно не хватало цемента, глины, которую возили километром за десять, щебня; отец с матерью увлеклись собиранием ягод и грибов. Пару раз ездил с ними и Артем, но пользы не принес. Грибы искать получалось плохо — не видел он их, бестолково бродил меж деревьями и, лишь когда под ботинком мягко хрустело, понимал, что наступил на прячущийся подо мхом груздь. Жимолость, чернику, смородину рвать было тошно: через несколько минут он начинал чихать — мошкара и паутина лезли в нос, в глаза. Артем садился на корточки, тер лицо, мечтал скорее оказаться во времянке, лечь на кровать.

— Не могу я, — жалобно признавался родителям, — никак не получается.

— А кто может?! Я, что ли, могу?! — рыдающе отвечала мать. — Я вообще свалюсь скоро.

Артем бурчал в оправдание:

— С детства надо к этому приучать. А так... Как ее берут вообще...

Этот аргумент почему-то родителями принимался — может, чувствовали свою вину, что не приучали. Раньше они редко выезжали за город: ягоды, грибы, овощи покупали на рынке. Не из-за нехватки времени предпочитали рынок даче, лесу, а из сознания, что могут себе это позволить — пойти и купить. А теперь все перевернулось...

Артема перестали брать, ездили или вдвоем, или с родителями Вали. Артем же дремал или шел на пруд... С женой отношения были ровные. Слишком ровные, будто с малознакомой. Даже спали в последние недели порознь — он во времянке, а она на веранде. Валя объясняла это беременностью: вдвоем на кровати стало тесно, давит живот.

У Тяповых было шумно и многолюдно. Валины сестры, их дочери лет по десять-двенадцать; иногда навевались и мужья — крупные, туповатые, неразговорчивые, однообразно хлопавшие Артема по спине. «Ну чего, своячок?» Все болтались в доме и ограде, изнывая от безделья. Попивали водку, загорали на огороде или на пляже, пытались полоть грядки, но быстро бросали, играли со старым Трезором, который после нескольких минут торможения лез в будку... Иногда начинали бурно ругаться. Потом мирились при помощи водки и соленых арбузов. Отсыпались и

разъезжались. Через несколько дней съезжались снова.

Валя все больше становилась похожа на своих медведеподобных сестер — полнела, крупнела, грубела. Волосы красить бросила, и постепенно из золотистых они превратились в серые. На лице появились буроватые пятна («Это пигменты, — объясняла, — они у всех при беременности»). Артема к ней не тянуло...

Он слушал старые песенки из магнитофона и думал: «А что дальше? Дальше — роды, осень, холод. Крик, пеленки...» Никогда не оказывался рядом с новорожденными, не замечал, что они вообще существуют на свете... Нет, было однажды — однажды оказался. Зашел в автобус. Было ему тогда лет двадцать, только-только из армии вернулся и, как большинство дембелей, хотел скорее найти девушку, может быть, и жениться, семью создать... Артем особо не искал, но мысли были, желание... Зашел в автобус; ему нужно было проехать несколько остановок. Заплатил кондукторше, сел. В автобусе плакал ребенок. Со всем маленький, завернутый в пеленки. И плакал так, что Артем выскочил раньше времени, пошел пешком. А уши еще долго раздирало захлебывающееся: «Айаааа!..»

Теперь этот случай вспоминался чаще и чаще... И вот так же будет орать скоро его сын или дочь — все дети орут, — и на этот раз никуда не сбежишь. Не выскочишь. Это уже не автобус, где ты простой пассажир.

В конце августа с Саян подул ветер. Сперва приятный, освежающий, а через день-другой все более холодный, пронизывающий. Та кромка неба, откуда дуло, почернела. Люди захопотали, стали срывать крупные помидоры, выдергивать лук, чеснок, некоторые копали картошку, надеясь до дождей просушить и спустить в подполы.

Первые груды туч проходили дальше, лишь грозя обрушить на деревню струи ледяной воды, но воздух набирался зябкой, едкой сырости. И как только ветер ослаб, начался дождь. Коротко — бурный, почти грозовой, а затем, на многие сутки, мелкий, редкий, казалось, готовый вот-вот прекратиться, но не прекращающийся.

Артем маялся во времянке, как в тюремной камере. Включал дребезжащий обогреватель, дожидался, пока он слегка оживит воздух, и выключал. Долго слушать дребезжание и треск было невыносимо... Заворачивался в тяжелое одеяло, дремал под ленивое постукивание капель о дерево, железо, стекло... В городе дождь был другим — от него легко было спрятаться, забыть, что он есть. А здесь, даже если уши заткнуть, зажмуриться накрепко, все равно спрятаться не удавалось — дождем пахло даже в теплой избе, волей-неволей представлялось, как влага точит доски, бревна, разъедает железо, шифер, бетон... Наверняка в подпол у родителей вода протекает... Вот и построили за лето дом — подпол и часть фун-

дамента. Если такими темпами дальше, то лет через пять до крыши дойдут. А подпол обвалится...

Вдобавок к невеселым мыслям и томительному безделью у Артема — продуло, что ли, — заболел зуб. Сначала он просто почувствовался, что он есть, один из многих других в верхней челюсти, потом заныл, потом уже заболел по-настоящему, ни на секунду не давая покоя. Боль перекинулась и на соседние зубы.

Артем не выдержал, зашел в дом, попросил анальгина. Анальгина не оказалось, теща развела соду в теплой воде, велела полоскать. Полоскание не помогло, наоборот, боль стала стреляющей, в десне словно бы трещало, лопалось...

— Ох, да что делать-то?! — досадливо вопрошала теща, перебирая лекарства в жестяной банке из-под печенья. — Говорят, йодом надо смазывать. На ватку, и туда ее...

Валя сидела в единственном в доме кресле, выпятив живот, смотрела на Артема так, будто он пустяками морочит всем головы.

— Ну, давайте этот, — захлебываясь горьковатой слюной, сказал Артем, — йод.

Через полчаса безуспешных попыток унять боль он направился к родителям. Решил попросить денег на автобус, чтоб ехать к стоматологу...

Еще не войдя, лишь открыв дверь, уловил запах водки. В последнее время, когда бывал здесь, часто заставлял отца сидящим за бутылкой.

Сегодня вместе с отцом сидел и Юрка. Бабушка Татьяна наблюдала за ними из своего угла. Мать смотрела телевизор в комнате.

— А-а, — покривил отец губы, — здорово. Что, опять за финансами?

После разговора на берегу, предложения идти работать в милицию, которое Артем не поддержал; после того, как он объявил, что не может собирать ягоду, отец стал относиться к нему с откровенным презрением. Не кипятился, как раньше, но и не пытался помочь, не делился больше своими планами, не предлагал строить дом. Кажется, видел в нем теперь лишь бесполезный груз жизни, который и бросить невозможно, но и тащить дальше нет никакого смысла, а лучше остановиться, прислониться с грузом к какой-нибудь опоре... Может, в водке (в спирте, точнее) он нашел теперь опору. И это Артема и задевало, и пугало. Словно его окончательно сбросили со счетов.

— Зуб сильно болит, — жалобно сказал он, не решаясь разуться, пройти к столу; мялся в пороге. — Все перепробовали...

Из комнаты вышла мать:

— Что случилось?

— Да зуб болит, — еще более жалобно по-

вторил Артем и потер скулу, — к стоматологу надо.

— А содой полоскал?

— Угу...

— Спиртянским надо пополоскать, — посоветовал Юрка то ли в шутку, то ли всерьез, — спиртянский, он от всего...

— Боль салом снимают, — скрипнула бабка Татьяна.

— А?

— Сало надо на зуб положить... Это, Артема, сними там в чулане мешок.

...Древний солдатский сидор висел на крючке под потолком. В нем, как драгоценность, хранилось бабкино соленое сало. Лишь по праздникам или при болезни бабка доставала кусочек.

И сейчас все в торжественном молчании наблюдали, как она перебирает обернутые в белые тряпочки бруски, разворачивает, оглядывает. Сало, правда, было неаппетитное — сухое, с рыжеватым, будто ржавчина, налетом, в кристалликах соли...

— От этого вот отрежь, — подала Артему один из брусков, — водой тепленькой окати и положи на зуб.

Артем исполнил, не очень-то веря в действенность сала. Присел на табуретку. Стал ждать.

— А нам, тетя Тань, выделишь по кусочку? — попросил Юрка. — Спирт сальцо любит. Надоело уже хлебом заедать.

— Да уж берите, — она оставила на столе самый маленький брусок, — за урожай выпейте. Хороший нынче год. И грузди, и ягода, и картошки обещается...

Боль только усилилась. «Ну дак, — скрючился, закачался Артем, — бред солью лечить. От соли хуже только. Она же разъедает...» Он нетерпеливо тер языком пластик сала по зубу, десне, покусывал его, посасывал. Хотелось выплюнуть и снова начать проситься в город, к стоматологу. «А как там? — останавливали вопросы. — В какую поликлинику? Где там деревенских лечат?»

— Да-а, урожай, — горько вздохнул отец. — Два месяца почти на собирательство убили, а что заработали... Не стоит овчинка выделки.

— Почему не стоит-то? — удивился Юрка. — Хоть деньги пощупали. ♣

— Какие это деньги — сто рублей. Пошел в магазин и непонятно на что потратил.

— Ну, эт понятно... Давай, Николай Михайч, чтоб денег столько было, чтоб не считать.

— Эх-х...

— Как, Тёма, — подошла мать, — лучше?

Он поморщился.

— Может, телевизор посмотреть хочешь? Только что-то сильно рябит, из-за дождя, что ли...

— Не хочу.

— Ладно... Валентина как?

— Ну, так... Лежит в основном.

— Уже ведь восьмой месяц у нее. Восьмой?

— Угу... — Говорить было и больно, и неприятно, особенно об этом. — Живот большой... М-м, — потер скулу, — не проходит совсем.

— Погоди-погоди, — откликнулась бабка. — Это не сразу, зато потом долго спокойно будет. У меня вон все поискрошились, а болеть не болят. Я потому что салом чуть что.

...Действительно, постепенно боль сошла. А через час Артем и забыл о зубе. Сидел вместе с отцом и Юркой, выпивал, закусывал. Разговора особого не вязалось, в основном — вздохи, кряхтение, бормотки, напоминающие заговор: «Хоть бы дождь прекратился. Все ведь планы рушит».

Неожиданно Юрка притиснул рот к уху Артема, попросил:

— Будешь в городе, гондонов купи.

— Что?

— Ну, не хочу, чтоб жена снова понесла. Сил нету всех их на ноги подымать... Купишь?

— Ладно, куплю.

— А ты давай, — Юрка хлопнул его по плечу, — рожай. Ты еще молодой, тебе можно. — Стал разливать остатки спирта. — Давайте-ка за детей! Всяко-разно, а они — главное.

— М-да, — вздох отца, — не поспоришь.

Глава четырнадцатая

Осени как таковой — к какой Елтышев привык в городе — не было. Странно, полста километров, небольшой перевальчик через еле заметную гряду гор, а климат совсем другой. Суровый климат... Числа с двадцать пятого августа как зарядил дождь, так шел, и шел, и постепенно стал сменяться снегом. Снег падал и, не долетая до земли, таял, земля еще хранила тепло, но с каждым днем зима ощущалась все сильнее. В Саянах она, наверно, уже хозяйничала вовсю, а это — еще полста километров.

Небо было наглухо затянуто тучами, растения хирели; листья не желтели, но видно было, что они уже неживые. Картошку, морковку выкапывали из грязи, сушили в бане, в сенках, на ночь накрывая тряпками. Молились, чтоб не ударил мороз до того, как спустят в подпол.

— И всегда у вас сентябрь такой? — хмуро покуривая у печки, спрашивал Николай Михайлович, сам не зная, жену или тетку.

Отвечала обычно жена:

— Да я не помню. Сколько прошло времени... Вроде и солнце бывало.

Елтышев усмехался:

— В юности все лучше было.

Тетка Татьяна сидела, слепо глядя вдаль. Наверно, вспоминала что-то свое...

Как запертый, метался Николай Михайлович по избушке, курил бесперечь, психовал. Понимая, что природу глупо ругать за дождь, а судьбу за то, что так повернулась, он часто вспоминал Хариных:

— Сволочи, так наколоть! Мог ведь уже сруб поставить, если бы не ждал от них... «Пила, бревна, цемент — пожалуйста». Два месяца потерял!..

Иногда присаживался перед телевизором, но все, что видел на экране, выводило из себя. Сплошные песенки, юмористы, реклама с полуголыми красотками и уверенными в себе мужчинами, фильмы с перестрелками, криминальные хроники. Особенно эти хроники бесили — по всем каналам отчаянные грабители, серийные убийцы, работарговцы, наркочилеры с «дипломатами» денег и килограммами героина.. Елтышев вспоминал свою службу в милиции.

Тридцать пять лет почти прослужил. Тридцать пять лет — и ни разу не столкнулся ни с одним настоящим преступником, ни одного бандита не видел. Все какие-то мелкие хулиганы, семейные скандалисты и алкаши, алкаши, алкаши. И в вытрезвителе, и до того...

«Ну а что, — ворчал про себя Николай Михайлович, — а что остается-то... Пить только».

Погода, бессилие и бездействие тянули к выпивке. В то, что он может спиться в пятьдесят пять лет, не верилось, да и не допивался ни разу до невменяемости, но ложиться спать трезвым становилось тяжело — донимала, крутила бессонница, раздражала жена, с которой у них давно уже не было близости, хотя Елтышев чувствовал себя мужчиной, и здесь, в деревне, несмотря на постоянную нервотрепку, как-то странно помолодел. Но какая тут может быть близость — за тонкой стеной ворочается старуха, при каждом их движении скрипит старый диван... Не по углам же зажимать Валентину?... В баню и ту вдвоем не пойдешь — там попросту вдвоем не поместиться: конура с печкой... Как в эту зиму мыться будут? Полок поправил, а толку. Убогость этим не исправить.

Николай Михайлович надевал болоньевую куртку, шел за спиртом на другой край деревни. Покупал бутылку. Сидел по вечерам, неспешно глотал стопку за стопкой.

Тетка покачивалась в углу, все смотрела и смотрела куда-то. Может, мужа своего вспоминала, умершего лет двадцать назад, может, двоих сыновей и дочку, тоже давно похороненных... О ее родных Елтышев почти ничего не знал и не интересовался, точнее — не расспрашивал ни ее, ни жену. Своего ему хватало по горло.

Должно было случиться, назревало — каждую минуту Николай Михайлович ожидал, что сейчас вбежит сын и заночует: «У Вали схватки, надо везти скорей! Давайте!..» Но вместо Артема появилась жена Юрки...

День как раз выдался более-менее сносный для работы по хозяйству. Небо хоть и было серовато-синим, но не капало, ветерок обдул, подсушил, и Елтышев занялся переключением купленных в августе досок — нужно было подготовить их к зимовке, накрыть кусками толя, чтобы не очень мокли... Теперь уж только весной пригодятся. Если, конечно, бог даст.

Возясь с досками, Николай Михайлович поглядывал на «Москвич», а тот словно с укором смотрел на него своими мутноватыми фарами... Да, придется ему зимовать на улице. Брезентовый чехол надо купить — хоть какая-то защита... «Какая защита! — сам себе возмутился Елтышев. — Гараж строить надо. Все надо строить. Все новое надо, надежное, теплое. Вот здесь гараж поставить, слева от будущего дома, впритык, и прямо из кухни, скажем, проходить к машине. Лучше всего сделать одну печку, оборудовать водяное отопление с баками в стенах. Во всех смыслах преимущество...»

Он замечтался, искренне, ярко, и одновременно сознательно пытаясь этими мечтами поправить себе настроение. И тут в калитку застучали. Громко, нетерпеливо. Динга

взялая сначала испуганно, и тут же с веселой злобой бросилась на этот стук. «Вот и Артем с родами», — опустил доску Елтышев.

Но вместо сына за калиткой оказалась женщина.

— Здравствуйте, я Людмила, жена Юркина.

— Да, помню. Добрый день.

— Николай Михайлович... — Женщина казалась спокойной, может быть, лишь чересчур серьезной, но в этом четком выговоре имени-отчества было что-то жутковатое... Елтышев приготовился сказать, что мужа ее не видел уже несколько дней, пьет, наверное, но не с ним; женщина опередила: — Николай Михайлович, Юра умер.

...Юрка лежал на крыльце клуба. Крыльцо было под навесом, и здесь частенько сидели мужички, парни. Раздавливали бутылочку, курили. И сейчас вокруг валялись пустые пачки сигарет, целлофановые мешочки, поломанные стаканчики... Лицо Юрки было коричневым, почти черным. «Током, что ли?» — подумал Николай Михайлович, останавливаясь, сливаясь с полукружьем людей, огибающих крыльцо.

— Вот так от спиртяги сгорают, — словно отвечая Елтышеву, произнес один из мужичков.

— Н-да-а, — унылый вздох, — а молодой ведь еще.

Елтышева удивило поведение окружающих — стояли и смотрели на труп, как на что-то обычное. И даже Людмила, для кото-

рой теперь, со смертью мужа (любимого или нелюбимого, дело другое), ломалась вся ее и ее детей судьба, не рыдала, не трясла Юрку, требуя подняться, встать, не била его в исступленном отчаянии, а, как и другие, стояла и смотрела. Дети тоже были тут — и тоже спокойны... Подошел управляющий, потом участковый, фельдшер. Останавливались и смотрели.

— Звонить надо, — выдавил Николай Михайлович, оглядываясь, — заявить, что так..

— Да звонили, — ответил управляющий. — Сказали: хотите, везите сами на вскрытие, а нет — так и нет. Свидетельство о смерти вон Ирина составит.

— А чего вскрывать? — сказал тот же, что словно ответил Елтышеву. — Сгорел от спирта — и все. Меру не знал.

Начался вялый спор, везти ли Юрку в город или нет. Поглядывали вопросительно на вдову, но та отвечала на эти взгляды такими же вопросительными взглядами.

— Да нет, ну как, вы что? — очнулся Николай Михайлович от какого-то сонного оцепенения. — Нужно отвезти, пусть выяснят причину. Отравление вдруг, еще что... — Подошел к управляющему. — Вы власть здесь или нет?.. Средневековье устроили!

— У меня машины нет, — быстро отрезал управляющий, — а они не хотят высылать. Говорят, чтоб сами...

Очень быстро Елтышев пожалел, что ввя-

зался в это дело, проявил инициативу: оказалось, что везти Юрку, кроме него, некому. В деревне не было ни одной служебной машины. Сопровождать вызвался участковый; быстро составил протокол, побежал надевать форму.

Николай Михайлович наверняка отказался бы, но тут заплакала Людмила, стала просить, подталкивала к нему детей, чтоб тоже просили; казалось, теперь им очень важно это вскрытие, оно способно вернуть им мужа и отца... Тихо ругаясь, Елтышев подогнал к клубу машину, на заднем сиденье расстелили чье-то покрывало, еле-еле уместили окоченевшее тело. Хорошо, что в полусидячем положении окоченел... Николай Михайлович в эти минуты превратился в милиционера, не раз ворожающего мертвых, и это помогло запихнуть Юрку. Остальные, включая участкового, помогали осторожно, брезгливо.

«Ну вот делать мне больше нечего! А обратно его как?.. Или в городе хоронить? Отвезу — и все, и хрен больше...» И в то же время Елтышев чувствовал свою вину — не вину, но причастность к тому, что так с Юркой случилось: в последние недели они часто выпивали вместе; Николай Михайлович ложился спать, а Юрка наверняка шел искать нового собутельника, глотал всякую гадость и вот сгорел.

«Слава богу, не при мне случилось, — тут же накатывало облегчение, — а то бы сейчас... что спойл... Юрка-Юрка. — Елтышев глянул в

зеркало заднего вида и чуть было не потерял управление «Москвичом»: мертвый, казалось, следил за ним сквозь неплотно сжатые веки. — Надо лицо накрыть... И салон потом вымыть как следует». Притопил педаль газа.

...А через два дня он снова мчался по этой дороге. На заднем сиденье постанывала невестка — начались схватки.

На тетку Татьяну Юркина смерть произвела неожиданно сильное впечатление. Она оживилась, стала подвижной, разговорчивей. Часто перечисляла:

— В тот год Виталька Потапов помер, еще тридцати не было. Олежку, Санаевой сына, родной дядя убил. Но Олежка оторва был, все тащил подряд... Этот, Глушков, допился... Мрут и мрут, мрут и мрут... В войну с нашего Муранова семнадцать мужиков погибло, вон памятник стоит возле клуба. Семнадцать фамилий там... Но то война, пулеметы, танки, а тут, если посчитать, за последних пять лет больше наберется... И что ж это — это ведь все так перемрут, переубивают друг дружку.

— Ну ладно вам тоску нагонять! — не выдержал как-то Николай Михайлович. — Мозгов просто нет, вот и мрут.

— Так ведь сколько же можно? Так ведь все...

— Не все. Есть и настоящие. Не все же пьют сутками... Есть хозяйственные.

— И хозяйственные тоже страдают, — не сдавалась тетка. — Олежка этот, Санаев-то, почитай все дворы облазил. У одного одно, у другого — другое. Продавал в городе, а то и тут прямо — ходил, предлагал. И забрался к дядьке своему, а тот кроликов держал. Ну и вилами напырнул. По темноте-то и не видал, что племяш его это. Может, просто напугать хотел, а пробил там важное. И «Скорой» не дождались. И всё — в одной семье и тебе мертвец, и, этот, зэк.. Семь лет ему дали, Борису-то, он и не выгораживался: убил, виноват... А как выйдет, дружки Олежкины, люди слышали, клятву дали, тоже его... Если доживут сами.

Вскоре тетке надоело разговаривать с родней — она стала уходить к другим старухам. Возвращаясь, долго копалась в комод, перебирала свою одежду, что-то шептала Валентине. Та возмущенно-слезно перебивала:

— Ну хватит вам! Перестаньте.

— Нет, ты послушай, — упорно скрипела тетка, — я хочу, чтоб по-человечески было. Прожила как-то восемь десятков, не хуже других прожила, а теперь помереть надо тоже... В землю лечь не собакой...

— Перестаньте. Какой собакой... Вы видите, какая у нас ситуация? И вы еще...

— Э-эх, Валя, досказать-то дай. — И старуха снова переходила на шепот; до Елтышева долетали лишь отдельные фразы: — Вот тут

во что одеть... Я с Георгивной и Ниной Семеновой... Обмоют, соберут... Скоро уже, Валенька...

Она говорила это не раз и не два, повторяла, будто боялась, что племянница что-то забудет, не выполнит.

После этих наставлений ложилась на свою кровать и лежала сутками, мешая Валентине готовить еду, мыть посуду, Николаю Михайловичу — просто быть на кухне. При лежащем человеке постоянно как связанный. Ее лежание выдавливало Елтышева или во двор, или в соседнюю комнату...

Но, полежав и, видимо, не дождавшись смерти, старуха поднималась, снова собиралась к своим Георгивне и Нине Семеновой, потом снова перебирала вещи в комод, рвала нервы Валентине шепотом.

Николая Михайловича бесили эти ее попытки умереть — она будто играла в изматывающую не ее саму, а окружающих игру. Или, скорее, не играла ни во что, а просто мучила их, в общем-то, ни с того ни с сего к ней вселившихся, стеснивших, раздражающих, на год вогнавших ее в угол между буфетом и печкой. Вот не выдержала и — начала...

— Ох, да когда же... — В который раз поднималась с кровати, потирала отлежалые локти, бока. — Прогулы на том свете ставить устали, а я все тут...

— Да прекратите вы, тетя Тань, в конце концов! — перебивала Валентина. — Что у вас болит? Скажите, я съезжу, лекарств куплю.

Фельдшершу вызвать?.. Ну вот, ничего не болит — осень это, и все... Всем плохо... У вас вот правнук родился, Родион. Имя красивое, да? Скоро сюда принесем, увидите его, еще помяните.

— Ох, ох, — старуха отмахивалась и брела к порогу, совала ноги в большие раздавленные валенки, натягивала ватник. Медленно выходила в сенки, скрипя дверью. С улицы в избу тек едкий предзимний холод.

Глава пятнадцатая

Да, минул год, как Елтышевы здесь оказались. И изменений в их жизни по сравнению с тем моментом, когда, выгрузив из контейнера вещи, рассовали их под крышами и сели за стол на первый здесь обед, ощутимых не было... Нет, внешне, конечно, случилось немало: Артем женился и даже успел обзавестись ребенком, Николай Михайлович и Валентина Викторовна отошли от шока скоропалительного переезда; началось строительство дома... Но в бытовом плане легче не стало. Или стало?.. В том, что Артем жил в семье жены, были и плюсы, и минусы. Минусы — не помогал в повседневных делах, появлялся от случая к случаю, из-за чего и новый дом строился медленнее, чем, наверно, могло бы быть. А плюсы... Невозможно было представить, что они все втроем до сих пор спят в одной комнате, где и так не развернуться. Те первые месяцы, конечно, были ужасны... Но и теперь не лучше. Нет, не лучше. Крестьянами они так и не стали, и каждый день как испытание. Еще и тетка чудит, с ума сходит. И сводит...

Опять, как и год назад, снег долго не выпадал. Мороз мучил землю, да так, что она трескалась; небо было коричнево-серым, даже в полдень невозможно было понять, где там солнышко. Мертво было, тошно, каждую мелочь приходилось делать с усилием — давило все, будто не на планете Земля они вдруг оказались, а на каком-нибудь фантастическом Плутоне. «У Алексея Толстого такой роман? — пыталась вспомнить Валентина Викторовна свое библиотечарское прошлое. — Или у Уэллса?..»

Николай часто ездил в бор, привозил в багажнике, на крыше и в салоне валежник и сухостой. Когда приходил Артем — пилили их на чурки, потом кололи. Поначалу сыну понравилось колоть дрова, но после того, как угодил себе колуном по ноге, охладел к этому занятию... Топлива было уже достаточно, тем более что тетке Татьяне, как труженице тыла, привозили машину угля; Николай же возил и возил, пилил (когда Артема не было, пилил один, ножовкой), колол, укладывал в ровные, аккуратнейшие поленницы. Словно спасался этим от тоски и отчаяния. А тоска крутилась рядом и при первом удобном моменте, стоило задуматься, поддаться воспоминаниям, наваливалась, душила, сосала остатки сил...

И Валентина Викторовна тоже старалась занимать себя чем-нибудь, даже когда дел вроде бы не было. Вышивать пробовала, хотя раньше относилась к этому как к баловству.

Сейчас же убедила себя, что вышивать нужно — рубашечки для внука, наволочку, платочки. Но представляла, какими были маленькие Артем с Денисом, какие у них были одежонки, белье, игрушки, и не выдерживала, начинала плакать. Плакала тихо, без рыданий, боясь, что ее состояние передастся мужу. И что тогда делать? Всем реветь, рвать волосы, в петлю лезть...

У Дениса за этот год она побывала лишь раз — пропустила свидание, — хоть и сидел он недалеко — меньше суток на поезде. Затянула эта каждодневная борьба с неблагоприятными обстоятельствами, свадьба Артема, сбор и торговля ягодой и груздями, ожидание внука, да и собственное самочувствие.

Не одними только условиями жизни, сумрачной осенью объяснялась, видимо, странная слабость. Что-то происходило в ее организме — все время хотелось пить, но от воды подташнивало, в горле скреблось и давило, да и весь организм бил тревогу, жаловался, просил помощи... Она боялась признаться себе, что заболела, из-за этой боязни не ехала на обследование. Надеялась — пройдет. Вот встанет однажды утром и ощутит бодрость, и все будет хорошо. И с ней, и с близкими.

Посылали сыну посылки, денежные переводы... На том свидании Денис сказал, что ведет себя нормально, работает, но о досрочном освобождении пусть и не думают — администрация к каждой мелочи придирается,

за пустяки в изолятор тащит. К известию об их переезде отнесся, кажется, с пониманием. Сказал: «Не пропадем». Вообще очень он стал взрослым за последнее время, Денис, надежным таким, как мужчины из юности Валентины Викторовны — многие из которых повоевали. Нынешние квелые парнята, по крайней мере, не шли с Денисом ни в какое сравнение...

Что ж, может быть, действительно он делает так, что все у них наладится. Приедет, оглядится, засучит рукава, отца с Артемом подстегнет... Долго ждать еще, правда, — почти два года. Хотя что такое два года? Вот год они здесь, и — как месяц. Цепочка одинаково трудных дней. А дальше еще быстрее они побегут.

Поначалу ходили к Тяповым чуть не каждый день. Смотрели на внука, сюсюкали, дарили подарочки. Но по любому поводу возникали споры, начиная с имени (Елтышевы были против имени Родион, а сваты очень хотели именно так назвать — у них, видите ли, это родовое мужское имя); спорили и как пеленать, каким питанием подкармливать, как с запорчиками бороться... Елтышевы постоянно проигрывали: они были гостями, внук жил у родителей Вали, Артем же был кем-то вроде приживала — бесцельно проводил время на кухне (временка уже промерзла, и «Вихрь» не помогал), иногда выполняя какие-нибудь по-

ручения: то воды принести, то дров, то тазик подать, бутылочку подогреть. Зато Валя с матерью хлопотали над ребенком как наседки. Елтышевы поглядывали в колыбельку из-за их спин...

И постепенно все меньше возникало охоты у Валентины Викторовны идти на другой край деревни, меньше радости быть рядом с внуком, не имея возможности как следует с ним нянчиться.

...Как ни было грустно видеть черную, без снега, землю, похожие на скелеты деревья, но при снеге стало еще грустнее. Зима придавила, постоянно хотелось спать, а сон не шел, да и невозможно было спать по двенадцать часов в сутки. Телевизор рябил, звук уплывал — не отдых от просмотра, а мука. Говорили, что сломался ретранслятор, чинить никто не собирается; на доске возле магазина появилось объявление, что можно заказать спутниковую тарелку, которая ловит семьдесят два канала. Стоимость — три тысячи с небольшим плюс установка и настройка... Елтышевым было не по карману.

Деньги таяли. Таяли, как обычно, незаметно, непонятно на что уходили. На младенца, конечно, потратились, еду покупали, бензин, кой-какую одежду в зиму. Но все равно — пересчитывали и удивлялись...

Снег завалил проселки в лес, возить дрова стало невозможно. Муж сидел дома, шуршал какими-то старыми газетами, листал книги

домашней библиотеки, подолгу курил возле печки. Раза три-четыре в неделю приносил бутылку разбавленного спирта и медленно выпивал ее в одиночестве, а потом перебирался на диван...

Как-то под конец нудного пустого дня Николай, долго ходивший по кухонке туда-сюда, остановился перед лежащей вторые сутки на кровати теткой.

— Слушайте, — заговорил с досадой и раздражением, но и, как послышалось Валентине Викторовне, с состраданием, — слушайте, давайте я в больницу вас увезу. Чего и нас, и себя изводить? Там полечат, витамины дадут. Решать что-то надо. Сколько можно? Что это за жизнь получается — как с покойником рядом постоянно...

Тетка вроде попыталась подняться. Повозилась и затихла. Потом слабым голосом ответила:

— Да я рада бы... Не получается только. Я уж тоже...

— Ну вот, в больнице подлечат.

— Коля, потерпи маленько еще. Здесь я отойти хочу. Здесь всю жись прожила, отсюда пускай и вынесут.

Валентина Викторовна слушала из соседней комнаты, не вмешивалась. Только дыхание боязливо задерживала.

— Что ж, — голос мужа, — когда-нибудь всех вынесут. Давайте все ляжем и будем ждать.

Тетка скрипуче, без слез, заплакала:

— Я, что ль, виновата, что не могу. А?.. Ни жить уже не могу, ни помереть...

— Да с чего вам взбрело-то про смерть?! Выйдите, вон, воздухом подышите, снегом. На табуретку свою садитесь. Чего лежать со сложенными руками?

Тетка уже не отвечала, только сухо всхлипывала, будто стараясь проглотить что-то застрявшее в горле.

Николай сел за стол спиной к ней. Посжимал пальцы, напрягая кулаки, глядя в неровно оштукатуренную, в мелких трещинах стену. Потом поднялся, достал из холодильника бутылку, тарелку с капустой, остатки копченой колбасы.

— Ла-адно, — бормотал то ли примирительно, то ли угрожающе, — ла-адно...

На другой день тетка встала. Отказывалась от еды, даже в туалет не выходила. Сидела на своем месте, равномерно качаясь. Уже перед темнотой, тепло одевшись, пошла из избы. Не сразу, от слабости, сумела открыть дверь.

— Ну куда вы опять? — остановила ее Валентина Викторовна.

— К Нюре надо... Семеновой. Поговорить.

— Мороз там, — сообщил Николай. — Снега по колено. Запнетесь, упадете.

— Да я как-нибудь... Дойду.

— Проводить вас? — Валентина Викторовна потянулась к своему пальто. — Господи...

— погоди, — вскочил вдруг муж, — лучше я.

— Да ладно, чего ты...

— Я провожу. — В голосе Николая появилось что-то, заставившее Валентину Викторовну отойти от вешалки.

Пока он обувал унты, натягивал старый свой милицейский бушлат, тетка ушла — слышно было, как скрипит под ее ногами сухой снег. Странно громко скрипит...

— Ой, догоняй, — поторопила Валентина Викторовна. — Действительно, свалится ведь...

— И что? Тебе такое нравится? Спектакли каждый день... — Николай развернулся, шагнул в темные сенки. Хлопнул дверью так, что облако морозного пара метнулось под потолок.

...Валентина Викторовна прошла по кухне. Поправила одеяло на теткинй кровати. Присела к столу... Замерла, прислушиваясь к своему необычному состоянию: и тревожно было, и жутковато, и торжественно-приятно. Так с ней случалось в детстве в предновогодние вечера — числа тридцатого, когда уже стоит елка, ждешь скорого чуда, очень хочется спать, но сон перебарываешь, а в голове все мешается, и ты словно бы видишь краем глаза (прямо посмотреть — жутко), что совсем рядом — в углу или за занавеской, — притаился кто-то. Или Дед Мороз, или бабай из леса. И в любой момент может произойти чудо или ужас... Валентина Викторовна грустно качну-

ла головой, сказала то слово, что любила повторять в молодости, когда для этого, как казалось сейчас, не было никаких поводов:

— Нервы.

Встала, сняла с буфета коробку с лекарствами, отыскала корвалол. Накапала в рюмку, развела водой. Ушла в комнату, включила телевизор.

— Если у вас не клеится жизнь, — пристально глядя с экрана, проникновенным голосом советовала румяная, средних лет женщина с оренбургским платком на плечах, — поймите лягушку, поставьте ее на ладонь задом к себе, плюньте ей на спину три раза и бросьте прочь. И все напасти уйдут вместе с лягушкой.

Валентина Викторовна усмехнулась:

— Спасибо! — Переключила программу, но там, как и на всех последующих, была рябь.

Погасила телевизор, вернулась на кухню. Может, посуда есть грязная... Надо себя отвлечь... Нет, на столике за печкой было пусто. Присела на теткин табуретку... Пыльные ходики раздражающе тикали, маятник равномерно покачивался туда-сюда... Зачем вообще эти ходики допотопные? Тик-тук, тик-тук... Когда есть еще люди или чем-нибудь занимаешься — их не слышно, а сейчас как молоточком по мозгам...

Николай пришел минут через сорок. Громко сопя, разделся, вынул из кармана бутылку

спирта и банку сайры. Выставил на центр стола, потер руки.

— Давай, что ли, пропустим на сон грядущий. Соленья там есть у нас? Или давай я в подпол слажу.

Удивляясь его не то чтобы веселому, а подчеркнуто хозяйскому какому-то тону, Валентина Викторовна открыла холодильник

— Огурцы есть. Капуста... Тетку-то проводил?

— Угу.

— Вот куда она на ночь глядя... Беда с ней.

— Ладно, пуска-ай. — Николай закурил, и не как обычно, у печки, а за столом. — Недолго ей уже. Потерпим... Доставай там все, что есть. Аппетит разыгрался. От мороза, что ли... А снег, кстати, вали-ит!..

Хорошо они посидели вдвоем. Может, за минувший год и не сидели так, отдыхая душевно; и воспоминания на этот раз не ранили, а, наоборот, помогали, давали поддержку.

Когда Валентина Викторовна взглянула на часы, было уже начало одиннадцатого.

— Тетка-то до сих пор... — забеспокоилась. — Неужели случилось что? Может, выйдем встретим?

— Сиди. — Николай доразлил спирт, получилось почти по полной стопке. — Придет, куда она денется? В крайнем случае прибегут... Давай, Валь, за то, чтобы все у нас наладилось. Постепенно, медленно, конечно, но сдвигается. — Чокнулись.

...Опьянение ударило неожиданно, стоило только приподняться. Валентина Викторовна, стыдясь себя такой, тихо посмеиваясь, с трудом добралась до дивана и, не раздеваясь, легла. Тут же рядом оказался муж, обнял, потянул к себе.

— Все хорошо будет, — мягко шептал, — все хорошо...

Глава шестнадцатая

Первые дни после того, как из роддома забрали ребенка, оставили у Артема странное ощущение: вроде и суета, постоянное напряжение, вскакивание по ночам при первом же писке или, наоборот, от того, что дыхания не слышно... Вроде бы тяжело до предела, но тяжесть эта как-то легко переносилась. Наверное, потому, что это было новое состояние, новая тяжесть.

Правда, сил у Артема хватило ненадолго — через пару недель стал валиться на кровать при первой возможности. Днем уходил во времянку, закутывался в тряпье и засыпал, и даже угроза замерзнуть не останавливала. «И черт с ним», — шептал с обидой, прикрывал рукавами свитера нос...

Замерзнуть не давали — постоянно находились дела, его тормошили, давали поручения, иногда сердились:

— Ну что ты вареный такой?! Ребенок заботы требует. Твой ведь ребенок, или как?!

Артем вздыхал, тер глаза и — «ради ребенка» — шел за водой, развешивал пости-

ранное белье, тащил в дом дрова, чистил снег во дворе.

Когда приходили родители и начинали радоваться Родиончику, Артем раздражался, чего-то стыдился, может, и ревновал... К младенцу сам он не чувствовал ничего, кроме брезгливости; когда по вечерам жена с тещей начинали делать ему массаж, отворачивался, в животе клочкотала тошнота.

— Чего кривишься? — ободрял Георгий Степанович. — Сам таким же был. Хе-хе. Похож. Вылитый Артемка.

Это настойчивое напоминание, что ребенок именно его, провоцировало на подозрения... Да, в те недели, когда Валя забеременела, они чуть ли не каждый вечер были близки, но большую часть суток друг друга не видели. Он-то ладно, а она — и парни говорили, и бабка Татьяна — гуляла раньше еще как. Может, и в те недели гуляла. Днем с кем-нибудь из местных, а вечером — с ним... И как они определяют, на кого ребенок похож, на кого не похож? Лицо сморщенное, красное, ни носа толком не видно, ни губ, ни подбородка; туловище напоминает какую-то личинку, ножки и ручки словно связки сарделек. Между ножек крошечный штырек. Глаза угрюмые, внимательные, но взгляд странный, зрачки разъезжаются в разные стороны.

— Валь, — как-то не выдержал Артем, — он что, косой, что ли?

— Сам ты косой! Это у многих новорож-

денных так Понял? Косой... Не смей так говорить. Понятно?

— Понятно.

Больше всего и изумляла, и задевала Артема грубость жены. Почти каждый его вопрос вызывал такую реакцию. Не разговаривала, а ошпаривала словами... Близости у них давно не было. Да и Артему уже не хотелось. Ничего не хотелось, кроме одиночества.

Спали в одной комнате с Родиком. За тонкой стеной храпели-сопели родители Вали, на кухонной лежанке мучилась бессонницей старуха, тещина мать... Когда даже случайно Артем ночью прикасался к жене, она испуганно-сердито шипела:

— Ты что?! Ребенка разбудишь мне... Потом, в субботу в баню пойдём...

«Ну вот, сделал мавр своё дело, — в который раз думал Артем, — пупса долгожданного произвел, и можно посылать».

Узнав, что бабка Татьяна исчезла — ушла вечером к знакомой и не вернулась ни через час, ни через неделю, — он зачастил к родителям. Ложился на пустую кровать.

Мать, конечно, переживала. Бегала к участковому, написала заявление о пропаже человека. Участковый погулял по улице, поспрашивал соседей и успокоился... Когда волнение матери готово было перерасти в отчаяние, отец осаживал:

— Что теперь делать? Сугробы перекапывать? Люди, когда чувствуют смерть, тоже хотят уйти. И она, наверно... Она же так томилась тут, и нас замучила.

— Но ведь...

— Что — ведь? Ну что-о? — отец горячился. — Ведь если трезво посудить, и слава богу, что так получилось. Спятили бы тут, еще немного продлись... И Артем вон хоть ото спится.

И постепенно мать смирилась. Недели через две после пропажи начала маленький ремонт на кухне. Убрала бабкины склянки, висящий на спинке кровати стеганный халат, сняла со стены ходики, выбросила из буфета разный хлам... Еще через месяц, ближе к Новому году, о старухе вроде совсем забыли, да и мало что о ней напоминало. Даже запах почти выветрился.

Помогали забыть и случавшиеся в деревне происшествия. Вот Юркиной вдове вдруг начал сниться муж. Точнее — первому он приснился дружку и собутыльнику Ваньке Калашову, а потом и Людмиле. Сны были непростые, и Ванька с Людмилой стали ходить по деревне, об этих снах рассказывать, а потом просить совета... Однажды Артем застал их у родителей.

— Сплю, значит, — страшно округляя глаза, будто это случилось только что, говорил Ванька, — ну, немного принял вечером... Сплю. И тут — бац — иду по нашему кладбищу, гля-

жу, а из Юркиной могилы ботинки торчат. Не ботинки, а эти...

— Кроссовки они называются, — подсказала вдова. — Запомнить пора бы...

— Ну, аха... И голос Юрки: «Вань, скажи Людке, чтоб переобула. Я эти кроссовки всегда ненавидел, носить отказывался, на хрена она меня в их похоронила?» Я во сне чуть в штаны не наклал... Просыпаюсь весь мокрый, лежу, в темноту пучусь. А сон такой, как на самом деле... До утра не уснул больше, а утром к Людке побежал, рассказал все...

— А на другую ночь, — подхватила вдова, — и мне то же самое. Только теперь я сама по кладбищу шла... И каждый раз, только усну, повторяется... Нет, я не свихнулась, — заметила взгляды Елтышевых, — нет. Это другое... Бывает ведь. И по телевизору про это сколько передач... Я кроссовки ему лет пять назад купила, в город ездила, там увидела на рынке. Цена маленькая, на вид — симпатичные, и купила. А он... Юрий — ни в какую. В чулан бросил: «Сыновья вырастут, пускай таскают». И вот... Когда хоронили его, — в голосе слышались слезы, но вдова пересилила себя, не заплакала, — когда хоронили, я и решила надеть... Обуви никакой путной не было, а они новые, не сохлись даже. А теперь... Он и на том свете теперь... Оттуда... — Все же заплакала, шепотом извиняясь, стала вытирать платком глаза, хлюпала, глотая слезы. — И мне покою не дает, с ума сводит.

— Так вот мы с Людкой посоветовались, — заговорил Ванька Калашов тихо, доверительно, — еще с людьми... Может, эту, эсгумацию провести? Ну, и переобуть. Как? Ведь делают, если надо... К управляющему ходили, он хмыкает только, отмахивается. Вот ему бы приснилось такое — я б посмотрел. Первым бы с лопатой понесся...

— Что вы посоветуете? — успокоившись, перебила вдова. — Вы все же люди знающие. Можно такое сделать? Он ведь меня доконает. Каждую ночь... А у меня ребятишки, кто за ними будет, когда я в дурдом... Ведь можно?

Отец, давая усмешку, пожал плечами:

— Теоретически — возможно. Но для эсгумации нужна более веская причина... Ну, чем сновидения.

— А сорок дней не прошло? — спросила мать. — Говорят, пока сорок дней не пройдет, покойник рядом с живыми...

— Да кого — сорок дней! — снова округлил глаза Ванька. — Три месяца уж доходит.

— М-да. — Отец поднялся, взял с печки сигарету, закурил. — Надо, как я понимаю, заявление писать. На имя... Наверное, в прокуратуру... — Артем видел, что отец советует наобум, сам не зная, как поступить в этом случае.

— Или лучше, — перебила, выручая, мать, — в церковь съездить. Поставить свечку...

Отец с готовностью подхватил:

— Вот-вот! Посоветоваться со священником. Там-то опыт есть.

— Да, надо в церковь, — как-то по-старушечьи покивала вдова. — Что ж, спасибо...

«А ей лет тридцать пять, — подумал Артем, — или слегка побольше. Выглядит неплохо, хоть и детей столько, с мужем так.. И Харина тоже — никогда не подумаешь, что пятерых нарожала». И внизу живота неожиданно напряглось — захотелось женщину... Отвернулся, показно зевнул. Нужно было выспаться, чтобы утром появились силы выполнять поручения жены и тещи.

Поначалу родители не скупилась на траты для внука. Давали деньги и лично Артему, не спрашивая, для чего, на какие расходы... Часть их Артем откладывал, прятал в своих вещах, на другую часть, как и раньше, покупал продукты не из обычного деревенского рациона. Еще кое-что отдавал Вале — в семейный бюджет...

Новый год отметили совместно — двумя семьями. Начали совсем по-родственному, тепло, желали друг другу «в наступающем» всего самого лучшего. Радовались «новому человеку». А потом, уже прилично выпив, старшие Елтышевы и Тяповы стали планировать будущее детей. Планы и мечты быстро превратились в спор, а спор — в ссору.

— Да, у нас торчит! — почти кричала мать на упреки тещи. — А как ему?! На нем вон лица не было. Что вы тут с ним делаете, не знаю...

— Ничего с ним не делают, — так же, на повышенном тоне, отвечала теща. — За ребенком маленьким, конечно, уход нужен. А если он привык..

— Свой дом им нужен, отдельный. Там пускай и разбираются, — перебил жену Георгий Степанович и тут же получил ответ от отца:

— Так давайте строить! Я начал, но помощи никакой. Мне, что ли, одному это надо?

— Можно подумать, для Вальки с Артемом вы его исключительно строите! — теща готова была захохотать. — Сами первые и въедете.

— А вам-то дело какое?! Я крестовый строю, всем хватит места.

— Аха!..

В комнате заплакал Родик.

— Ну вот, — вскочила Валя. — Тише можно! Что вы взбесились?!

Родители Артема стали собираться.

— Посидели... Попраздновали...

— Ты останешься? — строго спросил отец. Артем виновато кивнул.

— Ну, как знаешь... Счастливо.

Родители ушли. Георгий Степанович, вздыхая, завалился спать. Валя возилась с ребенком. Теща нервно убирала со стола.

— Вздряшные у тебя мать с отцом, — сказала ворчливо. — Знали бы раньше... Думали, городские.

— Слушайте! — Артема прорвало. — Не смейте про моих родителей!.. Х-ха, поймали чувака, затащили в предбанник, а теперь я

вам слуга тут. Еще и душу отводить на ком... Охренительно!

Теща замерла с тарелками в руках, недоуменно таращилась на него. Но быстро опомнилась, поставила посуду, прищурилась и начала повизгивающей скороговоркой:

— А что, на божничку тебя поставит?! Ишь ты, трудно ему для родного ребенка воды принести! А нам не трудно для тебя тут готовить, носки твои настирывать?!

Она еще что-то говорила, говорила; дочь пыталась ее успокоить, мечась из комнаты на кухню и обратно, что-то сквозь пьяную дрему выкрикивал тесть... Артему от всей этой бури сделалось почему-то легко и радостно, и он понял, что вот самое время порвать. Месяцев восемь, с лета, все было не так. Почти сразу после свадьбы — холодность жены, помыкание тещи, спаивание тестем, ощущение себя здесь приживалом-работником...

— Да ну вас, — махнул он рукой.

Надел пальто, шапку, сунул ноги в растоптанные демисезонные ботинки. Выходя на улицу, подумал: «Ничего не оставил? — Перебрал в памяти. — Да нет, ничего важного».

Глава семнадцатая

Сумбурно прошла зима. Сумбурно и пусто. Пусто для зимы — это обычно: когда снега по пояс, мало что можно делать. После очередного снегопада тропинки пробить — и то подвиг, дело не на один день; с крыши сбросить спрессованные плиты — тоже целая история. Натаскать в дом угля, дров, воды этой вечно не хватающей... В общем, главное — поддержка собственного существования. Но однообразие дел создавало впечатление пустоты.

Хотя этой зимой душевного сумбура было предостаточно. И выматывал он посильнее однообразия.

Конечно, уход Артема от жены взволновал, но нельзя сказать, что расстроил: когда летом он откололся от родителей, наведывался, получается, лишь за деньгами, были обида и даже страх, что вот остались один на один с новыми условиями жизни, в тяжелой ситуации, да еще с обязанностью поддерживать — и почти без всякой отдачи — семью сына. А ведь сами уже немолодые совсем, надломленные переменами.

Теперь же, когда Артем снова был с ними, вернулось чувство, что они одно целое. Семья, борющаяся за будущее. Впрочем, мысли о внуке, который растет без них, постоянные известия, что невестка и сваты не против наладить отношения, но сами не делают первый шаг, изматывали морально. Конечно, похорошему, нужно бы Артему жить вместе с женой и сыном, но как это устроить в такой ситуации? Николай Михайлович не мог представить себя женатым, но под одной крышей с тещей, да и с матерью тоже. Нет, лучше в общажной комнатке, зато отдельно...

В конце января Харин вдруг пригнал трактор с тремя сучковатыми сосновыми лесинами. Вел себя так, будто сделал наконец одолжение. В первый момент Николай Михайлович хотел послать его, но тут же передумал: хоть шерсти клок.

— А остальное когда? — спросил.

— Когда получится.

— Гм... А с пилой?

Харин, сердито глядя в сторону, дернул плечами, отвернулся, стал помогать трактористу отвязывать трос от лесин.

«Ладно, еще разберемся», — пообещал мысленно Николай Михайлович.

...Раза два за зиму заходил участковый. Спрашивал, не появились ли мысли, куда могла деться тетка Татьяна. Сидел на кухне, оглядывался вроде рассеянно, вздыхал уныло, слу-

шая ответы Елтышевых — «да нет, сами ума не приложим», — и потом поднимался, надевал синюю милицейскую ушанку.

В феврале, когда особенно надавили морозы, так, что дышать на улице было больно, по деревне пронесся слух, что могилу Юркину будут раскапывать. Слух этот при встрече подтвердил Николаю Михайловичу управляющий. Каким-то образом вдове удалось получить разрешение.

Елтышевы на кладбище, естественно, не пошли, потом узнали, что приезжала специальная бригада, отогревали землю костром из покрышки, долбили ломами. Вскрыли гроб, переобули Юрку в те его ботинки, что носил последние пару лет — с треснувшей подошвой, — и снова закопали. Некоторые ожидали, что, как только отдерут крышку, вдова бросится, рыдая и голося, на мужа и потребует, чтоб ее с ним похоронили, или достанет из подкладки его костюмчика заначенную пачку денег (в то, что это действительно из-за кроссовок устроено, люди не верили). Но все ограничилось переобуванием. Разочарованные, намерзшиеся зрители скорей разошлись...

Под конец февраля начали выдаваться ясные дни. С крыш закапало, снег сверкал, слепил глаза, дышалось легко, в воздухе появился запах весны — запах оживающей природы. Веселее стали кукарекать петухи, собаки рвались с цепей, коровы ревели в стайках и бо-

дали двери. На людей близость весны тоже влияла — больше появлялись на улице, здоровались друг с другом, то ли улыбаясь, то ли жмурясь. И Елтышевы повеселели, с нетерпением ожидали, когда сойдет снег.

Но тут Артем начал метаться: на целые дни уходил к жене, а как-то не вернулся и поздно вечером. Николаю Михайловичу пришлось идти узнавать, там ли он, — Валентина настояла: «А вдруг тоже пропал, как тетка. Сходи-и!»

Елтышев сходил, убедился, что сын у Тяповых.

— А нас в известность ставить не надо?!

— Н-ну... — Артем потупился. — Я же здесь...

— А мы-то откуда знаем! Мать там на стены лезет... И вообще, знаешь, ты определяйся давай.

— Что, определяться?

— Или здесь ты... или строим дом, и перевозишь жену с ребенком. Сколько это тянуться может, в самом деле! Туда-сюда. Где теплее, туда и бежишь. Построим дом, сделаем два входа, две кухни, если мы так вам... А тут что?.. Удобно, конечно, устроился — на две семьи жить. — И, понимая, что говорит уже лишнее, Николай Михайлович повторил: — Решай, как быть. Я долго это тоже терпеть не намерен. И бегать тебя искать... В общем, решай. — И, развернувшись резко, почти как когда-то на строевых занятиях, пошел домой.

За спиной было тихо; он чувствовал, что

сын смотрит ему вслед. Потом скрипнула калитка, лязгнул засов.

— Остался, — бормотнул Николай Михайлович. — Та-ак..

Деньги таяли. Пенсия уходила на продукты, на незаметную, но необходимую мелочевку... Да, деньги именно таяли, и приходилось залазить в сбережения — уменьшать ту сумму, что еще осталась от продажи гаража. Младшему сыну переводы посылали не копеечные, и старший снова время от времени являлся с таким видом, что приходилось выбирать: или сразу гнать прочь, или идти и доставать из тумбочки сотню-другую.

— Это сказка про белого бычка какая-то! — в конце концов не выдержал Елтышев. — Сколько можно?! Мы банк тебе, что ли? Снег сошел, тепло, другой бы меня тормозил каждый день: давай строить, а ты... «Денег дайте».

— Давай строить, — пробурчал сын без всякого энтузиазма.

— Давай. Иди замешивай раствор.

— А как — глины же нет.

— Ну привези. — Николай Михайлович вспомнил точно такой же разговор прошлым летом: «Действительно, про белого бычка», — плюнул, схватил со стола сигареты, дергано закурил. Отвернулся.

— Что мне делать?! — рыдающий голос Артема. — Как тут?.. Я не могу!.. Жить не хочу! Не

могу ничего, не знаю... Вы же сюда меня привезли, а теперь... Что мне тут делать? Не хочу я тут... Ясно?

— Я тебе уже отвечал, — изо всех сил сдерживая бешенство, ответил Николай Михайлович, — поехали, я тебя устрою в милицию. Первое время — патрульная служба, потом...

— Да какая милиция?.. Меня тут... меня зачмырят тут, если узнают.

— Х-ха! Значит, ментом тебе в падлу быть? Хорошо. Хорошо-о... А на какие шиши ты двадцать пять лет жил, питался, пиво пил, девкам мороженое покупал? А? Не на ментовские? И как? Не в падлу было?.. — Елтышев медленно пошел к сыну. — А?

— Коля, успокойся! — встала навстречу Валентина. — Успокойся и... А ты, — оглянувшись на сына, — не смей такое нам... Живи своей жизнью или, не можешь если, уважай.

— Спасибо! — И, подальше от греха, Артем быстро вышел из избы.

После этого не появлялся недели три.

Николай Михайлович часто вспыхивал, повторял: «Пускай только явится! Я ему покажу! Хрен ему больше денег, помощи...» Но в душе ждал Артема, улыбающегося, бодрого. Чтоб подошел, протянул руку: «Все, батя, забыли. Давай строиться».

Когда возле ворот слегка подсохло, Елтышев стал ошкуривать привезенные Хариным лесины.

Только увлекся, только в забытии работы

стало легко, подошла соседка. Как ее звать, Николай Михайлович до сих пор не запомнил — она жила на той стороне улицы, почти напротив, в небольшом опрятном домике с пестрыми ставнями. В теплое время года сидела с утра до ночи на лавочке у калитки, щелкала семечки хорошо сохранившимися зубами, будто выполняя серьезный ритуал, кивала прохожим. Все, казалось, у нее навсегда установилось, нет никаких проблем — все дела переделаны, — и теперь она, благообразная старушка, только и делает, что заслуженно отдыхает.

Прошлым летом Николай Михайлович слегка удивился, когда соседка вдруг встала с лавочки и подошла. Он как раз вытаскивал из багажника мешки и ведра с глиной.

— Здра-авствуйте, — сказала нараспев, — глинки привезли?

— Да.

— А мне бы с полведерочка не дали? Печку подмазать да там завалинку.

Елтышев дал, даже сам донес до ее ворот...

Подошла и сегодня. И так же нараспев похвалила:

— Хоро-оший лес. Хоро-оший.

— Что ж хорошего? — Стволы были кривоватые, тонкие; в нижние венцы сруба они точно негодились.

— Да, не очень-то, — легко согласилась соседка. — На дрова только или где что подлатать... У меня вот беда-то, два столбика на

заднем заборе совсем погнили. Того и гляди ляжет пролет...

Николай Михайлович молчал, снимал топором кору.

— Вот, думаю, может, дадите. А? Отсюда если отпилить метра по два бы... — Соседка подождала ответа. — Дадите?

— Идите в контору, там просите. — Елтышева раздражала не сама просьба, а то, что разрушено его хорошее, такое редкое состояние. — Что я, в самом деле, снабженец вам?

Он работал уже через силу, хотелось бросить и уйти за ворота.

— В контору, говорите? — по-другому уже, как-то с угрозой переспросила соседка. — В контору на-адо сходить... А вы-то сами где этот лес взяли? Выписывали, что ль? Или как?.. Видела, как привезли — впотьмах, крадче. И кто привез — тоже. Харин этот, он честно ничё делать не станет.

— Знаете, — Елтышев выпрямился, поигрывая топором, — идите-ка вы отсюда... Идите.

— Ой, господи, — бормотнула соседка, косясь на топор; несколько метров пятилась, а потом развернулась и быстро засеменила к своей калитке.

Вечером Елтышев отправился за спиртом. Торговали им довольно далеко, на улице, которую называли Загибаловкой. Торговали люди довольно приличные, зажиточные даже.

Покупателю желательно было иметь при себе тару — стеклянную или пластиковую бутылку, — но при необходимости продавали и вместе с тарой, правда, стоило это на два рубля дороже. Покупатель отдавал продавцу (или продавщице, или кому-то из детей — торговали семьей) пустую бутылку и деньги и через минуту-другую становился обладателем выпивки.

Разбавляли спирт по-божески, в районе сорока градусов; вкуса жженой резины и ацетона не чувствовалось, и похмелья особого, граничащего с отравлением, Николай Михайлович от него не испытывал. И постепенно спирт стал ему нравиться больше магазинной водки, которую к тому же в деревне по-прежнему купить было негде.

Иногда он брал чистый спирт, разбавлял сам, но чаще доверял продавцам — «имеют совесть».

В этот раз у них была какая-то суета. Перед воротами стояла грузовая «Газель», во дворе слышались возбужденные голоса.

«Обыск, что ли? Разборки...» — мелькнуло в голове, и Елтышев инстинктивно поглубже в карман запихнул пустую поллитровку. Постоял, с опаской заглянул за калитку. Навстречу с канистрами в руках шагал парень, за ним, что-то поправляя на груди под кожанкой, — тот невысокий мужчина, что с год назад приходил к ним с предложением продавать спирт.

— А, здоровенько, — улыбнулся, увидев Елтышева, как-то приветливо и самодовольно. — Как оно?

— Нормально...

— За товаром?

— Да вот... надо.

Мужчина быстро осмотрел Николая Михайловича, оценил, сказал поставившему в кузов канистры парню:

— Садись, заводи. Я сейчас... Как насчет самим торговать-то, не надумали? Никак на вашем конце не могу порядочных людей найти. А дело-то выгодное.

Николай Михайлович хотел было отказаться, со спокойным достоинством произнести: «Нет, спасибо». Но внутри дернуло: «А что — это выход. Где ты еще заработаешь, на чем? Брус покупать надо, кирпич... Деньги, деньги...»

И он стал обговаривать условия, технологию; «да» пока не прозвучало, но и ему, и мужчине в кожанке было ясно, что оно вот-вот прозвучит.

Глава восемнадцатая

— Ну и как, как ты себе это представляешь?! — негодовала Валентина Викторовна. — Я буду пойло разбавлять, таскать алкашам?

— А что ты-то сама предлагаешь? Как дом ставить? Бензин вон растет, продукты... Хлеб с селедкой нам жрать, что ли?

Николай хоть и говорил громко, резко, но не кипятился. То ли сам раскаивался, что поддался уговорам, то ли старался убедить.

Валентина Викторовна подперла голову рукой, покачалась:

— Куда мы катимся, куда катимся... Базарной теткой уже стала, теперь спирт буду...

— Хорошо, давай откажемся. Откажемся и ляжем здесь умирать. — Муж закурил десятую за вечер сигарету. — Лично я не вижу, каким образом нам устраиваться, все это налаживать.

Сел к печке, повесил голову. Валентина Викторовна с жалостью смотрела на него.

— Что ж, — вздохнула, — давай попробуем. Действительно, надо как-то жить.

— Не как-то, а хорошо надо жить. Через пяток лет стариками станем... Ладно, — Николай бросил окурок в топку, поднялся, — давай выпьем на сон грядущий. Закусить-то есть чего?

На другой день им привезли три десятилитровые канистры со спиртом, два ящика пустых бутылок, кулек пробок, двести рублей десятирублевыми бумажками — «для оборота».

И началось... Днем почти не приходили, зато по вечерам и ночами — один за одним. Динга осипла от лая.

Торговлей в первое время занимался только Николай — сам разводил, наполнял бутылки, сам выносил. Валентина Викторовна хмуρο поглядывала на его операции, но пачечка заработанных денег в тумбочке становилась все толще и толще, и в конце концов не из головы, а из души откуда-то пришла мысль: «Действительно, какой еще выход? И чего стесняться — не отравой ведь торгуем, нормальным питьевым спиртом. Была бы другая работа...» И когда Николай перебрал свою вечернюю, «на сон грядущий», норму и не смог подняться, пошла сама к калитке, взяла у какого-то незнакомого мужичонки пустую бутылку и деньги, а потом вынесла спирт. Положила деньги в тумбочку и вздохнула с неожиданным удовлетворением...

Артем являлся иногда, ничего не просил, ни о чем не заговаривал. Если родители в этот момент обедали, обедал вместе с ними,

если выпивали, тоже выпивал. На вопросы о ребенке отвечал: «Да нормально, растет». Про строительство дома речи не заходило — Валентина Викторовна видела, что Николай ждет инициативы от сына, а тот ее упорно не проявляет. Будто не было уже этой проблемы.

В середине апреля неожиданно резко навалилась жара. Сухая, совсем летняя, и потянуло в огород. Из земли полезли сорняки, беспокоило чувство, что можно опоздать с посадками. В эту зиму Валентина Викторовна посеяла в ящиках помидоры, капусту и сладкий перец, и теперь рассада перерастала на подоконниках, закрывая свет, — целые джунгли получились... Но было ясно, что заморозки еще вернутся, наверняка и снег пробросит не раз. «Рано, — уговаривала Валентина Викторовна и себя, и рассаду, — потерпеть надо. Рано...»

В эти жаркие дни нашли тетку Татьяну. Пацанва залезла в заброшенный домик, что стоял неподалеку от избы Елтышевых — то ли покурить они там решили, то ли играли во что-то, — и в подполе обнаружили лежащее тело. Побежали к управляющему. Тот сообщил участковому.

Из города следователи не приехали — поручили разобраться на месте. Участковый составил протокол. По его мнению, это был несчастный случай. Но смотрел на Елтышевых

странно, вроде как с подозрением. Да и Валентине Викторовне самой было странно и непонятно, каким образом старуха могла оказаться в погребке заброшенного дома.

— Да что?! — не выдержал ее взгляда муж — Я-то откуда знаю! Может, она сама так решила. И самой избавиться, и нас избавить.

Теткины подруги выполнили обещание — обмыли и одели ее в чистое. Все это происходило на кухонном столе; Валентина Викторовна была на подхвате, но на тетку старалась не смотреть, дышала ртом, хотя, удивительно, запаха разложения почти не чувствовалось. «Проморозилась за зиму...»

Хоронили на другой день после обнаружения. Не обитый тканью гроб везли на телеге, возница — единственный мужик, у кого в Муранове была лошадь, — уже прилично выпивший, без передышки ругался, дергал вожжами:

— Пошла, тварь педальна!.. Н-но!.. Н-но, твою-то!..

Кладбище находилось почему-то не в основном бору, обступающем деревню с северо-запада, а напротив — у подножия холма, в сырой, заросшей чахлым осинником низине. «Вот здесь и меня с Николаем закопают», — подумала Валентина Викторовна, оглядывая такие же чахлые, как осины, кресты и тумбочки (мраморных и бетонных памятников почти не было)... И от мысли о собственной смерти, от того, что последнее пристанище

столь безрадостно, она завсхлипывала, взглянула на лицо тетки Татьяны, за сутки ставшее страшным, словно обваренным, и зарыдала...

Попрощаться с теткой собралось всего несколько человек — пяток старушек, нанятые в могильщики мужички и, для порядка, управляющий с участковым.

Заколотили гроб, криво опустили на веревках в яму. «Надо ведь, по обряду, на полотенцах опускать, — вспомнилось Валентине Викторовне, — а после разрезать и раздать...»

Сыпанули по горсти земли на крышку, а потом мужички взялись за лопаты, быстро забросали яму. Воткнули в край холмика некрасивый, самодельный крест.

— Табличку сами прибейте, — сказал участковый. — Чтобы не затерялось.

— Да-да, конечно, — необычно для себя поспешно отозвался Николай.

После похорон Валентина Викторовна искала могилки матери и отца, умершей ребенком сестры. Не нашла.

— Совсем ничего не соображаю, — оправдалась перед собой. — Домой надо...

Только собрались помянуть вдвоем с мужем — приглашать никого не стали, — пришел Артем.

— О, как всегда, вовремя. К обеду.

Артем молча сел возле стола, но слегка боком, повел носом.

— А что это?.. Чем-то пахнет...

— Тетю нашли, — ответила Валентина Вик-

торовна и отложила нож, которым резала колбасу; снова навернулись слезы. — Она... она, оказывается, в подпол упала в том доме... в ничейном.

— Да?.. И что?

— И что, — передразнил Николай, — похоронили вот.

Артем, словно угадав, что здесь лежала покойница, сдернул локоть со стола.

— Я не знал...

— А что ты вообще знаешь?

— Родька что-то заболел... кашляет.

— Да?! — Валентина Викторовна обрадовалась переводу разговора на другую тему. — Вы окна, наверно, открывали. Да?

— Да вроде... Душно же...

— А-я-яй! Ну вот его и продуло. А температура?.. Температура есть?

— Угу. Тридцать восемь почти.

— Так надо в больницу. — Валентина Викторовна оглянулась на мужа; тот как раз выпивал стопочку. — Коль!..

— Я никуда не поеду. Берите ключи и везите.

— Я фельдшерицу позвал, — сказал Артем торопливо. — Бегал за ней сейчас, а по пути — к вам... Может, не надо еще никуда... Что-то... — Он помял ладонью лицо. — Что-то совсем...

— Э! — тут же остановил Николай. — Хорош. Всё мы слышали уже сто раз. Не будем.

Кроме ссоры, ни к чему это уже не приведет. — Стал наливать себе спирту по новой.

— Можно мне тоже немного?

Валентина Викторовна достала из старенького буфета стопку для сына. «Надо на оставшуюся часть стенки заменить, — подумала кстати, — а то совсем в летней кухне рассыхнется».

— Тетю помянем, — произнесла вслух. — Отмучилась...

Выпили. Закусили соленой капустой, копченой колбасой.

— Тут от парней узнал, — с опаской, что отец опять осадит, заговорил Артем. — Валин... ну, бывший парень из заключения возвращается. Они всерьез... м-м... дружили, в общем. Но его на пять лет посадили. Кражу, что ли, какую-то... В общем, со дня на день появится.

Не зная, как отреагировать, Валентина Викторовна взглянула на мужа. Тот поймал ее взгляд, усмехнулся, дернул плечами:

— Что ж, могу только поздравить с выбором супруги...

— Я же серьезно, — ноюще перебил Артем.

— Ну, а что делать? Валить его, что ли?.. Значит, будем валить и тоже садиться. Да, сынок? — В голосе Николая появилась злая ирония. — Прежде чем пипиську свою сувать куда-то, думать надо, к чему это приведет... Нашел себе и жену, и родственников вообще. Дружков. Они все тут животные просто. Хищные, тупые животные.

— Ну ладно уж, — вступилась Валентина Викторовна.

— А что, не так? И мы в таких же превратиться можем. Запросто причем! Как два пальца... А я, — Николай схватил бутылку, плеснул в стопку, — я предлагал ведь: давайте быстро построим большой дом, надежный, огордимся и будем жить. Была возможность — и деньги я за гараж получил, и силы были, и время. Целое лето убили! Нет, надо было жениться на первой, какая сиськами помахала. Теперь... Вот так, сын, и катится жизнь под откос. И не заметишь, как в Юрку этого превратишься, на крыльце сдохнешь где-нибудь.

Валентина Викторовна хотела снова заспорить, но не стала: несмотря на жестокость, в словах мужа была правда... Да, скатывались они всё ниже и ниже. И сын вполне мог их обогнать.

Залаяла Динга. Николай, раздраженно кряхтя, поднялся, вышел. Вернулся с пустой бутылкой, сунул в левое нижнее отделение буфета, а из правого достал полную. Снова вышел.

Артем наблюдал за ним удивленным взглядом.

— А вы что, — спросил тихо мать, — спиртом, что ли, стали?..

И Валентина Викторовна от жалости к себе, к семье своей, заплакала. Сбивающимся на крик полупшепотом ответила:

— А что... Что нам, сынок, делать? Что-о?!

Глава девятнадцатая

Когда Артем слышал слово «трус», внутри у него вздрагивало и напрягалось, будто говорили именно про него. Но трусом он себя не считал — никого никогда из-за боязни быть избитым не предавал, от хулиганов не убегал, бросив любимую девушку (правда, и ситуаций таких не возникало). Он был осторожным, не лез на рожон, не бахвалился силой и смелостью.

Столько его приятелей и знакомых погибло по глупости или село в тюрьму, что, когда перебирал в памяти судьбы парней их квартала, становилось жутко. Чуть не половина, а может, и больше.

Лет в тринадцать Артем оказался свидетелем совсем глупого убийства. Сидели в скверике компанией — все хорошо знали друг друга, в одной школе учились. И один из старшаков, Володька Егоров (было ему лет семнадцать), в разговоре сказал другому, тоже старшаку, Жеке Звереву: «Иди в жопу». Не послал даже, а так, в значении «да ну тебя». Жека вскочил со скамейки: «Чё ты сказал, урод?!»

И началась у них словесная перепалка, с матом, с «ну-ка иди сюда». А потом Жека выхватил из кармана отвертку и ткнул Володьку в грудь.

Артем старался избегать таких ситуаций.

Переезд в деревню, конечно, пугал. Ведь придется с кем-то там общаться, нужно будет себя поставить, не показать слабаком. А в слабаки и чмыри легко попасть... И знакомство, а затем и отношения с Глебычем, Вицей, остальными пацанами, Артем считал удачными. На него не наезжали, из него насильно не вытягивали деньги, а если подшучивали, то беззлобно, как над одним из своих. Но вот, оказалось, все-таки влип. И теперь пацаны, сами подсунувшие ему Валу, смотрели на него с сочувствием и интересом: что теперь будет, как теперь он, Артем, поступит. Ведь где-то едет уже откинувшийся Валин дружок — Олег Потапов, Олегжон, — бандит настоящий. Сел за ограбление ночного магазина, но натворил еще много чего и по деревням, и в городе.

Артем пытался поговорить с женой, выяснить, что у нее было с этим Олегжоном — всерьез или так. Она отмахивалась, возмущаясь и злясь: «Да брось ты с ерундой приставать! Понабрешут, а он верит». Но, кажется, именно после известия о том, что Олегжон освободился, она стала меняться — снова покрасила волосы, решила худеть, побрила ноги, подмышки... К Артему сделалась ласковой, сама тащила вечерами в баню, занималась сек-

сом страстно, но и как-то отстраненно, словно была не с Артемом, а с кем-то другим...

В тот день он возвращался от родителей. Настроение было на редкость приподнятым — немножко выпил, получил двести рублей «на внука». Грело солнце, еще не испепеляюще горячее, а настоящее весеннее; птицы какие-то щебетали, вкусно пахло молодой травой.

— Ничего, все нормально, — говорил себе Артем, — классно все. — А внутри подрагивало, сосало, словно он шел в школу, не выучив уроки и зная, что его обязательно спросят, а вечером уставший и злой после дежурства отец задаст ремня. — Ничего-о... Нормально все будет.

Смотрел поверх серо-ржавых шиферин на свежую зелень бора, на голубое высокое небо с редкими маленькими облачками. И такой действительно счастливой представлялась жизнь, если выбросить из нее совсем некое, но превращавшее счастье в мучение. Надо только решиться, приложить кой-какие усилия — и выбросить. Ведь есть же люди, которые живут без этого отравляющего остальное немногое. Он, Артем, встречал таких, всегда веселых, легких людей. Почему же он сам не может таким быть...

С Валею у них все могло бы быть хорошо. Отлично могло бы быть! Могло бы... Если бы отдельно жили, по крайней мере — без ее матери. Артем ее уже не переносил — от одного вида этой полной, большой, напоминающей

прапорщика какого-то (ее и муж называет сверхсрочником) особи, у Артема появлялось желание спрятаться, забиться в глубокую, надежную щель... Да, уехать бы с Валею... Вот раньше молодежь садилась в поезда и ехала на БАМ, на всякие стройки. Не только ведь затем ехала, чтоб электростанции возводить, поднимать народное хозяйство, а чтобы жить по-своему. А теперь куда деваться? Где кого ждут?

— Здоров, Тёмыч! — навстречу по проулку шагал Вица.

— Привет.

Пожали друг другу руки. Не расходились.

— Эт самое, — лицо Вицы стало тревожно-загадочным, — Олегжон-то приехал. Вчера вечером.

— М-м... — Артем старался выглядеть равнодушным. — И что?

— Дома сидит, бухает. Новости узнаёт.

— Ясно.

Еще постояли. Вица смотрел на Артема, а Артем в сторону. На бор. За бором в той стороне, знал, поля, а дальше — город.

— Ну ладно, — сказал Вица, — покачу... А, Тем, закурить не найдется?

Сигареты нашлись. На всякий случай Артем старался носить с собой пачку — пару раз отца задабривал, подсовывая вовремя сигарету...

Настроение после Вициного сообщения, конечно, испортилось. Да и как иначе — та опасность, что была где-то далеко, реально

почти и не существовала, оказалась вдруг рядом... И действие водки стало иным — теперь она не дарила легкость и решимость изменить свою жизнь, а давила, крутила, душила. Солнце стало печь, выпаривая силы, воздух казался влажным и липким. Захотелось просто забрести в траву на опушке бора, лечь и надолго уснуть. А проснуться другим, в другом месте, не помня прошлого... Как в фантастических фильмах — в каком-нибудь другом измерении...

Через силу вошел в ограду и сразу услышал раздраженный голос тещи:

— Кыш, пошли отсюда! Надоели уже! Всю капусту мне поклевали. — Наверное, выгоняла куриц из огорода.

Артем направился во времянку, но теща перехватила:

— Да наконец-то! Иди, там Родька хнычет. Посиди с ним. Мне ужин надо готовить, хоть батуну нарву.

— А Валя где?

— Побежала к фельдшерше. Что-то все ей там надо... Больная нашлась.

Артем пошел в дом. На веранде, на огромном сундуке, сидела старуха и вяло обмахивалась вафельным полотенцем. На Артема не обратила внимания... Тесть надсадно храпел, словно задышался, на своей кровати...

Ставни в комнате, где лежал сын, были прикрыты, а рамы окна растворены, но все равно было душно и жарко. Пахло чем-то про-

кисшим. Устало, однотонно жужжали мухи, и так же устало и однотонно поскуливал в кровати ребенок.

— Ну, чего ты? — наклонился к нему Артем. — Чего опять?

Родик, увидев человека, оживился, зашевелил ручками, ножками; поскуливание стало громче.

Артема неприятно удивляло, как медленно растут младенцы. Вот сыну семь месяцев, а мало чем от новорожденного отличается. Только, может, кожа стала побелей, волосики чуть отросли, морщины разгладились или превратились в складки. И, главное, кричать научился громко... Брал его на руки Артем всегда не то чтобы с опаской, а по-прежнему с брезгливостью — до сих пор не чувствовал, что это его сын, что это вообще ребенок: Родька напоминал зверька, который, не так его тронь, вполне может куснуть, заразить чем-нибудь.

Правда, сын ему иногда снился, но во сне он был уже взрослым — лет пяти-семи. Они рыбачили, боролись, лепили солдатиков из пластилина...

— Не ной ты, а, — попросил Артем. — Скоро мама придет, будете с ней заниматься.

Качнул висящую на кровати погремушку; сын, вместо того, чтобы увлечься, забил ножками, закричал... И тут в голове Артема соединились, состыковались приезд Олегжона, отсутствие дома Вали, ее прихорашивания в

последние дни. Точнее — он старался не стыковать их, но плач ребенка заставил раздражиться, а уже раздражение сломало эту внутреннюю игру в непонимание.

— Да возьми ты его! — возникла за спиной теща; громко втянула воздух носом. — Не чувствуешь, обосрался он?! Сними памперс, помой.

«Сами снимайте, мойте», — захотелось ответить. Артем сдержался, осторожно вынул сына, стал стаскивать памперс.

— Да как ты!.. — возмутилась теща. — Счас все тут будет в говне. Господи! Давай, папаша тоже...

Артем помялся рядом, дождался, пока теща сменит памперс, а потом медленно пошел на улицу.

— А кормить кто будет?! — окрик, недоуменно-возмущенный. — Разогревай питание. Там вода горячая в чайнике.

Занимаясь этими неприятными, совершенно чуждыми ему делами, Артем все больше распалялся — внутренне он произносил длинные возмущенные монологи, обращенные к жене, обличал, обвинял. Вот он, как дурак, греет бутылочку, а она в это время... А она под каким-то уркой грязным, спидоносом, туберкулезником.

И когда Валя пришла, он уже кипел. Все те сотни слов, которые бились в мозгу, мгновенно забылись, и Артем, дрожа от ярости, стал повторять:

— Ты где?.. Где ты была?! Где? А?!

В первую секунду на лице жены появились растерянность и даже вроде бы виноватость, но тут же они сменились злой гримасой.

— А чего ты орешь?! Пять минут не можешь с ребенком?..

— Где ты была, я спрашиваю?!

Раздался рев сына; Валя схватила его, стала сильно, всем телом, качать. И одновременно кричала в ответ Артему:

— Где надо была! Идиот! В больнице была — опять молочница! Опять, наверно, ребенка заделал мне. И орать.

— Ха, кто заделал? Олегжон?

— Да пошел ты! Идиот, действительно...

— Это ты идиотка! — Артему доставляло удовольствие вот так кричать в полный голос, даже дрожание исчезло, и рев Родьки не пугал, не останавливал. — Шлюха! Где была, спрашиваю? У этого Олегжона сосала?

Артем почувствовал укол в правую сторону головы. Не удар, не тычок, а именно укол. Дернулся, оглянулся и увидел тещу, которая замахивалась еще раз, выставив, как зубило, казанок среднего пальца. Так обычно тюкала она своего пьяного мужа.

— Ч-чѐ-о! — поймал Артем ее руку, попытался заломить, но неудачно — теща была сильная, а бить ее по лицу он не решался...

Теща дралась молча, лишь напряженно сопела, упорно стараясь ударить казанком-зубилом. Зато Валентина вопила беспрерывно.

Артем не слышал, что вопит, но это было что-то оскорбительное: чтоб убирался, что на хрен не нужен ей такой муженек, идиот, сволочь неблагодарная...

Видя, что теща побеждает, Артем не сдержался и ударил в неожиданно тугую при ее полноте грудь.

— Ах ты, гад-деныш! — И теща уже совсем медведем полезла на него; тут в комнату заскочил тесть и без разбирательств стал помогать жене.

Уворачиваясь, Артем заметил ножницы на комод. Вполне мог дотянуться до них... «Вот так и убивают друг друга», — подумалось, и от этой мысли он опомнился, перестал сопротивляться, а когда ощутил, что и напавшие тоже слегка расслабились, вырвался.

Огляделся во дворе, будто впервые здесь оказался. Направо калитка, налево времянка... Во времянке, между шкафчиком и стеной, начены еще с зимы триста рублей. Забежал, рывком — чуть не опрокинув — отодвинул шкафчик, схватил деньги.

Уже погоняемый криками и тычками тещи и тестя, выбежал за калитку.

Оглянулся, крикнул сдавленно, сквозь спазмы и дрожь:

— Суки! Уроды вонючие!

Машинально пошел в ту сторону, где жили родители. Остановился. «И что? Что там?» И впервые в жизни почувствовал себя по-настоящему одиноким, бездомным... Вот так же,

наверно, стоят посреди улицы люди, ставшие бомжами. Перед первой ночью...

Дергающейся рукой достал пачку «Примы» с фильтром, вытряхнул сигарету. Кое-как закурил, несколько раз глубоко затянулся. Во рту стало горько и вонько, словно там сожгли паклю. Сбил уголек, сунул длинный окурочок обратно в пачку. Еще пригодится...

Подошел ближе к берегу пруда, присел на траву. Собрал по карманам деньги, пересчитал. Пятьсот двадцать рублей. Прилично. С такими деньгами можно попытаться начать сначала... Встал и пошагал к автобусной остановке у въезда в деревню. Торопился, подгонял себя, хотя до автобуса оставалось еще больше часа; изо всех сил себя убеждал, что больше не увидит ни жены с ее уродами, ни своих родителей, притащивших его сюда, в эту яму. Никакого Олегжона не увидит, ни вообще...

— На хрен, — шептал злобно, решительно, — на хрен надо. Гнийте тут сами, а мне... мне на хрен не надо!..

Глава двадцатая

В конце мая, после посадки картошки, Николай Михайлович навалился на стройку. Дозалил фундамент, купил пять кубометров бруса и выложил, при помощи самодельного крана-балки, пять венцов. Появились очертания будущего просторного дома.

Дальнейшее строительство остановило отсутствие денег.

Снова стали ездить с женой за жимолостью, оставляя дом без присмотра, каждый раз, возвращаясь, ожидая увидеть дверь сорванной, вещи в избе разбросанными, запасы спирта опустошенными... Но, видимо, Елтышева побаивались — не лезли.

Сын жил в городе, работал. Приезжал изредка — помыться, поесть супа... В городе он устроился в бригаду, переделывающую первые этажи жилых домов в магазины. Жил в общежитии музучилища — бригада снимала там комнату: поставили три двухъярусные кровати.

— И что, вас там шесть человек? — с удивлением и беспокойством спросила Валентина Викторовна, когда Артем рассказал.

— Ну да. — И так посмотрел на мать, на отца, что дальнейшие расспросы прекратились — казалось, вот-вот начнет сам задавать вопросы. И кончится все снова скандалом.

Николай Михайлович вообще опасался вступать в разговоры с ним. Не хотелось ссориться, да и просто ссорой, дойди до нее, дело, видимо, не ограничится — Артем за эти два месяца заметно изменился. Не то чтобы окреп, но во взгляде, в движениях, в тех редких фразах, что произносил, чувствовались вызов и угроза. Бравировал своим нынешним положением почти бича (в их бригаде все, кроме него, были бывшие зэки, бездомные, запойно пьющие) и всем своим видом показывал: «Вот каким я сделался. И все из-за вас». Что-то появилось в нем такое же, что было у Дениса, когда тот вернулся из армии, — приклатненность появилась.

Денег Артем во время приездов не просил, давал понять, что с деньгами у него порядок. Но ел много, жадно, пил тоже не стесняясь. Если не просили помочь по хозяйству, ложился на койку на кухне и спал до вечернего автобуса.

О семейных его делах разговор не заводили. Однажды только мать не выдержала:

— Как там? С Родей-то что теперь?

Артем дернулся:

— Не знаю. Разведусь — и все. Пошли они...

Хорошо, что он появлялся в деревне нечасто этим летом, а приезжая, не шел куда-

нибудь в клуб, на пруд. В первой половине июня съехалось много молодежи — подростки, девушки к своим бабушкам и дедушкам (прошлым летом вроде не так много их было); каждую ночь возле клуба кипела жизнь, орали, визжали, трещали мотоциклы. Постоянно к Елтышевым прибегали за спиртом, часто просили дать в долг, Николай Михайлович отказывал. Приходилось и на голос брать, от калитки отпихивать, особо настырным угрожать в черный список занести...

Какое-то дурное лето в деревне получилось, и ближе к осени разразилось несколькими событиями.

Сначала этот Олегжон, которого опасался Артем, во время пьянки собутыльника зарезал. Почти неделю его искали — ходили по дворам, лес прочесывали, но вяло, без азарта.

— Да собаку тут надо, — посоветовал Николай Михайлович, встретив в очередной раз бредущих по улице следователей.

Те криво усмехнулись — дескать, откуда собака...

Обнаружился Олегжон уже в сентябре в городе — опять попытался круглосуточный магазин ограбить; случайно наряд рядом оказался, скрутили.

Вторым событием тоже стало убийство. В клубе, прямо во время танцев, местный зарубил топором парня из Захолмова. Из-за девки произошло — приехала к старикам внучка

лет восемнадцати и начала тут хвостом вертеть. Вот двое и не поделили. Девку скорее домой отправили, убийцу — в город в тюрьму, а в деревне все стали ждать нашествия захолмовских. Старухи причитали: «Ведь пожгут нас, пожгут-ут» — и вспоминали, как когда-то дрались деревня на деревню, а за убийства мстили красным петухом: «По двадцать дворов сгорало!»

Ожидание пожаров оправдалось. Слава богу, не избы запылали, а клуб. Может, и не захолмовские подожгли — может, местные; может, и по случайному стечению обстоятельств произошло, но сгорел клуб быстро, дотла, со всем добром, с библиотекой.

Во время пожара Николай Михайлович дежурил у своих ворот, отпихивал от избы и забора прилетающие головецки.

И тогда же, в конце августа, еще одно случилось...

Этого мужичка Елтышев почти не знал, раза три-четыре встречал на улице. Невысокий, щупловатый, ходил быстро, озабоченно, будто вечно куда-то опаздывал. Звали его Валерка (но не презрение вкладывали в это «Валерка», а скорее сочувствие), был он из другого села — Лугавского, большого и, как говорили, богатого. В Лугавском у Валерки осталась семья — жена и сын, — но он жил здесь с гулящей, пьющей, многодетной Ленкой. Тетка Татьяна часто об этом говорила (непонятно, откуда узнавала новости — лишь в послед-

ние недели стала со двора выходить), жалела Валерку: «Хороший мужик, старательный, и с кем связался. Нашел тоже...»

Но когда Елтышев увидел эту Ленку, понял, почему «хороший» Валерка связался с ней. Крупная, но стройная, волосы черные, густые, лицо хоть и припухшее, но видна красота и еще не испепеленная алкоголем яркость; и есть в ней то, что привлекает любого нормального мужчину, — чувствуется, что это настоящая самка, горячая, созданная природой для того, чтобы доставлять мужчинам удовольствие. И никакая водка, никакое количество детей не могут убить в ней этого.

Года три, говорили, Валерка с ней жил. Но как жил — мучился. Работал скотником, пока ферму окончательно не закрыли, утром уходил, а к Ленке тут же лезли алкаши с бутылками. Вечером возвращался, выпроваживал их, иногда и до драк доходило, били его несколько раз здорово. Как-то купил он телочку, привез комбикорма, сена заготовил, а через месяц жена с собутыльниками телочку эту за копейки продали — выпить надо было. Валерка так и не нашел того, кто купил. Только благодаря Валерке дети Ленкины в школу ходили, не голодали очень. А Ленка сильней и сильней спивалась, Валерку, чуть что, гнала из дому, дружков своих натравливала... И вот этой осенью не выдержал — слил из бака своего старенького «Ижа» остатки бензина, окатился во дворе и поджег. И никто не заметил — де-

ти Ленкины на другой день только обнаружили, за фельдшерницей сбегали, та «Скорую» вызвала, но поздно — ожоги были серьезные, заражение крови. Умер через несколько дней.

Елтышев слушал рассказы об убийствах и самоубийстве, наблюдал, как полыхает клуб на той стороне улицы, почти равнодушно. Конечно, во время пожара опасался за свой домишко, а погибших молодых еще людей не жалел. Бессмысленно и глупо текла их жизнь, глупой были их страсти и любви, глупой оказалась и гибель. Да и в своей жизни, в жизни своей семьи тоже все сильнее ощущал он эту бессмысленность и напрасность. Конечно, было что-то, наклеывались вроде удачи, возникали просветы, но тьма постепенно и настойчиво сгущалась все плотнее. Надежда сменялась злобой и тоской. Почти уже непрерывными.

Вот и в это лето дом построить не получилось, какая-никакая, но взрослая — жена, ребенок — жизнь сына, видимо, окончательно не сложилась, шабашит теперь черт знает в каких условиях; сам он вместе с Валентиной — известные по всей деревне торговцы спиртягой, и сколько несчастных жен местных алкашей их проклинают. А алкаши или те, кто вот-вот в них превратится, шли круглые сутки: кажется, почти все взрослое Мураново у них тут перебивало. У елтышевских ворот. Понят-

но, что кто-то спирт покупал лишь к празднику, не имея возможности приобрести магазинную водку, какой-нибудь старушке поллитровка нужна, чтоб за дрова, за вспашку рассчитаться. Но все же шли и шли, пили и пили, и днем и ночью стучали в калитку. Одни протягивали деньги с показным равнодушием и даже пренебрежением, как богатый покупатель презренному торгашу; другие быстро, воровато, с оглядкой — вдруг жена бежит; третьи вместо денег совали инструменты, одежду, а то и мясо, наспех ощипанного гуся, шептали дрожаще: «На пузырек поменяй, Михалыч. Помираю, в натуре». Вещи Елтышев не брал твердо, а перед мясом, особенно свежей бараниной, или кормом для кур иногда устоять не мог. Менял по-честному, не наживался. Но после таких обменов другие алкаши не давали покоя: «Вот мяско парное... Зерно отборное, дядь Коль. Возьми-и!»

Дня через два после очередного сражения у калитки (до драки, правда, не дошло, но потолкаться пришлось) заболела Динга. За полтора года стала она крупной, с мощным загривком, крепкими передними лапами лайкой. Не гавкала попусту, но, когда чувствовала, что хозяин в опасности, бросалась на врага. Пару раз прихватывала крикливых, те грозилась разобрать... Елтышев отучал Дингу подбирать на улице и внутри ограды кости, куски хлеба, которые сам незаметно подбрасывал — опасался, что могут отравить. И вроде

бы она слушалась. Обнаружив еду, подзывала хозяина, как заправская охотничья собака; Николай Михайлович подбирал добычу, а взамен угощал Дингу чем-нибудь более вкусным — колбасой или печеньем.

И вдруг она заскучала. Лежала возле крыльца, медленно ворочая головой, оглядывая, будто прощаясь, слезящимися глазами окружающий мир. Черные бревна, корявую ранетку, желтый брус недостроенного дома, бродящих за штaketником кур на заднем дворе. Маленький, но родной ей мирок... Николай Михайлович отпаивал ее молоком — насильно вливал в пасть, разжимая палкой зубы, но не помогло — три дня потосковала и исчезла. Потом нашли ее в дальнем углу огорода. Уткнулась в забор, съежилась, уже одеревенела...

Каждому проходящему Елтышев хотел вместо спирта дать по морде — любой мог отравить. Боясь сорваться, часто отправлял к калитке жену... Однажды пришел бывший ветеринар, узнал, что Динги нет больше, сочувственно покивал:

— Да, чумка что-то в это лето разгулялась — даже дворняг косит.

— Чумка?! — Действительно, Елтышев совсем забыл о собачьих болезнях, о том, что нужно делать прививки.

Но, ругая себя, запоздало раскаиваясь, все же на сто процентов он не был уверен, что смерть Динги случилась из-за чумки. Вполне и отравить могли. Вполне вероятно... Врагов,

скрытых, опасаящихся обнаружить себя, но пытающихся гадить, было предостаточно. Они, казалось, только и ждали слабинки, старости или болезни Николая Михайловича, чтобы навалиться. Даже старший сын, судя по всему, был в их числе.

В начале сентября пошел дождь. Как и в том году — мелкий, редкий, временами и вообще становящийся водяной пылью, но долгий, непрерывный, вымывающий энергию. Потом выдалось несколько ясных дней, за которые люди должны были успеть выкопать картошку, повырвать морковку, свеклу, редьку, чеснок, лук, просушить их, спустить в подпол или сложить в коробки за печкой. А после ясных дней и прохладных ночей ударили заморозки. Все, что еще зеленело, стало черным, потекло, словно гноем, мертвым травяным соком.

На огородах задымились негорючие костры из ботвы, подсолнуховых будыльев, помидорных вязок, разного мелкого мусора; пахло вкусно и грустно. Еще и галки, все лето незаметно прожившие в осиннике, стали каждый вечер кружиться над крышами, суетясь и пронзительно, до слез тоскливо, крича. Люди оставались и смотрели на них; некоторые тихо и тоже со страшной тоской матерились...

Как только подсохли проселки, Николай Михайлович начал ездить за дровами. С про-

шлого года осталось, да и за лето скопилось кое-что на протопку, но этого хватило бы до декабря. Нужно было возить и возить. Тем более что уголь, предназначенный тетке Татьяне, как труженице тыла, после ее смерти, конечно, отменили. Правда, угля было еще прилично, поэтому покупать его не стали. Вдобавок и цена неприятно удивила — семьсот рублей тонна.

— Лучше на брус весной потратим...

Бор вблизи деревни был вычищен до последнего сучка, и забирался Елтышев далеко. Рубил сухостоины, пилил валежник на подходящие бревешки, набивал ими машину, загружал багажник над крышей. Шаркая просевшим днищем по бугорку меж колеями, выбирался к деревне.

Разок-другой его проверил лесник — не везет ли свежий лес. С этим в последние месяцы стало строго: за один срубленный ствол могли оштрафовать. Если не было денег, тащили в город, долго там канифолили... Лесник был местный, молодой, но суровый и неразговорчивый; Николай Михайлович попытался было поговорить с ним насчет бревен — «забор пора перебрать, баньку бы», — но тот отвечал, не дослушав: «Я не уполномочен».

Может, лесник и действительно был таким честным и правильным, но сохранности бора это вряд ли помогало. За одно это лето появились две лесосеки, где сосны вырубались сплошняком, подлесок давился тягачами.

Вырубкой, как узнал Николай Михайлович, занималось какое-то акционерное общество по лицензии. Он попытался на лесосеке купить по дешевке машину кругляка, но дисциплина там была суровая — его отослали к начальству, находящемуся аж в край-центре...

Бор этот, частью природный, частью искусственно разведенный, огибал город с трех сторон. С четвертой, юго-западной, была холмистая степь, правда, тоже в последние десятилетия изрядно озелененная, — там раздавали дачные участки, владельцы завозили чернозем, высаживали фруктовые деревья, которые давали на удивление богатые урожаи. И теперь Елтышев все чаще жалел, что все-таки не добился когда-то этих шести соток, не построил дом (ведь была же возможность). Жили бы сейчас в нескольких километрах от города; прописку на дачах теперь дают. Приезжали бы с дачи на работу, вечером — обратно. А тут — полста камушков в одну сторону: на билеты ползарплаты уйдет, да и силы где такие найти, чтобы каждый день мотаться...

В одну из поездок в бор, бродя с топориком и ножовкой меж стройных ярко-рыжих сосен в поисках сухостоя или валежника, Николай Михайлович наткнулся на Харина. Тот ворошил штабелек нарубленной года два назад, видимо, во время прореживания, мелкотни, укладывал более-менее ровные и крепкие

макаронины на площадку от снятой люльки мотоцикла.

— Что, сосед, жерди понадобились? — без особой неприязни, но с усмешкой спросил Николай Михайлович; внутренне он смирился с невозвращенным долгом.

Харин ухукнул, выдергивая из штабеля очередной хлыст.

Собираясь уже пройти мимо, Николай Михайлович заметил среди отобранного несколько явно свежих, даже хвоя кое-где уцелела, верхушечек.

— А не боишься, что штрафанут? Или у тебя, как всегда, все подхвачено?

— Что? — Харин посмотрел неожиданно ненавидяще, презрительно, и в Елтышеве тут же хлестанулась злоба.

— А что? Ты ж у нас и по цементу, и по лесу спец. И бензопилы у тебя целыми контейнерами. Так ведь?

— Слушайте... — Харин поднял с земли топор, непонятно, то ли чтоб срезать сучки, то ли для возможной защиты. — Слушайте, оставьте меня в покое. Меня и мою семью. И... и идите давайте.

— Хм, как же тебя в покое оставить, когда ты мне денег должен. И за эти два года они ой как подорожали. Так что возвращать-то больше придется.

Елтышев качнулся, чтобы идти дальше, — припугнул и ладно, — но Харин взвился и

как-то по-женски, тонковато и истерично, затараторил:

— Ничего я вам возвращать не буду! Не должен я ничего! Ясно?! Хотите, в суд подавайте, а я ничего возвращать не буду! И все!

— Как эт не будешь? — Николай Михайлович уже был полон веселым бешенством; такое бешенство бывало у него раньше, когда работал милиционером и ему хамили. — Как не будешь? А? — Он медленно пошел на Харина.

— Не подходи! — Харин вскинул топор. — Я!.. Достал-ли, сволочи!

— Эт кто сволочь? Ты вообще нюх потерял? Ты мотоцикл продашь и денежки мне принесешь. Послезавтра принесешь и отдашь.

— Не подходи! — И Харин сам сунулся вперед, бросил руку с топором на Николая Михайловича.

Уже без слов, автоматически, как учили когда-то, Елтышев, успев выронить свои топор и ножовку, перехватил левой рукой руку нападавшего, а правой обхватил его шею. Сжал, получил слабый удар по ребрам (Харин ударил левой рукой); сжал сильнее, резко рванул. У Харина хрустнули позвонки, и он, сухо рыгнув, обмяк. Приятно отяжелел... Елтышев распрямил руку, Харин упал на землю. Топор все еще держал...

Николай Михайлович постоял, ожидая, что противник зашевелится, начнет подниматься, и тогда можно будет взять за волосы,

внушить, чтоб больше не замахивался; но тот лежал и лежал. На животе, лицо повернуто набок, глаз не видно. Раскрыты они, закрыты... И не надо видеть...

Елтышев поднял свои инструменты, пошел к машине. Через несколько шагов остановился, оглянулся. Смотрел на лежащего, вспоминал, прикасался ли к чему-нибудь пальцами. Вроде нет. К рукаву харинскому только... Ладно, плевать...

Отъехал подальше, набрал дров. Почти в то же время, в какое рассчитывал, вернулся домой. Загнал «Москвич» в ограду, разгрузил. Долго, не жалея воды, умывался... Выпили с женой бутылочку спирта. Разбавил на этот раз покрепче, градусов до пятидесяти пяти.

Выйдя в туалет, обнаружил, что моросит дождь. Мелкий, но частый. Холодный... В другое бы время расстроился — дел-то еще полно, — а сейчас постоял, половил капли ртом. Вздохнул:

— Хорошо-о...

Глава двадцать первая

Эта осень казалась Валентине Викторовне труднее прошлой. Прошлой осенью хоть и бессильной, мешающей, но все же хозяйкой была тетка Татьяна. Она подсказывала, что и когда сделать, как готовиться к зиме, сама делала много незаметной, но отнимающей время мелочёвки, а теперь все легло на нее. И вдобавок мучила постоянная усталость — усталость не от работы, а какая-то внутренняя, болезненная, словно весь организм устал жить. Мозг устал справляться со все новыми и новыми проблемами, решать их, находить выходы...

Не было покоя от приходящих за спиртом. Валентина Викторовна несколько раз собиралась объявить мужу, что надо эту лавочку прикрывать. В последний момент останавливала себя вопросом: а как еще зарабатывать?

Артем с конца весны жил в городе, работал. Но в его положении не было никакой определенности — жил как гастарбайтер какой-то, замешивал бетон, таскал кирпичи. Ника-

ких перспектив. И она не удивилась, когда в ноябре он вернулся в деревню.

— Распустили бригаду на зиму, — сказал хмуро.

— Ну и много заработал?

— Мало. — В голосе сына послышалось опасение, что деньги у него могут забрать. — Что проел, что за жилье... еще туда-сюда...

— Ну да, ну да, — с усмешкой покивал Николай. — А теперь что делать думаешь?

— Не знаю... Весной опять наймусь. Терпимо... А там, может, что-то как-то...

Николай снова покивал, пошел к печке, разминая пальцами сигарету.

Его долгие сидения у печки пугали Валентину Викторовну. Николай не столько курил, сколько как будто ожидал чего-то. Мог сидеть так и полчаса, и час и, если в это время в калитку стучали, вскакивал резко, почти бежал на улицу. И однажды вернулся не с пустой бутылкой, чтоб обменять ее на полную, а вместе с участковым.

«Ну вот, доторговались», — с облегчением каким-то подумала Валентина Викторовна, но ноги задрожали, она скорее нашла табуретку.

— Здравствуйте, — потянул участковый губы извиняющейся улыбкой, огляделся; на кухне был порядок, канистры со спиртом, бутылки, слава богу, убраны с глаз. — Я к вам на несколько вопросов. На улице бы, но холодно.

— Да, да, присаживайтесь.

— Вы, гм, знаете, конечно, что Геннадий Харин пропал...

— Это уж давно, — ответил Николай. — Ну, то есть слышали. И что?

— Сегодня обнаружили труп его в бору. Мотоцикл там же, ничего вроде не взято. Оставил там лесника, следственную бригаду вызвал, а сам пока пройти решил... — Участковый глянул на Николая. — Вы-то ничего не слышали? Кто мог?.. К вам ведь, гм, много кто ходит.

Николай подумал, пожал плечами:

— Да нет... И мне этот Харин, честно сказать, малопрятен.

— А что так?

Опережая мужа, ответила Валентина Викторовна:

— Они нас обманули. Он и жена. Самым наглым образом обманули. Мы только сюда переехали, и стала его жена, Елена, приходить. Такая вся радушная... — И дальше рассказала о бензопиле, о кормах, лесе, цементе. — В общем, мошенники самые настоящие!

— М-да, — вздохнул участковый, — я об этом их промысле слышал. Многих они так кидали, особенно из приезжих.

— Ну а вы, если слышали, куда смотрели?

Участковый недоуменно взглянул на Валентину Викторовну:

— Мне никто заявлений не писал. Да и вы, скорее всего, расписки с них не требовали, что так и так. Да?.. Ну вот... — Он поднялся. —

Будем надеяться, дело раскроют. Может, и несчастный случай. — Многозначительно кашлянул. — Каких-то повреждений, следов борьбы я не обнаружил... Мотоцикл в порядке... Ладно, до встречи.

Сумрачное, бесснежное предзимье сменила зима. И, как и раньше, снег, легший уже уверенно, до весны, поначалу обрадовал — деревня стала красивей, мир посветлел, — а потом стал давить.

Большую часть времени сидели дома, много спали, но сон не освежал, не восстанавливал силы. Когда спать было уже невозможно, смотрели плохо показывающий телевизор, бродили по тесной избушке, раздражающе скрипя половицами.

В эту зиму много пили. Как-то автоматически, как давно болеющий принимает лекарство через определенный промежуток времени, подходили к буфету, доставали бутылку, наливали граммов семьдесят, проглатывали. На пятнадцать-двадцать минут становилось легче пережить мертвое время, а потом глотали еще. Постепенно хмелели, дремали, что-то ели из холодильника, снова проглатывали стопочку... Готовить разные вкусности у Валентины Викторовны не было сил, да и не хотелось: «Зачем?» По три раза в день мыть посуду в чашке, меняя воду, было невыносимо, и иногда она тихо плакала, вспо-

миная раковину, смеситель, из которого бьет теплая вода...

Артем был незаметен, то есть проводил дни так же, как и родители. Тоже подолгу лежал в кровати, пытался смотреть в рябящий экран телевизора, так же подходил к буфету и наливал себе в стопочку; когда стучали в калитку, взбодрялся, выказывал готовность помочь отцу. Несколько раз продавал спирт. Исполнял дела по хозяйству — в магазин ходил, за водой, разгребал снег в ограде, приносил дрова.

В основном молчали. Всем троим было ясно, что начини они что-нибудь обсуждать, вспоминать старое, и это закончится вспышкой, криком. Нечего было уже обсуждать, а вспоминать — слишком больно...

Скромно встретили Новый год, боясь веселья и пожеланий друг другу «всего самого лучшего». Даже шампанское не купили. Выпили спирта, пожевали колбасы и жареной курицы и уже к часу ночи легли. И остальная деревня была тиха — лишь хлопнуло несколько петард, где-то одиноко и пьяно прорычали: «Ур-ра-а!»

Клуб не восстанавливали, обгоревшие доски и бревешки растаскивали на дрова, крупные осколки шифера, железо — в хозяйство.

В конце февраля Валентина Викторовна собралась на свидание к младшему сыну. На последнее свидание — оставалось Денису сидеть шесть с половиной месяцев...

Только с возвращением Дениса она связывала возможность как-то наладить жизнь. Давно уже связывала, устала ждать его, по нескольку раз на дню смотрела на отрывной календарь, досадуя, что время так долго тянется и нельзя оторвать сероватый, с крупными цифрами, листочек. Скомкать его, бросить в печку... Этот отрывной календарь она купила, повесила над столом на кухне специально, надеясь, что дни побегут быстрее, если за их ходом следить, торопить взглядом. Но дни тянулись, ползли, время то и дело замирало, словно бы издеваясь. И приходилось толкать его дальше, придумывая себе какие-то бесполезные, в сущности, занятия...

Съездила удачно. Денис совсем не напоминал зэка, разве что одежда да короткие волосы; у начальства к нему особых замечаний не было: сказали, по крайней мере, что исправляется. А она плакала и упрашивала сына скорее приехать — «иначе погибнем». Он кивал, гладил ее по спине и, когда Валентина Викторовна замолчала, вытирая щеки, спросил тихо, сочувствующе:

— Попиваешь, мам?

— А?

— Выпиваешь часто?

Она отпрянула:

— С чего ты взял?!

— Да видно. Лицо, голос... Таких видно.

Валентина Викторовна хотела возмутиться, начать заверять, что хоть и выпивают, но

редко, по праздникам, с устатку... Денис опередил:

— Не пейте сильно. Потерпите. Нормально все будет. Поднимемся.

Ехала обратно с каменной решимостью растолкать своих мужиков, заставить заняться домом — «раньше в дикой тайге как-то строились!» — искать работу. «Пускай на Север вербуются, на вахту куда-нибудь. Пускай ищут выход. А так мы действительно посопьемся, в болоте этом подохнем!»

И окружающее щедро подпитывало ее решимость: солнце светило открыто и ярко, снег ослепительно белел, но уже оседал, хвоя сосен и елей была веселой, живой; люди в вагоне поезда будто по заказу подобрались приветливые и общительные, из динамика над окном плацкартного отсека звучали песни, популярные в годы ее юности, а во время выпусков новостей раздавался энергичный, молодой и тоже в каждой ноте решительный голос президента:

— Россия — это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа. Она сама встала на этот путь и, соблюдая все общепринятые демократические нормы, сама будет решать, каким образом — с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики — можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии...

Но только вышла из автобуса в деревне, настроение стало портиться: сонные люди,

темные кривые избы, обшелушившаяся зеленая краска на стене магазина, грязные уродливые дворняги, никого не охраняющие, неизвестно зачем живущие...

Дома было темно, душно, холодно. На столе — завал грязной посуды.

— Коль, Тем, — позвала с порога Валентина Викторовна.

Из комнаты послышался жалобный, хриплый стон, там шевелились, что-то упало стеклянное, но, слава богу, не разбилось.

— Да что такое?! Николай!..

Таким мужа она не видела. Конечно, случилось, крепко он выпивал, и ноги заплетались, голова клонилась, но чтоб до такой степени... До такого за один пьяный вечер не дойти.

Николай сидел на диване покачиваясь, стиснув в руках голову, постанывая, что-то мыча. Волосы спутаны, на лице густая седоватая щетина, весь дрожит, коробится... Понимая, что сейчас стыдить, упрекать бесполезно, Валентина Викторовна вышла на кухню. Медленно, будто боясь сесть мимо, опустилась на табуретку. Посидела, огляделась, поняла, что сидит на том же месте, где обычно проводила дни тетка. Вскочила, пересела.

Не пьяно, а как-то обессиленно покачиваясь, вошел Николай, наклонился к буфету, достал бутылку, зубами выдернул пластмассовую пробку, булькнул в кружку. Не выпуская бутылки из правой руки, схватил левой кружку и выпил. Громко выдохнул. Постоял. По-

ставил бутылку на стол. Глотнул из ковшика воды. Упал на кровать, но тут же выровнял тело, отвалился к стене.

— Где Артем? — стараясь говорить спокойно, спросила Валентина Викторовна; задала вопрос не для того, чтобы действительно узнать о сыне, но чтобы не молчать — молчать было страшно.

— Он?.. — Муж прокашлялся. — Он опять с этой. Четвертый день не является. Только ты уехала... Устроил тут...

Николай поднялся, взял бутылку.

— Налей мне тоже, — сказала Валентина Викторовна. Вспомнила слова Дениса и мысленно оправдалась: «А что делать? Вот что сейчас делать?»

— Он с ней, оказывается, и не развелся до сих пор, — отдышавшись после спирта, сказал Николай. — Говорил, а оказалось...

— Может быть, все-таки наладится у них.

— Да кого наладится-то! Что ты мне?! — Глаза Николая округлились, побелели, и Валентина Викторовна готова была ответить криком, но пока сдерживалась, слушала. — Ты что, Валь, не понимаешь совсем? Он же специально так! Как весна, так что-то придумывает. То свадьбу ему подавай, то вот... Сходится — расходится, вообще уезжает. Что, мне дом этот нужен? А?! Ему же... Мне и здесь умереть нормально.

Но, видимо, вспомнив, что говорит это в

двадцатый, наверное, раз, Николай замолчал. Обхватил ладонью бутылку.

— Не надо, может, Коль, — мягко попросила Валентина Викторовна. — И Денис просил, не очень чтоб... Ведь скоро он приедет уже. Поможет.

— Поможет... Не думаю. — Муж плеснул в стопки, но совсем понемногу. — Такие... Как ему здесь после всего? Не будет он... Поживет месячишко, откормится и... Ты думаешь, человек, пять лет отсидевший, будет в деревне торчать?

— Но он говорит...

— Мало что он сейчас говорит. Сейчас там он что угодно может говорить. Пойми...

— Ничего я понимать не хочу! — перебила Валентина Викторовна. — Я хочу одно только знать: когда вы, мужики, устроите здесь человеческую жизнь? Третий год пошел. Два лета!..

Она очень ослабела за эти несколько минут, но одновременно и взбудоражилась после выпитого и услышанного. И теперь говорила, говорила, сыпала обидными словами на мужа, на сыновей, каждый из которых ее подвел, и которые, казалось ей, сидели где-то здесь, трусливо прятались.

Весна получилась дружной и ранней. Уже в середине марта снег сошел; люди боялись морозов, те, кто имел викторию, плодовые

саженцы, накрывали их соломой, сосновым лапником. Но больших морозов не было — дни и ночи стояли парные, живительные. Удивительно рано полезла трава. Правда, распахивать огороды всё не решались, и, хоть земля высыхала, люди, будто уговаривая себя, бормотали: «Вернется еще зима, верне-отся».

Елтышевы не могли выйти из тяжелой апатии. Рассада на подоконниках душила друг друга, но разреживать ее у Валентины Викторовны не было сил, даже простейшую еду готовить заставляла себя; Николай, как и зимой, сидел у печки, курил, все о чем-то думал и думал, чего-то ждал; время от времени наливал стопку спирта и глотал.

В начале марта привезли заказанную еще осенью железную печку для бани, и, как втащили, так она и стояла у крыльца — устанавливать ее Николай не торопился, да и Валентине Викторовне было как-то все равно. Мылись редко — раза два в месяц, — и то кое-как, без всякого удовольствия.

Весной за спиртом приходиться стали реже. То ли денег не было, то ли, что казалось маловероятным, меньше стали пить. Наверное, все же отсутствие денег уменьшило торговлю — весной в деревне всегда становилось туго с деньгами. И это подтверждали участвовавшие визиты старушек, покупающих у Елтышевых бутылки по две-три спирта — платить за вспашку, за ремонт построек после зимы, за цыпушек..

В апреле к месту, где был клуб, приехала какая-то бригада, видимо, из Захолмова, и принялась за разбор пожарища. Сгружали в грузовики трубы, недорастащенные головешки, котлы клубовской котельной, раскрошившийся кирпич и увозили. Народ поговаривал, что скоро начнут строить новый клуб, большой, из бетона, с окнами от потолка до пола. Но тут же по дворам пошли местные верующие — несколько бабулек, прося подписать бумагу с просьбой поставить на холмике, где был клуб, православный храм.

«Была ведь тут церква уже, — объясняли. — В шеисят втором сломали. У нас и иконы из ее хранятся».

Приходили к Елтышевым. Николай выслушал их молча и подписал, а Валентина Викторовна спросила:

— А клуб где строить тогда?

— Да рази ж не найдут? — недоуменно подняла брови одна из старушек. — Вон места сколь.

Валентина Викторовна вспомнила ее: когда-то эта старушка, а тогда женщина средних лет — Мария Давченко, — работала в сельсовете и ходила в красной косынке. На собраниях горячо выступала.

— И куда вы с подписями?

— В город повезем. Пойдем по кабинетам...

— Что ж... — Валентина Викторовна записала свой адрес, черкнула роспись. Ей было все равно — ту церковь, что стояла на месте

клуба, она помнила смутно. На нее, закрытую еще в двадцатых и постепенно разрушающуюся и разрушаемую деревенскими (кто лист железа сдерет, кто струганую доску, кому камень понадобится), не особенно и обращали внимания. К сносу отнеслись равнодушно, будто ломали старый коровник.. В городе из когда-то стоявших там пяти церквей осталась одна, на окраине, маленькая, беленькая, ничем не примечательная... И в крайцентре церквей она не запомнила — там их тоже поносили в двадцатые-шестидесятые годы; на утесе над Енисеем стояла часовня, но воспринималась она не как религиозное здание, а как исторический памятник.

— Храни вас Господь, — зашептали бабульки, принимая лист, — храни Господь...

Первого мая явился Артем. Нарядный, слегка выпивший, какой-то решительно-веселый. Оглядел оценивающе печку у крыльца:

— Для бани? Установить надо.

Николай, тоже с утра принявший граммов двести, был, наоборот, не в духе.

— Давай. Я помогу.

Сын постоял над печкой, потом вошел в дом. Тоже оценил взглядом перемены или отсутствие их. Сел к столу.

— Ну, и как вы там? — с трудом выдавила вопрос Валентина Викторовна; с Артемом она не виделась почти два месяца, со дня отъ-

езда к Денису. Несколько раз порывалась пойти к Тяповым, но обида на них и на сына была сильнее.

— Да так... Так, живем.

— Родик как?

— Ну, тоже... растет.

Артем отвечал равнодушно, словно был занят чем-то другим или сам готовился начать задавать вопросы. Тяжелые, серьезные, неприятные.

— Что пришел-то? — после довольно долгой и тягостной паузы произнес Николай.

Валентина Викторовна вздрогнула от его голоса — как врага спросил. Но и ей тоже хотелось сына спросить о том же и так же.

— Попроведать.

— М-м, спасибо...

Еще помолчали.

— Может, отметим? — предложил Артем. — Праздник сегодня все-таки.

— Праздник, да... У матери вот две недели назад день рождения был. Ждали тебя, не дождались.

Сын кашлянул слегка виновато, а больше с досадой, взглянул на Валентину Викторовну.

— Я забыл совсем. И Родька там болел как раз.

— А мы здесь, может, умерли уже, — распаял себя Николай. — И тебе, получается, наплевать.

Он подошел к буфету, достал початую бутылку спирта. Попросил:

— Валь, дай нам закусить чего-нибудь. Сын-то пустой явился. Угощайте, мол...

Все происходящее, все, что сейчас говорилось, взгляды, жесты были Валентине Викторовне давно знакомы, отвратительно-хорошо знакомы: последние два года подобные сцены повторялись каждые два-три месяца. А то и чаще.

— Необходимо нам в город перебраться, — с аппетитом, как показалось Валентине Викторовне, выпив и закусив, сказал Артем.

— Кому это — нам? — мрачно насторожился Николай, но в голосе слышалась и какая-то надежда.

— Ну... Ну, нам с Вале́й, с сыном.

— Что ж, перебирайтесь.

Сын вздохнул. Николай, мрачней все больше, наполнил стопки.

— Давайте?

Вяло чокнулись и выпили... Валентина Викторовна хотела закусить, но вид еды вызвал тошноту. Перетерпев жжение, заговорила:

— Хорошо, сынок, надо перебираться. И вам надо, но и нам тоже надо. Мы тоже, как ты знаешь, не по своей воле здесь... Так давайте вместе решать, как быть нам. Квартиру снимать? Но это временная мера. Год, пусть два, а дальше? Да и ты должен представлять, что такое постоянно с квартиры на квартиру... Вон у нас вещей сколько... Нам тоже, как и тебе, здесь невыносимо, и мы тоже хотим в город.

— И что делать? — требовательно спросил Артем. — Мы столько про это... а все продолжается. Не знаю, как нам всем переехать — я говорю только за себя: я здесь жить не могу. Не-мо-гу! Вам невыносимо, а мне тем более. Я родился в городе, там всю жизнь прожил и с какой стати теперь должен здесь?!

— Опять двадцать пять, — со стоном вздохнул Николай, торопливо плеснул спирта по стопкам, не предлагая остальным, выпил. — В общем, так. Последний раз говорю... — Он нашел взглядом глаза сына. — Я тебе тыщу раз говорил: хочешь жить в городе — езжай и живи...

— Да как там жить, блин?! Бомжарой?

— Устройся на работу, снимай жилье. Найди комнату в общежитии. Встань на очередь на квартиру, копи деньги.

— Спасибо! — хмыкнул Артем. — Бесценные просто советы!

— С-слушай...

Валентина Викторовна почувствовала, как напрягся, напружинился Николай, но голос его задрожал:

— Слушай-ка, чего т-ты от нас хочешь? Тебе скоро тридцать лет. Я в твои годы...

— Да слышал я это все. И что тоже в милицию должен идти...

— Но что-то же надо предпринять! — вскрикнула Валентина Викторовна. — Ты от-

вечаешь не только за себя теперь — у тебя своя семья, сын. Решай, как тебе жить.

— И как? Все у меня отняли, сюда притащили, а теперь!.. — Артем тоже уже кричал; Николай замер, пристально смотрел на него. — Простое лето пахал, как дурак, и ни фига. Сто рублей в кармане... Больше, блин, не хочу. Хочу свою комнату, ванну, всё, что у меня было.

— Лентяй ты просто, — тихо, но безжалостно внятно сказал Николай. — Лентяй и паразит. Ты палец о палец не ударил, чтоб нам тут нормально...

— Да не хочу я тут ничего! Я хочу туда, где жил, где...

— Иди и заслужи себе квартиру, как я заслужил.

— Да уж Бухих шманать...

Николай подскочил, рванул сына за шкирку и поволок на улицу. Артем что-то хрипел... Валентина Викторовна оцепенело смотрела в стол. Но в голове хаотично метались мысли, не мысли даже, а какие-то обрывки мыслей; она пыталась найти выход, выхватить из этих обрывков настоящую мысль-озарение, благодаря которой все изменится. Станет светлым... Нет, ничего...

Во дворе раздались крики, звук удара. Мягкий, но жутковато отчетливый.

— Пускай разберется, — сказала себе Валентина Викторовна. — Хам, действительно...

Но заставила себя подняться и выйти на крыльцо.

Мужа не заметила, а возле железной печки лежал Артем и, как показалось Валентине Викторовне, задумчиво смотрел в небо. Она и не поняла сначала, что произошло. Подумала с возмущением: «И чего он теперь валяется?!»

Глава двадцать вторая

Когда-то Николай Михайлович гордился своими сыновьями. Радовался, наблюдая, как они растут, качал на коленях, изображая скачущую лошадь, смеялся над их потешными детскими словами, учил быть мужчинами... Когда старшему исполнилось лет двенадцать, началось охлаждение — сыновья стали отдаляться, у них появилась своя жизнь, свои дела, а уважение и любовь к отцу таяла, сменялась опасением получить, если слишком распоясаются.

Пока жили в городе, в благоустроенной квартире, пока Елтышев ходил на службу, мог отключиться, уставившись в телевизор, эта отдаленность от сыновей не особенно сильно ощущалась. Да, старший, Артем, бесцветный, вечно усталый, ленивый, но ненавязчивый, незаметный. По целым суткам он мог валяться на своей кровати, листая какие-то книги или слушая музыку, и Николай Михайлович даже, случалось, забывал о нем, точнее — старался не замечать того, что он не работает, ничего не делает... Младший, Денис, намного

более симпатичный Николаю Михайловичу, живой, смелый, задиристый, в итоге поплатился за свой характер — изувечил одного и сел. Конечно, подкосил, тем более что, как знал Елтышев, вдоволь насмотревшись на тех, кто побывал в заключении, к нормальной жизни Денис вряд ли вернется. Такие через полгода, через год-два снова срываются и снова садятся. Поэтому он и не разделял надежд жены, что вот Денис приедет и поможет им, и заживут все вместе крепкой семьей.

И так получилось, что на пороге старости, оказавшись в лачуге в одичавшей, гибнущей деревне, Николай Михайлович с женой не могли рассчитывать на помощь взрослых уже сыновей. Один сидит за глупую драку, другой попросту предал — предал в самое тяжелое время...

Душой давно они были с Артемом чужими, поэтому Николай Михайлович смог пережить его смерть. Сам себе удивлялся, как это не сошел с ума, не свалился от разрыва сердца, а ощущает внутри почти спокойствие, даже какое-то облегчение.

Сотни раз потом он повторял мысленно свое движение, когда выбрасывал сына из сенок, казалось, снова и снова слышал тот звук удара головы Артема о железо печки. И, как наяву, разрезал уши крик жены, падающей рядом с сыном... И все же при всей жути произошедшего настоящего ужаса Елтышев не испытывал.

Конечно, первым желанием было во всем признаться участковому, вытянуть руки, чтоб защелкнул на запястьях наручники. Остановила Валентина: «А обо мне ты подумал?! Мне в петлю теперь?»

Были допросы, следственные эксперименты. В результате сделали вывод, что Артем погиб в результате несчастного случая — нетрезвый оступился, при падении ударился затылочной областью об угол печки... Были натужные хлопоты по организации похорон — гроб искали, грузовик, нанимали мужиков, чтоб могилу выкопали... Была и та ночь, когда гроб стоял в комнате, горели свечи, неживо поблескивали искусственные цветы; табуретки у гроба пустели — никто не пришел проститься. А утром похороны, и черное опустошение последующих дней и недель... Ни вдову Артема, ни сватов за все это время Елтышевы не видели.

Кое-как побросали в пашню картошку, засеяли несколько гряд морковкой, редиской, луком, укропом, натыкали бледно-зеленую, вялую рассаду помидоров, капусты. Почти не поливали — к колонкам, на самый конец носиков, кто-то приварил болты. Поначалу люди изумились, тщетно пытаясь натянуть на носики поливные шланги. Потом пошли к управляющему.

— Это не от меня зависит, — виновато и бессильно стал оправдываться тот. — Я сам, в

принципе, против. «Энергоресурс» так решил — это ведь их колонки.

Люди завозмущались; управляющий повысил голос:

— Если болты сбивать будете, сказали, вообще воду отключат.

— А как нам огороды поливать? Скотину поить? Ведрами не натаскаешься...

— В «Энергоресурс» обращайтесь. Вот телефон их, адрес. — Управляющий взял со стола, казалось, заранее приготовленный листочек.

На следующий день разбираться в город поехали несколько человек. Вернулись вечером с документом на двух страницах. Зачитывали его возле магазина.

— «...Правила оказания услуг гражданам учреждены постановлением правительства РФ от двадцать третьего мая две тысячи третьего года. Номер триста семь. Пункт девяносто один «б» гласит: «Потребителю запрещено производить у водозаборной колонки мытье транспортных средств, животных, а также стирать. Самовольно, без разрешения энергоснабжающей организации, присоединять к водозаборной колонке трубы, шланги, иные устройства и сооружения». Так что в данном случае права граждан не нарушены...»

Елтышевых история с колонками, конечно, мало волновала. Не до этого было. Вообще ни до чего... Спасались спиртом. Не допивались до бесчувствия, но и не давали себе протрезветь. Боялись.

С началом ягодного и грибного сезона повалили покупатели — снова день и ночь долбеж в калитку. Привозя новые канистры, благообразный мужчина — Сергей Анатольевич — радовался:

— Хорошо идет. Хорошо-о... А вы отказывались, помнится.

Но, пересчитывая выручку, слегка мрачнел:

— Не совсем сходится что-то с объемом. В долг, что ли, даете? Или сами?

— Сами, — морщился Елтышев. — Похороны были... Сына хоронили...

— Ну да, ну да... Ладно. — Но перед тем как уехать, Сергей Анатольевич предостерегал: — В долг только не давайте! А то ведь потом не отвяжутся. Построже с ними.

Числа десятого июля, Елтышевы как раз были во дворе, пришла Валентина.

— И чего тебе надо? — спросил Николай Михайлович быстро, не дав ничего сказать жене.

— Я за свидетельством, — нагло в глаза, ответила Валентина. — Чтобы за утерю кормильца... Свидетельство о смерти нужно.

— И все?

Ее взгляд стал слегка удивленным.

— И как тебе не стыдно еще лезть сюда?! — рыдающе вскрикнула жена. — Два года ему мозги песочили, довели и теперь лезут... Где

ты была, когда его хоронили, когда помощь нужна была, поддержка?.. Разрушила нашу семью, а теперь заявляешься.

— Послушайте...

— Все, пошла вон отсюда, — перебил невестку Николай Михайлович. — И дорогу забудь. Еще раз увижу — с копыт слетишь. — И стал закрывать калитку.

— Но для вашего же внука это! Как мне его кормить?! Деньги за утерю положены...

Елтышев рывком распахнул калитку, чуть не вбросив держащуюся за ручку Валентину во двор.

— Я тебе уже сказал: пошла вон. Я один раз бью... До трех считаю — и тебя нет.

А через два дня появилась ее мать. И сразу ринулась в атаку — о том, что заявление напишут, как дочери угрожали, что внук общий и Елтышевы обязаны содействовать получению пенсии за Артема; угрожала и тем, что может сообщить, куда следует, как на самом деле Артем погиб.

Николай Михайлович слушал, слушал, потом отбежал к крыльцу, схватил стоявшие там вилы.

— О-ой! — завизжала сватья и побежала прочь. — Убивают! О-ой!

И Елтышев бы догнал ее, если бы Валентина Викторовна не удержала:

— Не надо, Коль, не надо, ради бога. Обо мне подумай.

А еще через несколько дней жена потеряла сознание. Что-то пыталась приготовить и упала на кухне. Николай Михайлович похлопал ее по щекам, потом облил холодной водой. Она медленно, тяжело очнулась.

— Что, за фельдшершей? — спросил Елтышев, помогая ей добраться до кровати.

— Да что она... В больницу надо... — сдавленный шепот. — Давно уже у меня... Внутри что-то... Рак, что ли...

— Какой рак?! Что ты несешь? — Но Николай Михайлович замолчал, испугался, впервые, наверное, по-настоящему представив, что может остаться без жены; это было страшнее всего. — Все хорошо будет, Валь. Сейчас...

Уложил, нашел ключи от машины, метнулся во двор. Долго мучил стартер, но «Москвич» не заводился... Аккумулятор вроде в порядке, свечи тоже, но мотор глохнет и глохнет.

Лишь минут через десять Елтышев сообщил: бензина-то нет. В те дни, после смерти сына, много ездил и в последний раз еле дотянул до ворот, в ограду пришлось машину вручную вкатывать. С тех пор так и стояла.

Взял трехлитровую канистрочку, отправился по деревне искать бензин. По дороге заглянул к фельдшернице, попросил прийти, объяснил, что случилось.

— Уху, — без охоты ответила та и закрыла калитку.

Купил бензин втридорога у парня с «Ура-

лом». То ли Гоша звали, то ли Глеб; несколько раз Елтышев видел его вместе с Артемом.

Странно поглядывая на Николая Михайловича, парень наполнил канистрочку, протянул.

— Далеко едете?

— Не знаю... Жена заболела... Спасибо.

— Давайте.

Фельдшерица, конечно, еще не приходила. Николай Михайлович одел жену — у нее самой сил совсем не было — в выходное платье, посадил в машину.

— Это... Коля... полис возьми... мой, — кое-как, одними губами, проговорила она.

— А где лежит?

— Ну... там... где деньги.

Елтышев забежал в дом. Нашел в тумбочке зелененькую карточку полиса, прихватил и деньги: «Вдруг что. Сунуть, может».

Замкнул дверь, выгнал машину на улицу, закрыл ворота. Руки тряслись, все казалось, что что-то забыл, что-то делает не так... Жена сидела, отвалившись на спинку сиденья, глаза прикрыты, лицо серое.

— Куда, в город или до Захолмова?

— Давай... до Захолмова... хоть... Не могу...

Очень долго, как казалось Николаю Михайловичу, ждали в регистратуре, оформляли документы, возились с переодеванием. Не выяснив, что с ней именно, решили класть.

— Я завтра приеду, — пожимая ее руку, сказал Елтышев. — Держись.

Заправился, купил продуктов — ассортимент здесь был побогаче, чем в Муранове... Уже к вечеру вернулся домой.

Старался занять мозг насущными делами, думать о разных мелочах, чтобы не задаваться вопросами: что с женой? Неужели действительно рак? Как он будет один, если с ней случится страшное?

Достал ключ и остановился остолбенело: дверь в избу была приоткрыта, хлипкий замок выдернут, висел на последнем шурупе.

...То, чего Елтышев опасался все эти почти три года, произошло, и произошло в тот самый момент, когда опасаться перестал, точнее, забыл — стало не до того. И вот залезли, обворовали. Что именно украли, он еще не определил, да и какая, в сущности, разница — одно то, что в доме побывали чужие, рылись в вещах, трогали их, поганили, было невыносимо...

Присел на табуретку, дергающимися руками достал сигарету, с трудом сумел зажечь огонек зажигалки.

— Ла-адно, — угрожающе проговорил. — Ла-адно, разберемся.

Глянул в сторону буфета. Конечно, прошлись и там — канистр со спиртом не было.

— И что, идти вас убивать? — спросил, никого конкретно не представляя — любой мог, и этот мог, который бензин продал.

Елтышев вскочил, быстро вышел за ворота. Огляделся. Улица была пуста, ни одного человека. В окнах домишек напротив красновато поблескивал отсвет заходящего солнца.

— Разберё-омся, — пряча за угрожающий выдох бессилие, повторил Елтышев.

Глава двадцать третья

Катилась жизнь под откос стремительно и неостановимо. И лишь огрубение души, какой-то, пусть слабенький, но панцирь на ней не давал совсем отчаяться, свалиться и умереть. Да, может, и хорошо бы вот так умереть, как древние греки или былинные русские богатыри, но не получалось. Приходилось мучиться дальше и дальше, и неизвестно зачем.

У Валентины Викторовны обнаружили сахарный диабет в запущенной форме. Врач отчитал, как только ей стало получше:

— Следить нужно за собой, уважаемая, проверяться систематически. Организм дает сигналы, что с ним непорядок, и надо реагировать. Вы ведь давно чувствовали дискомфорт? Так или не так?

«С какой он Луны свалился? — мысленно удивилась Валентина Викторовна. — Дискомфорт...» И захотелось все подробно, обстоятельно рассказать этому молодому симпатичному и строгому мужчине в чистом белом халате. Обо всем, что произошло с их семьей за

последние годы. Что вообще произошло. Как наваливался этот дискомфорт... Надо же, слово нашел..

Тихо, без всхлипываний и рыданий, она заплакала. Отвернулась от врача и соседок по палате. Слезы щекотали кожу, проползали по лицу, скатывались в наволочку... Слышала, как врач досадливо поцокал языком, видимо, подбирая слова; так и не подобрал, ушел.

Почти неделю ее кололи лекарствами, ставили капельницу. Медсестер в больничке не хватало, поэтому за капельницей приходилось следить самой, и, осиливая дремоту, которая постоянно теперь морила ее, Валентина Викторовна глядела на бутылку над головой.

Соседки — пожилые, давно и тяжело больные кто диабетом, кто астмой, собранные здесь с разных деревень, — большую часть времени лежали на кроватях, вяло, словно по принуждению, разговаривали. Разговоры были всё о тяжелом: кто где умер, где у кого что опять украли, где мать от детей отказалась, где градом огород перемололо, где корова пала, у кого какие льготы отобрали...

«Неужели нет ничего хорошего?» — пыталась мысленно возмутиться Валентина Викторовна, перебирала в памяти произошедшее за последние годы и ничего хорошего не находила. Лишь далеко-далеко позади посвечивали, но не события, а ощущения от чего-то, что вспомнить никак не удавалось.

Муж приезжал каждый день. Привозил разные фрукты, шоколад, но врач, увидев однажды этот набор, устроил разнос:

— Да вы что?! У нее же сахарный диабет! — И стал сбрасывать из тумбочки обратно в пакет почти все гостинцы. — Нельзя! Нельзя!

Сахарный диабет... Вскоре после переезда в деревню Валентина Викторовна почувствовала, что что-то с ней не то. Может, и раньше даже. Но поехать в поликлинику и узнать, что это, боялась. Пятьдесят лет — надеялась, это просто усталость скопилась, нервное истощение от проблем и несчастий. Но вот обнаружилось. Сахарный диабет. И это теперь до конца жизни. Уколы, диета, страх обострения, а главное — сознание, что болеешь и не вылечишься. И от вопросов мужа: «Как ты?» — ей хотелось разрыдаться, уже не сдерживаясь, от души. Вырыдать все.

Терпела. Ждала от Николая ободрения. А он молчал. Сидел рядом с койкой, смотрел ей мимо глаз, вздыхал. И затем, вздохнув особенно глубоко, спрашивал:

— Что, поеду?.. Дом без присмотра.

— Езжай...

— Ты держись. Очень жду тебя.

— Да... — Но в то, что он действительно ее ждет, Валентина Викторовна не верила: что-то было в голосе мужа, в том, как он отводит глаза, пугающее, приводящее в отчаяние.

При выписке Валентине Викторовне выдали три бутылка инсулина, коробку одно-разовых шприцев; врач прочел лекцию, как нужно питаться, как делать себе инъекции, каким образом получать лекарства, правильно их хранить.

— ...Сердце у вас еще в порядке, но если будете пренебрегать соблюдением режима, посадите. Плюс трофические язвы пойдут...

Кое-что Валентина Викторовна записала, что-то пропустила. Сейчас, после недели в больнице, в палате с пятью полуживыми женщинами, ей хотелось одного — скорее в свою избушку, на свой диван. К тому же после капельницы она чувствовала себя почти здоровой, окрепшей. Если бы не сознание, что она все-таки неизлечимо больна...

Около двух приехал муж; Валентина Викторовна быстро собрала вещи, села в машину. Поехали.

Николай молчал, напряженно глядя на дорогу. Вокруг все вопило от радости — по обочинам краснели, синели, желтели десятки видов цветов, трава стояла чуть не в человеческий рост; дальше светились ярко-рыжие стволы сосен, а под ними, казалось, было полным-полно грибов. Больших, мясистых, нечервивых...

— Остановись, пожалуйста, — дрогнувшим голосом проговорила Валентина Викторовна.

Николай резко, даже зад «Москвича» повело, затормозил. Испуганно спросил:

— Что, плохо?

— Нет, ничего. По лесу хочу немного... подышать.

Она уже стала открывать дверцу, муж удержал:

— Давай лучше домой. Надо скорей. Поводились к нам... уже два раза лазили.

— Что?

— Что — обворовали. — Николай тронул машину. — В первый раз спирт утащили, из вещей кое-что. Потом еще... Позавчера.

— Да ты что?! И кто?

— Хм, если б знать. Подозреваю, но как.. Не мочить же всех подряд. Любой может. Сделал кой-кому внушение, да толку-то..

Известие о кражах лишило скопленных сил — будто выкачали изнутри эти силы; и когда Валентина Викторовна увидела во дворе белый, как ребра, брус только начатого (два года назад начатого) сруба, все еще стоящую рядом с крыльцом, уже покрывшуюся ржавым налетом печку, штабели постепенно трухлеющих досок, силы окончательно покинули... Кое-как добрела до кровати на кухне. Села, потом легла набок. «Ну вот и все, — подумалось, — последнее прибежище».

«Нет, не все! Не все!» — рывком поднялась и уже вслух повторила:

— Не все!

Достала из сумки лекарства; два пузырька,

как велел врач, убрала в холодильник, а один распечатала, взяла шприц, наполнила инсулином. Задрала кофту на поясище... Когда колела, наткнулась взглядом на стоящего в пороге мужа. Он смотрел недоуменно и вроде как-то брезгливо.

— Вот так, — объявила ему безжалостно, — вот так и будет теперь. По три раза в день.

Кончился июль, начался август. Погода, слава богу, была для огородных посадок благодатная — два-три дня пекло, а потом налетала гроза, обрушивался ливень, короткий, но успевавший напитать землю теплой влагой. Но для людей такое чередование отражалось на самочувствии. Все было тяжело, все валилось из рук. Люди сидели в избах, закрыв окна ставнями, и лишь по вечерам слышались звуки жизни: где-то что-то пилили, ругались или ругали скотину, куриц, включали магнитофон, иногда даже сами горланили песни.

Николай стал еще более молчалив и мрачен. Ютился у печки, пускал дым в чрево топки. Так же, как и зимой, раз в полчаса подходил к буфету, выпивал стопку спирта... Валентина Викторовна иногда не выдерживала:

— Ну занялся бы чем-нибудь! Нельзя же так совсем...

Тогда он поднимался и выходил на двор. Молча, внешне равнодушно. И мог несколько часов не возвращаться. В конце концов Валентина Викторовна отправлялась за ним.

Муж сидел или во дворе, или в огороде. Как-то затравленно взглядывал на жену, и у нее комком слез взбухала в груди жалость.

— Пойдем домой, — говорила она, — пойдем, поздно уже.

Без присмотра, заботы все очень быстро стало разрушаться, ломаться. Прясла на задах огорода повалились, и Валентине Викторовне пришлось несколько раз просить, а потом и требовать, чтобы Николай их поправил:

— Забредут ведь коровы, повытопчут всё. Что мы в зиму есть-то будем?!

Наконец он взял несколько слег, пошел. Поковырялся с полчаса, вернулся, лег на диван.

— Наладил? — спросила Валентина Викторовна.

— Угу. — И до утра лежал отвернувшись, даже на ужин не встал.

После одного из ливней потек потолок в летней кухне. Оказалось, шиферина лопнула. И снова Валентина Викторовна долго просила мужа как-то исправить.

По кузову «Москвича» пошли язвочки ржавчины, а однажды он перестал заводиться. Николай подзарядил аккумулятор, долго копался под капотом, а потом заявил:

— Все, ничего не могу сделать. Надо продавать эту помойку к чертовой матери. Больше не подойду к ней.

И сколько потом Валентина Викторовна ни просила, ни требовала, ни умоляла, на «Москвич» он даже не смотрел. А ездить все-

таки было нужно. Да и просто сознание, что теперь они без машины, — пугало. Словно еще одна нить, связывающая их с нормальной человеческой жизнью, обрубалась.

Когда стал подходить к концу инсулин, Валентина Викторовна отправилась к фельдшернице за рецептами. Та огорошила:

— А я рецепты не выписываю. Вы что... Я оказываю срочную помощь, даю направления...

— И где мне рецепт получить?

— Каждый второй понедельник месяца приезжает врач из Тигрицкого, она выписывает. С десяти до двух сидит здесь.

Валентина Викторовна посчитала дни и поняла, что лекарства до второго понедельника ей не хватит.

— И что мне делать? Мне инсулин нужен срочно.

— Ну, езжайте к ней. — Фельдшерница, женщина лет тридцати пяти, сохраняла равнодушное спокойствие, присущее здоровым, не понимающим, какво это болеть, людям.

— В Тигрицкое?

— Ну да.

— Гм... Спасибо за совет... Хитро у вас тут все закручено — хоть умираешь, а садись в автобус и езжай...

В Тигрицком рецепт выписали хоть и без радости («Своих нет времени обслуживать»), но довольно быстро. Врач даже поинтересовалась:

— Инвалидность оформили?

— Нет пока. Собираюсь.

— Надо.

— Да, да...

Получать инсулин нужно было в городе в специализированной аптеке, где обслуживали жителей района. Валентина Викторовна приехала на автобусе, выстояла очередь человек из тридцати. Наконец сунула рецепт в окошечко.

Казалось, и не взглянув на него, аптекарша отбросила листок обратно. Валентина Викторовна удивилась:

— Что такое?

— Сегодня эти не обслуживаем.

— А?

— Сегодня лекарства выдаются, — аптекарша заговорила с плохо скрываемым раздражением, — федеральным льготникам.

— А что это?

— Инвалиды. Рецепты зеленого цвета. У вас — серый. Вы что, не знаете ничего?..

— И... Погодите! — Сзади Валентину Викторовну уже слегка подталкивали. — И когда мой?..

— Приходите завтра. Не знаю. Это никому не известно.

Валентина Викторовна раскрыла рот, но слова не шли, захлестывало возмущение.

— Вы долго еще мяться будете? — особенно чувствительно толкнули ее в спину. — Тут тоже люди есть.

— Ну погодите! — Валентину Викторовну прорвало. — Я из деревни приехала, пятьдесят километров! И что, я каждый день неизвестно зачем должна!..

— И я тут тоже должна каждый день выслушивать! — так же возмущенно отозвалась аптекарша. — От меня, что ли, зависит?! Будут для вас лекарства — выдам, нет — нет.

Валентина Викторовна хотела идти жаловаться. Но куда? В отдел здравоохранения?.. И где гарантия, что чего-то добьешься?.. Она видела зимой по телевизору, что по всей стране с лекарствами неразбериха, митинги даже проходят из-за этого. Но тогда не придавала этому значения — считала себя здоровой.

Дома оставалось инсулина еще дня на два-три. Что ж, приедет завтра. Может быть, повезет.

Да, повезло. Получила три бутылка, шприцы. Радостно положила их в сумку. И тут же сама себя поддела: «Скоро и куску хлеба радоваться будешь».

Глава двадцать четвертая

Было время, Елтышев часто задумывался о смерти. Как так — ходит вот человек, видит, слышит, ощущает, думает, все, кажется, может, и вдруг перестает быть. Бац — и темнота, абсолютная пустота. Нет у человека ничего больше, и человека как такового нет. Лишь кусок мяса с костями, который нужно поскорее закопать в землю.

И чем чаще Николай Михайлович слышал разговоры о чем-то потустороннем: о призраках, голосах, полтергейстах, светлых туннелях, по которым летят клинически умершие, — тем острее ощущал полное «ничто» после смерти. А все эти разговоры — простой страх людей перед «ничто».

Работа в милиции закалила, точнее, очерстила — мертвые не вызывали особой жалости и страха, а чаще всего наоборот — раздражение. Мертвые требовали возни, внимания, за них нужно было отвечать, заботиться о них, писать длинные протоколы.

В последние годы Елтышев стал не любить живых. Многие из живущих рядом были

лишними, некоторые становились его врагами или теми, кто мешал жить ему и его близким. Особенно явно это стало в деревне. Борьба за существование, месть за унижение — проглотить обман, это ведь тоже унижение.

Но с самых недавних пор Николай Михайлович невольно, не желая и пугаясь этого, завидовал тем, кто умер. Умер быстро, не успев понять, что умирает; может, они и пугались, но пугались только в тот момент, когда смерть уже была неотвратима и уже ничего нельзя было изменить... Юрке завидовал (хотя тот, если верить его вдове и допустить, что у нее с головой все в порядке, помучился на том свете), Харину, этим пацанам, которых по пьяни зарубили, зарезали, даже сыну своему, чью пустую и ему самому немилую жизнь вдруг оборвал несчастный случай... Несчастный случай... Завидовал он потому, что почувствовал близкую старость. Настоящую, от которой уже не избавиться, не обмануть ни ее, ни себя. И с каждым месяцем будет хуже. А их впереди много. Может, и десятки лет. Как у тетки Татьяны. До полного изнеможения и маразма...

Просыпался без всякого желания вставать. Пытался представить, что может ожидать его сегодня хорошего. Не находил ничего. Но все же поднимался, натягивал одежду. И дальше тек напрасный, лишний, тяжелый день. Любое движение вызывало не то чтобы боль, а хуже — физическую тошноту. Ничего не хоте-

лось, нет — не могло — делать. Не могло жить. «Вот это и есть старость, — сидя возле печки и с отвращением втягивая в себя дым очередной сигареты, понимал Николай Михайлович. — Это и есть мерзость старости. Не болезни, не немощь тела, а вот эта тошнота».

Она подбиралась давно, но набросилась, повалила в то утро, когда жена потеряла сознание, а потом, вечером, Елтышев обнаружил, что их дом опоганили воры. После этого он уже жил через силу, и каждый день становилось преодолевать все тяжелее. И теперь он больше жены, кажется, ждал приезда Дениса — увидеть его, повиниться, что так у них все получилось. Развалилась семья, вымирает.

А судьба продолжала наносить удары... Как-то утром Николай Михайлович вышел во двор, как обычно, не оглядываясь по сторонам, поплелся к сортиру. Но все же заметил, почувствовал — что-то не то, не так. Обернулся на машину. Капот приоткрыт, на лобовом стекле чего-то не хватает.

Подошел, поднял капот. Да, аккумулятора (старый аккумулятор, дохлый уже) нет, и дворники сняты. В багажнике пусто — ни запаски, ни домкрата, ни сумки с ключами... Задвижка калитки отодвинута.

— Скотьё-о, — сказал Елтышев тихо, без

злости даже; он ожидал этого — раз нашли дорожку сюда, теперь не останутся.

На голодный желудок выпил граммов сто пятьдесят спирта, стал перебирать вещи в шкафу, в чемоданах.

— Что ты ищешь? — понаблюдав за ним, с плохо скрываемой досадой (смотрела телевизор, а он мельтешил) спросила жена.

— Да так, надо...

Нашел. В одном из чемоданов лежала его парадная форма. Сохранил после увольнения, и вот пригодилась. Взял, унес на кухню. Долго оглядывал, разглаживал пальцами морщины на ткани. Просить жену отутюжить было неудобно, да и не хотелось давать повод лишним расспросам.

Оделся, оглядел себя в зеркале... Черт, еще фуражку бы. Но фуражку выбросил при переезде — «все равно изменится»... Ладно, и без фуражки внушительно.

Поскреб бритвой лицо, протер выходные туфли влажной вехоткой... Не совсем, правда, по цвету к форме подходят...

— Скоро вернусь, — сказал из кухни жене.

— А куда ты?

— По делам тут надо...

Шагнул к буфету. Быстро наполнил стопку, бросил в рот горячий комочек спирта. Бормотнул:

— Ну, ладно.

Обошел всю деревню, и каждому, кого встречал, преграждал путь...

— Шутить со мной вздумали? Сына похоронил, так теперь решили, что можно, а? Я вас всех, скоты поганые! Всех-х! Вот Денис вернется, он тут наведет порядок, по стенке ползать будете! Ясно, нет? — И если человек молчал, уже ревел и приподнимал кулаки: — Яс-сно?! .

Кто-то бурчал: «Да-да», кто-то просто уворачивался от Елтышева и отбегал. Но вступать в перебранку никто не решался. Видели, в каком он состоянии.

И уже на обратном пути, когда Николай Михайлович слегка успокоился и ему хотелось снять форму, выпить еще и лечь спать, его окликнули:

— Эй, дядя, чего развоевался?

— Что?

Из-за забора выглядывал тот парень, что в день первой кражи продал Елтышеву бензин. То ли Гоша, то ли Глеб... Его, кстати, Николай Михайлович подозревал больше других — этот-то знал, что он уезжает, сам сказал ему...

— Что, — кажется, передразнил парень, — мать перепугал, валерьянку пьет. Она-то при чем?

— Все при чем. Ворье на ворье.

— Слушай, дядя...

— Ты выйди сюда, — перебил Николай Михайлович, — чего за забором?.. Выйди, поговорим.

— Слушай, мы ничего твоего не брали. И нечего к нам лезть.

— Я разберусь, кто брал, а кто... Скоро вот сын вернется, и разберемся...

— Он же умер, — удивленно сказал парень.

— Артем — да. Другой есть... Такому же в лобяру дал и сделал клоуном... Да ты выходи. — Елтышева стал бесить этот диалог, в котором он чуть ли не оправдывался. — Выходи, я с тобой один разберусь.

— Я говорю: я вашего не брал. А лезть будешь, тогда разберемся.

— Еще угрожать мне?! — дернулся Елтышев к забору, но вовремя опомнился: «И что? По-другому надо. Потом...» — Ладно, живи пока.

Пошагал к своей избе... Солнце выбралось на верх неба, палило. По вискам, груди тек пот. То ли от жары, то ли от ненависти к тем, кто разрушал его хозяйство, пригибало к земле... Не нашел он этих разрушителей — не обшаривать же каждый двор в поисках аккумулятора, канистр из-под спирта, запаски. Да и не в этом дело, не в старом аккумуляторе, лысом колесе. Сложнее всё, сложнее...

С трудом дотягивали до приезда сына. Срок у него кончался семнадцатого сентября, и теперь вместо жены первым Николай Михайлович отрывал листок календаря; Валентина была недовольна, но не протестовала.

Она все больше закливалась на своей болезни. Привозила из города какие-то витамины, пищевые добавки, брошюрки.

Читала вслух:

— «Лист брусники, почки березы, трава зверобоя, трава галеги»... Что это такое, галега? И где взять?.. «Лавровый лист, лист черники, плоды можжевельника»...

Слава богу, за спиртом приходили исправно. Даже тот рейд по деревне алкашей не отпугнул... Деньги кой-какие собирались. Кражу канистр, одна из которых была полной, удалось возместить без особых напряжений. Елтышев, конечно, рассказал о случившемся Сергею Анатольевичу; тот сухо посочувствовал:

— Бывает, бывает. Народ-то совсем...

Встречаясь во время походов в магазин или еще по каким делам с кем-нибудь, имеющим вороватый вид, Николай Михайлович обещал:

— Вот сын вернется, найдем, кому это чужое добро покоя не дает. Мы вам покажем!

Люди, видимо, опасались, что обещания исполнятся, — к Елтышевым наведалься участковый. Сначала спросил, что у них случилось, что украли, а потом, выслушав ответ и для видимости подосадовав, что вовремя, по свежим следам, не написали заявление, предостерег:

— Вы поосторожней будьте. Жалуются на вас, что угрожаете.

— А ко мне без всяких угроз в дом лазили, полмашины растащили!

— Да я понимаю, понимаю. Но все же

нельзя на всех подряд... Тем более, люди здесь мстительные. Мало ли что...

— А что? — Елтышев нехорошо прищурился. — А?

— Да мало ли, — стал скисать участковый, превращаясь в простого лейтенантика, который стоял хоть и перед бывшим, но все же капитаном. — Бывает... И жгут даже, и... Я понимаю вас, и раньше понимал... Кхм... Но все-таки...

Глава двадцать пятая

Весь август грохотали машины, бетономешалка, скрипел автокран, перекрикивались мужики на строительстве клуба... Все-таки строили клуб, а не церковь.

Вроде бы спешили, но до дождей поставили только стены, а затем исчезли вместе с техникой. В недостроенном клубе пацаны стали играть в войну, а взрослые — потихоньку растаскивать оставшиеся от лесов доски.

— Давай-давай, — кричал иногда Николай Михайлович вслед удаляющемуся с досками. — Ворь-рь!

...Вяло, через силу, Елтышевы собирали урожай. Выкопали картошку, повыдергали редьку, свеклу, морковку. С погодой повезло — было ясно и сухо — хорошенько просушили во дворе, спустили в подпол.

Валентина засолила несколько банок огурцов и помидоров, связала в косы чеснок. Солила капусту. Николай Михайлович много времени проводил в огороде. Но в основном сидел на ведре, курил.

Воздух в эти дни был особенно прозрачный и замерший, как и положено природой

для ранней осени. Земля спокойно, умиротворенно готовилась к холодам, к зиме. С берез медленно слетали желтые листья, с легким шелестом ложились на сухую траву, на ранее упавших собратьев. Сорняки ссыпали свои семена, которые проклюнутся — одни в апреле, а другие в течение всего лета, — чтобы продолжать существование всех этих ненужных, вредных, неистребимых растений.

Легкий ветерок шевелил сухие, папирусные листья подсолнухов, и тогда раздавалось унылое, какое-то пугливое поскребывание... Вечером галки начнут облет, будут тоскливо покрикивать, рвать душу...

Николай Михайлович поднялся. Стал ковырять лопатой в морковной гряде. Валентина уже прошла по ней на днях, выдернула, какую удалось, за ботву, но много осталось в земле. Николай Михайлович втыкал лезвие лопаты и не то чтобы слышал, а скорее чувствовал хруст разрезаемых морковин... Черт, словно чьи-то пальцы режешь... И вспомнилось, как хрустнули позвонки у Харина... Николай Михайлович бросил лопату, снова сел на перевернутое вверх дном ведро.

Вечерами заметно свежело, воздух напитывался сыростью, гниловатой влагой. Сырость и влага приходили волнами с пруда, и так же, волнами, навевало терпкий запах свиного навоза. Будто где-то в свинарнике то включали, то выключали вентилятор. Иногда

запах был таким резким, что щекотало ноздри и хотелось чихнуть...

В первых числах сентября, будто подтверждая календарное наступление осени, пошел многодневный, тоскливый дождь.

Телевизор стал показывать совсем невыносимо — даже на первом канале была сплошная рябь, лица людей не разобрать. И звук плавал, случалось, пропадал или уходил на другие частоты.

— Давай антенну купим, в конце концов, — не выдержала жена, — в магазине за четыре тысячи стоят.

— Да толку-то... — Николай Михайлович отмахнулся; телевизор его мало интересовал, и если он смотрел в экран, то почти не обращал внимания, что там делается: в голове вертелись мысли, зыбкие, неоформленные, но навязчивые.

Валентина все же проявила настойчивость, стала требовать, но требовала не столько саму антенну, сколько не падать духом:

— Нечего опускаться! Раскис, как этот. А мне что тогда делать?! Я вон вообще инвалид пожизненный теперь. Ты представляешь, что такое сахарный диабет?! Каждую минуту о нем помнишь... Но ведь жить надо, жить! Давай пошли за этой антенной, а то совсем... Как в склепе тут...

И Елтышев отправился в магазин.

Антенна была огромной, формой напоминала локатор, но легкой. Основную ценность

представляли приставка, пульт дистанционного управления и кабель... Вместе с антенной дали номер телефона мастера по установке.

Пока дозванивались до мастера (услуги его стоили четыреста рублей), пока ждали приезда, пока прибывали антенну-локатор, сверлили стену избы для проводки кабеля и настраивали программы, как-то не очень заметно и тягостно прошло несколько дней.

Потом, опять же под напором жены, Николай Михайлович занялся ремонтом сначала бани («Денис приедет, и как ему мыться там? Это же завалюха, а не баня»), а потом и машины. Пришлось съездить за новым аккумулятором, два дня копаться под капотом. Но — без толку. Елтышев бросил:

— Я не механик

— А с дровами как? — плачущим голосом спросила жена. — До холодов — месяц!

— Купим машину обреси. Копейки стоит.

— Какой от них жар? Угля-то нет почти...

— Все!.. Все, хватит! Не замерзнем. Денис приедет, решим.

Дождались семнадцатого числа. Накануне Валентина Викторовна съездила в город, купила продуктов, даже малосолевых хариусов на рынке взяла, бутылочку коньяка. Заодно продолжила (процесс этот тянулся больше месяца) оформлять пенсию по инвалидности...

В слабом, без праздничного стола, но все же ожидании провели семнадцатое и восемнадцатое, потом, то и дело прислушиваясь, поглядывая в окна и за забор, еще два дня. Двадцать первого Валентина Викторовна порывалась пойти на почту звонить, но муж уговорил подождать еще:

— Пока то да сё, в городе, наверно, с друзьями. Пусть погуляет.

Но сам был как на иголках: несколько раз даже к калитке подбегал — казалось, стучат, — но там было пусто. И никогда так не раздражали покупатели спирта — всех их сначала принимал за вернувшегося сына.

Двадцать второго сентября, после утреннего автобуса, жена все же пошла на почту. Вернулась расстроенная.

— Что? — испугался Елтышев. — Не вышел?

— Да вышел. Уехал, сказали...

— И куда?

— Ну куда — домой, им сказал. Я сказала, что нету, а этот шутить стал: взрослый, говорит, у вас сынок, мы ему теперь не няньки.

— Черт, надо было встречать. Мало ли... Пять лет на зоне, с психикой за это время...

— Не пугай ты хоть, ради бога! И так...

— Все-все-все, — Николай Михайлович обнял жену. — Будем ждать. Все нормально будет.

..Денис прибыл двадцать пятого днем.

Подкатил на белой иномарке. Вышел, распрямился, огляделся, потягиваясь, по сторонам.

— Так, — сказал громко водителю, — держи пятихатку. — И пошел навстречу выбегающим из калитки родителям.

Были объятия, слезы, быстрые, не требующие ответов, вопросы... Николай Михайлович не видел сына четыре с лишним года — ездил на свидание один раз и больше не смог: наблюдать Дениса в черной зэковской робе, всю эту архитектуру и порядок колонии, чувствовать себя, капитана милиции, тоже чуть ли не зэком было невыносимо. На следующие свидания отправлял жену одну; Артем же никогда ехать к брату желания не выказывал.

Да, за эти годы сын изменился, из парня превратился в крепкого, знающего себе цену мужчину. Спокойней стал, но и уверенней в себе.

— Ничего, мать, — говорил, поглаживая плачущую Валентину, — ничего, поднимемся. Главное, живы. — Но, видимо, вспомнив об Артеме, кашлянул: — Кхм... Брата-то здесь похоронили?

— Да, — кивнул Николай Михайлович, — где же еще...

— Ну, в городе, может... Ничего, выберемся отсюда. А здесь пусть дача будет. Купим квартиру. Двухкомнатная, я узнавал, восемьсот тысяч стоит.

— Рублей?

— Ну да.

Николай Михайлович прикинул в уме — вообще-то не так уж много. Всего восемьсот ярко-голубых тысячных бумажек. Но где их взять... И сказал вслух:

— Да где их взять? Тут с копейки на копейку...

— Найдем, заработаем.

Сидели за столом. Валентина, утирая слезы, пододвигала сыну то одно, то другое:

— Кушай. Я к семнадцатому накупила всего, ждали-ждали... Дождались.

— Харюска бери, — тоже двинул тарелку с рыбой Николай Михайлович, — с душиком уже, правда, но вкусный. Многие его с душиком и любят...

— Хариус — это да. — Денис ел, но не жадно, смакуя. — А здесь река есть? Рыба какая?

— Да какая здесь рыба... В пруду карась, карп. Да я не рыбачу...

— А, это, у Артемки же сын остался?

— Остался.

— И как он? Жена... вдова как?

Валентина горько вздохнула:

— Мы с ними, сынок, не общаемся. Я не рассказывала, не писала, но из-за нее, из-за этой все. Окрутила Артема, женила...

— А сама, говорят, блядь конченная, — вставил Николай Михайлович, скорее чтоб закончить эту тему, но жена продолжала плачущей скороговоркой:

— И родители ее... Поселили Артема у себя, как работник был. К нам редко приходил,

строительство дома вон, как началось, так и... Сам видел. Присылали его сюда за деньгами, и чтоб сразу обратно... Но и им отплатилось. Слышала, муж совсем с ума сошел. Как растение. Да и ничего удивительного — жена чуть что, по голове его лупила. Вот и долупила — теперь с ложечки кормит.

— Но внука, — настаивал Денис, — надо как-то... Чтоб нашим парень рос.

— Что, на поклон к ним идти? — посуловел Николай Михайлович. — Мне тут вообще ни с кем дела иметь не хочется. Подлые, жадные... Да ворьё просто. — Доразлил по стопкам коньяк. — Тут вот мать заболела, прямо свалилась — сознание потеряла, и повез в больницу. Возвращаюсь, дом обшмонан... Через несколько дней — опять. Потом вообще, пока спали, «Москвич» обработали...

— Ладно, батя, — выдохнул уверенно Денис, — разрулим проблемы. Все наладим... Ну, за то, чтоб теперь, после всех геморроев, да и что там, конечно, и трагедий, начало нам фортировать.

— Да уж пора бы...

Выпили. Николай Михайлович достал из холодильника бутылку спирта.

— Давайте паузу сделаем. — Сын поднялся, прошел по кухне; половицы скрипели, но скрипели сейчас как-то уважительно-уютно, словно под ногами настоящего хозяина.

Заглянув в соседнюю комнату, он увидел висевшую на стене гитару.

— О, наша, старенькая, — снял, вернулся к столу, попробовал струны. — Уцелела и даже настроена боле-мене.

— Гитара-то уцелела, — всхлипнула Валентина Викторовна.

Денис заиграл грустную, неторопливую мелодию. Потом запел:

Иду домой, облепят, словно пчелы:
«Скажи, мамаша, а когда придет Сергей?..»
А у одной поблескивают слезы.
Ты возвращайся, сыночек, побыстрей.

— Ладно, бать, наливай!

...Пришел сентябрь, и пишет сын мамаше:
«Не жди, родная, да ты не жди меня домой —
Лагёрный суд судил меня по новой
За то, что мы порезали конвой!..»

Отложил гитару на кровать, не чокаясь выпил, снова поднялся. Прошел от стола к печке, потянулся. Николай Михайлович с женой молча следили за ним, любовались.

— Пойду пройдушь немного.

Валентина тут же встревожилась:

— Темно уже...

— Да ладно, мам, ты чего! — И снова напел: — Выйду на у-улицу, гляну на сел-ло-о!.. — Накинул куртку, салютнул рукой и, пригнув голову в низком дверном проеме, шагнул в сенки.

Потом этот его жест рукой долго, будто зайчик электросварки, стоял в глазах Елтышева. Застилал остальное...

А тогда они молча сидели с женой за столом. Мягко светила под потолком лампочка, изредка ударялась о раковину упавшая с носика умывальника капля. Говорить ничего не хотелось, да и не нужно было. Сын, крепкий, закаленный испытаниями, наученный жизнью, готовый и, кажется, способный свернуть горы, наконец-то вернулся. Он здесь. Теперь все наладится. Постепенно, конечно, трудно, но начнут выбираться из этой ямы. Возвращаться в человеческую жизнь.

Николай Михайлович выпил еще немного, с аппетитом съел кусок нежного хариуса, перебрался к печке. Закурил сигарету, далеко выпустил изо рта дым первой затяжки.

— Что, со стола убирать? — спросила жена.

— Да ну погоди пока. Еще, наверно, посидим. Куда нам спешить... Тебе укол-то не пора уже ставить?

Валентина глянула на часы.

— Ой, да! — Метнулась в комнату. — Спасибо, дорогой, напомнил.

«Дорогой»... Так она называла Николая Михайловича давным-давно, в восьмидесятые. Тогда в выходные они вчетвером — он, она и сыновья — гуляли по городу, катали Артема с Денисом на каруселях в парке культуры и отдыха, а потом обедали в открытом кафе на набережной. Шашлыки ели... Шашлыки бы надо как-нибудь устроить...

Затушил едва докуренную до половины

сигарету о порожек топки. Хотел положить окурок в пепельницу, а потом бросил на колосники. «Сокращать надо курение. Турник сделать, подкачаться». Напряг, потрогал бицепс на левой руке. «Да, жидковато».

— Эй, хозяева! — раздалось во дворе. — Есть кто?

«Кого там?!» Покупателей спирта сейчас совершенно не хотелось. И вообще пора закружаться с этим. Деньги не ахти какие, а репутация...

Елтышев вышел. Не сразу различил в темноте силуэт у калитки.

— Что нужно? — сказал недовольно.

— Это не ваш парень лежит там?

— Какой парень? Где? — И хотел добавить: «Что за чушь мелете?!» — а сам уже шел на улицу.

Неподалеку от строящегося клуба метался свет карманного фонарика. Не замечая, что бежит, Николай Михайлович повернул туда. Тело горело огнем, и в мозгу мелькнуло удивление: «Почему жарко так?»

Кто-то отшатнулся от Елтышева, кто-то что-то сказал... Николай Михайлович остановился над лежащим на траве человеком. Смотрел и ничего не видел. Свет фонарика замер на лице. Денис. Неподвижное недоумение... Свет пополз ниже... В груди тонкий, как карандаш, стальной штырек. Николай Михайлович не сразу его и разглядел.

...Рвался, рычал; его держали, крутили руки, били. Он тоже бил, не разбирая, кого, куда. Потом тащили... Очнулся, вынырнул из кровавистого мрака в тесной комнатке. Полно милиционеров, а напротив, в гражданском, знакомый следователь. Уже когда-то допрашивал...

— Я знаю, кто сделал, — хрипло, сквозь боль произнося каждое слово (в висках клокотало), сказал Елтышев. — Знаю...

— Кто?

— Пошли... — Хотел приподняться, но двое милиционеров надавили на плечи, вжали в стул. — Да я знаю их!

— А доказательства есть? — спокойно задал новый вопрос следователь.

— Да какие доказательства?.. Есть до... есть доказательства.

— М-м... Мы, конечно, пальцы с заточки снимем, будем искать. Но только... Курить будете? — Елтышев отрицательно мотнул головой, а следователь закурил. — Но, понимаете, мы можем и старуху ту вспомнить из погребка. Тетку вашу, да? И Харина, и сына вашего. Всё странные смерти, и все на несчастные случаи списаны... Если начать копать, тут столько всего всплывает. Вам это надо?

— Да я!.. — Елтышев рывком вскочил. — Я тебя, г-гад!..

И тут же несколько рук отбросили его к стене и вниз. На стул.

— Есть у тебя подвал надежный какой? —
Голос следователя. — Надо его... пускай осты-
нет... Есть, нет?

— За магазином подвал, — снулый голос
участкового.

— Во, само то!

— Сейчас за ключами сбегаю.

Глава двадцать шестая

Валентина Викторовна Елтышева живет по адресу: село Мураново, улица Центральная, дом двадцать восемь. Живет одна, ни с кем не разговаривает, но целыми днями сидит у калитки на обрезке бруса. Обрезок заменяет ей лавочку. Утром выволакивает на улицу, вечером заволакивает обратно во двор.

Как она переживает долгие, пустые дни, о чем думает, ради чего вообще живет, кажется, никого не интересует. Да и без нее много в деревне таких же одиноких старух. Некоторые по возрасту вроде бы и не совсем старухи еще, но образ жизни у них старушечий. Сидят у калиток, смотрят перед собой, то ли вспоминают прошлое, то ли просто ждут конца.

Раз в месяц приходит почтальонка и выдает пенсию. Сумма постепенно повышается, правда, Валентину Викторовну это не радует. Да и цены растут... Ходит она за продуктами редко, покупает крупу, хлеб, консервы; продавщицы отмечают, что любит молочный шоколад... Огород ее почти весь зарос сорняком, лишь по ближайшему к хозяйственным по-

стройкам краю есть еще полоска картошки да две-три грядки...

Муж Валентины Викторовны пережил младшего сына на полгода. Все перед смертью жаловался, что в голове гудит. «Знаешь, — говорил, — как ток в столбе. В детстве слушали...» Умер он в начале марта. Вышел как-то на крыльцо, постоял и рухнул на землю. Туда же, куда упал год назад старший сын. Умер сразу... В город не возили, вскрытия не делали. С помощью управляющего похоронили на другой день. Без поминок.

Автомобиль Валентина Викторовна продала местному жителю, у которого тоже был «Москвич» и той же марки.

— Их выпускать-то перестали, — объяснил он причину покупки, — будет на запчастях. — Оттащил на буксире к себе.

В тот же вечер пришли к Валентине Викторовне ребята лет двадцати, потребовали пять тысяч (продала она машину за десять). Валентина Викторовна возмутилась.

— Ну, смотри, тетка, — сказали ребята, — останешься и без денежек, и без избы.

Пришлось отдать... Потом еще несколько раз, в день пенсии, подходили, брали, но уже по мелочи — на бутылку.

Спирт Валентина Викторовна не продает — ей, кажется, ничего уже не надо. Если бы она могла, то умерла бы скорее. Но не может и продолжает жить...

В деревне стало получше с работой — приехали несколько таджиков и взяли в аренду заброшенные поля. Распахали, засадили картошкой. Для этого наняли местных. Потом наняли для окучивания и охраны. В августе — для копки. Платили неплохо. Правда, некоторых работников через несколько дней рассчитывали — «ленивых не надо», — те обижались, грозились «устроить черножопым». Но вроде больших неприятностей не было. Для большинства же работа на полях стала поистине спасением — впервые за многие годы получили приличные деньги на руки... Картошку таджики увезли к себе в Таджикистан. Там, говорят, она плохо растет, дорого стоит... На следующий год снова арендовали поля.

Но в целом деревня все та же — сонная, бедная, словно бы готовая вот-вот превратиться в горки трухи, исчезнуть, но каким-то чудом продолжающая существовать.

Клуб так и не достроили. Несколько раз пригоняли технику, привозили материалы, два-три дня кипела работа, а потом — снова тишина, и движущиеся тени по вечерам, ищущие, что бы унести полезного.

Позапрошлая зима выдалась особенно снежной, избы завалило в прямом смысле по самую крышу, движение по дороге то и дело прерывалось, приходилось расчищать снег грейдером.

Весну обещали дружной, и, боясь навод-

нения (по крайней мере, так объясняли), решено было спустить пруд. Кое-кто запротестовал, но вяло, зная заранее, что не послушают.

В середине марта, как только начало таять, разобрали плотину. И тут же на пруд устремились мужики, подростки и даже несколько женщин с ведрами, сачками, ломami. Одни сторожили рыбу ниже плотины, другие долбили лед над родниками — там он всегда был тонковатый, пытались достать добычу сачками, а то и просто руками... Эта не особенно удачная ловля продолжалась около месяца, а потом, когда открылась мелкая вода, устье речки Муранки, карасей и карпов стали таскать мешками. Ели, замораживали в холодильниках и ледниках, а в основном продавали.

Предлагали рыбу и Валентине Викторовне. В первый раз она отказалась, а потом ей намекнули: лучше купить, не обижать. Она купила раз, потом еще...

К лету пруд наполнился до обычных своих берегов, но уже на следующий год стал зарастать водорослями, камышом. Рыбы почти не осталось — мужики ставили сети, попадало в них по паре карасиков, а на удочку вообще не клевало.

— Ниче-о, разведется, — говорили рыбаки, пустыми уходя домой, и сладковато-грустно вздыхали, вспоминая, видимо, прошлогодние мешки с бьющейся добычей.

Да, жизнь Валентины Викторовны со стороны выглядела совсем пустой. Иногда к ней, сидящей возле калитки, подходили соседки, знакомые, подруги юности, пытались заговорить, скорее от скуки, чем из жалости, горевали о ее сыновьях и заодно, суховато, о муже, которого не любили. Несколько раз останавливалась и вдова Харина, рыдающе шипела:

— Сиди-ишь? Сиди-сиди... Знаю, кто моего прибил там, в лесу. Зна-аю. И вот получили отплату. Радуйся теперь. Отлились мои слезы...

Валентина Викторовна не обращала внимания ни на сочувствие, ни на обвинения. Глядела невидяще перед собой.

Но в голове постоянно, особенно отчетливо по вечерам, когда пыталась заснуть, как пленка, прокручивалось прошлое. От самого раннего детства, когда играда в стеклышки вот здесь же, где сидит теперь, и до той осени, когда увидела лежащего с железным штырьком в груди Дениса. После этого все стало неважно, все уже потеряло смысл и значение. И смерть мужа встретила почти с завистью, — он вот отмучился, а ей тянуть эту ненавистную лямку. Неизвестно еще, сколько... не знала, что недавно так же завидовал мертвым и Николай...

Она ждала смерть, призывала ее, но в то же время исправно делала себе уколы, сердилась, когда вовремя не приносили инсулин (добилась, чтобы лекарство доставляли на дом, как одинокому инвалиду). Ругала себя за

это, зло посмеивалась — «хо-очешь жить», — и все же продлевала эту ненужную теперь жизнь. И искала, искала в голове какие-то зацепки, просветы, которые вернули бы смысл быть ей на земле.

К невестке и внуку не ходила. Тяповых по-прежнему считала главными виновниками того, что Артем стал им чужим, что развалилась их семья; Родион же, хоть и внук, последний из рода Елтышевых (есть, наверное, где-то еще, но где, да и зачем они?), но... Не могла Валентина Викторовна сердцем принять, что он — их, что он — родной ей человек.

И вновь мысленно повторяла то, что говорила и себе, и другим уже десятки раз: на Валентине этой пробы ставить негде, ложилась под всех парней в деревне и вот захомутила свеженького, перепуганного потерей квартиры, переездом в темную избенку. А разве такая, заполучив мужа, остановится? Любой бывший хахалек в заулке встретит, подол ей задерет, и она нагнется... Да и сам Артем говорил, что давала повод в себе сомневаться, бегала куда-то, спать с ним отказывалась. Поэтому и рвал с ней, сюда возвращался, а потом опять...

Эх, Артем, Артем, и сам запутался, и их измотал, измучил. И пошло все кувырком, и нет больше семьи Елтышевых... Трех мужиков, и каких мужиков, в один год...

Как-то от соседки, от какой именно, не запомнила, да и не заметила, Валентина Вик-

торовна услышала, что умерла ее сватья. «Похороны завтра. Я посидела у гроба — не узнать, — журчал голос, — высохла вся, прям тростинка. В момент сгорела. Что ж, рак...»

Валентина Викторовна выслушала это известие внешне равнодушно, лишь покивала, отсутствующе глядя вдаль. Но с той минуты стало расти в ней желание пойти и увидеть внука. словно бы какой-то замок в запретной двери открылся... Боролась с этим желанием, разжигала в себе злобу на невестку, вспоминала обиды от Тяповых — как снисходительно-враждебно допускали тогда понянчиться с младенчиком Родиком, как наверняка за деньгами посылали к ним Артема: «Не работаешь сам, так пускай родители твои помогают». Много чего вспоминала, а больше выдумывала, но вскоре желание пойти стало непреодолимым.

Два дня одевалась в выходной костюм, даже губы подкрашивала и все же удерживалась. Пошла на третий. Утром. По пути купила в магазине коробку конфет «Ассорти».

Дорога показалась очень длинной и тяжелой. Поначалу Валентина Викторовна думала, что это с непривычки — давно не ходила никуда дальше магазина, — а потом заметила, что шаги ее мелкие, совсем старушечьи. Непомощные шажочки. Испугалась было, и тут же с вызовом спросила саму себя: «И что? И что ты хочешь-то после всего?!»

Прошла по дамбе, по мостику над плоти-

ной. Поднялась на взгорок, и вот впереди несколько двухквартирных домиков с застекленными верандами. Второй слева — их...

Постояла, налаживая дыхание, вытерла пот со лба чистым платком... Медлила, оправдываясь тем, что плохо себя чувствует, но на самом деле боялась постучать. Понимала, что произойдет дальше, и все же надеялась.

Наконец собралась с духом, сделала последние несколько шагов. Только приподняла руку, как неожиданно близко, сразу за калиткой, басовито загавкала собака. Валентина Викторовна от неожиданности отшатнулась.

— Фу, Трезор! — послышался женский голос в глубине двора. — Фу, сказала!

Но Валентина Викторовна постучала, и собака загавкала еще яростнее.

Лязгнул засов, и появилась невестка. Подурневшая, лицо суховатое, глаза измученные, колючие. Увидела свекровь, на мгновение, кажется, испугалась, но тут же приняла надменно-суровый вид.

— Здравствуй, Валя, — сказала Валентина Викторовна.

Невестка молчала. За ее спиной продолжала гавкать, рваться с цепи собака.

— Валя, у тебя мама умерла? — не зная, что говорить, спросила Валентина Викторовна, и не получила ответа, даже кивка. — Я... Я вот что... Я с Родей повидаться пришла. Попроведать. Конфеты вот...

Невестка опять никак не отреагировала. Смотрела каменным взглядом.

— Можно? — зная уже, что ничего не получится, проговорила Валентина Викторовна. — Внучика...

— Нет у вас никакого внучика, — убийственно четко ударила словами невестка.

— Как нет? Что с ним?

— Ничего. Просто нет у вас внука. И все.

— Валя... — Валентина Викторовна почувствовала, как по щекам потекли слезы, впервые за многие месяцы. — Валя, давай не будем. Что уж нам делить теперь? Что делить-то? Прости меня... — Слезы мешали говорить; забыв о платке, Валентина Викторовна вытирала их ладонью. — Прости, что тогда со свидетельством так... Прости, и давай... Вместе теперь нам надо держаться.

— Чего там? — мужской голос, недовольный и молодой. — Достали лаем уже. Чего там, Вальк?

Та оглянулась во двор:

— Ничего, Саша, сейчас. — И стала закрывать калитку.

— Ва-аля... — простонала Валентина Викторовна.

Лязгнул засов.

— Ну все, все, Трезор. Хватит. Успокойся...

Несколько дней отходила от этой сцены. Спала плохо совсем, ворочалась на скрипящем диване, старалась не думать, но мысли

лезли и лезли, и всё тяжелые, давящие; физически чувствовала Валентина Викторовна, как разрывают сердце эти мысли...

Начиналась очередная осень, третья ее одинокая осень. Валентина Викторовна удивлялась тому, как она смогла столько прожить после смерти родных людей, пыталась вспомнить, что происходило за это долгое время одиночества. Ничего не вспоминалось. Лишь сидение на обрезке бруса у калитки, открывание и закрывание вечно теперь полупустого холодильника, уколы... «Скоро уже, скоро», — вдруг услышала словно бы наяву, рядом успокаивающий и уверенный голос.

Распахнула глаза, села на диване. Огляделась. Было темно и совершенно, до писка в ушах, тихо. Хотелось спросить: «Кто здесь?» — но и страшно нарушать эту тишину.

Медленно, стараясь не скрипеть диванными пружинами, не шелестеть бельем, Валентина Викторовна снова легла. И вспомнила, что не сделала еще, наверное, самого важного — памятник до сих пор не поставила. Муж и сыновья лежали рядом — можно поставить один на всех. И огородить все три могилки.

«Умру действительно, тумбочки упадут — и как не было...» Решила ехать в город. Возле центрального рынка была мастерская...

Утром достала альбом с фотографиями, начала было листать. Мать, школа, та же Центральная улица с теми же избушками, свадьба, Артем в садике, Денис на качелях... Сами

собой полились слезы; Валентина Викторовна скорее нашла три подходящих снимка, убрала альбом в тумбочку.

Все деньги брать с собой не стала. Из тайника в чулане, надежно защищенного и от людей, и от крыс железной пластиной, достала пять тысяч. Замкнула дверь на замок, дернула, проверяя, и горько усмехнулась: «Кому надо, сломает и войдет. И заберет все, что надо».

...Мраморный памятник оказался не по карману. Можно было купить небольшой мраморный столбик, но на три могилы это выглядело бы убого. Гранитный тоже стоил дорого. Посоветовавшись с мастерами, Валентина Викторовна решила купить металлический.

— Полста лет спокойно простоит, — заверили ее. — Главное — красить раз в два-три года, чтоб ржавь не съела.

— А фотографии на него как? Надпись?

— Надпись можно на мраморной плашке сделать. Красиво.

— А как ее прикрепить?

— Прикрутим. Надежно будет. И фотографии.

— Хорошо... Я вам верю. — И Валентину Викторовну снова стали душить слезы.

Договорилась и об ограде. Точного размера не знала, сообща с мастерами высчитали, какой она примерно должна быть. Дала бумажку с именами мужа и сыновей, свой адрес.

— Всё, в следующий понедельник привезем... Три тысячи аванса, пожалуйста.

Обменяла деньги на расписку, пошла в находящийся рядом салон фотографии.

— М-м, — грустно покивал мужчина у кассы, выслушав Валентину Викторовну. — В аварии?

— Что?

— В аварии погибли?

— Нет... Другое...

— Рамку делать на портреты?

— А как лучше?

Мужчина вздохнул:

— С рамками фотокерамика лучше, конечно, но, понимаете, сдирают их. Там и алюминия-то двадцать грамм, а... Ничего у людей святого.

— Тогда без рамки. И еще, — Валентина Викторовна кашлянула болезненно, — я из деревни, не могу часто туда-сюда... Вы не могли бы готовые портреты в мастерскую передать. Здесь вот...

— Да-да, я знаю.

— Только не позднее понедельника. Они в понедельник памятник повезут, ограду...

— Хорошо.

— И очень прошу вас, не обманите, пожалуйста...

Расплатилась, взяла чек. Вернулась в мастерскую памятников, предупредила, что им занесут три портрета.

— Не перепутайте только, ради бога. И...

там я список оставляла. Елтышевы — Николай Михайлович, Артемий Николаевич, Денис Николаевич... Не перепутайте, очень прошу!

На нее уже стали немного сердиться, и Валентина Викторовна направилась к автовокзалу. Но, глянув на часы, увидела, что до автобуса еще три часа.

Постояла в раздумье, как провести эти три часа. Хотела было посмотреть на места, где жила, работала — «может, в последний раз здесь», — зайти в библиотеку. Но не решилась — уже от мысли, что увидит дорогое и навсегда потерянное, сердце заколотилось, в горле вспух горький комок. А что будет, когда действительно увидит, заговорит со знакомыми, у которых все хорошо...

Купила на рынке немного колбасы, мяса, сыра и — не удержалась — маленькую золотистую дыньку. Медленно добрела до автовокзала, села на скамейку. Стараясь не замечать окружающих, забыть, что она там, где прожила столько лет, где родились ее сыновья, дождалась автобуса.

Устроилась сразу за водительской кабиной — там меньше трясло — и снова отстранилась, не видела, кто заходит, кто садится рядом. Лишь когда кондукторша потребовала расплатиться, оторвала взгляд от спасительного пятнышка на стекле, протянула сорок рублей. Бесплатный проездной, положенный ей как пенсионерке, Валентина Викторовна

не оформляла: не было больше сил ходить по кабинетам, собирать и предъявлять документы, торчать в очередях...

День был хороший. Ясный, теплый, какой-то ласковый. Природа вокруг, даже трухлявые строения, чудесно светились, будто на акварельной картине. И особенная тоска царапала душу — особенно острая. Лучше бы уж дождь, ветер, слякоть... По дороге от остановки к дому Валентина Викторовна услышала радостные детские визги. Не сразу догадалась, что это в детском саду — наверное, была прогулка после тихого часа.

Несмотря на тяжелую сумку, свернула в проулок. Пошла к садику. Он был тут рядом, каких-то метров двести... Шла и чувствовала, как из глаз медленно вытекают слезы, сползают по бороздкам морщин к подбородку, ссываются... Визги и крики, смех уже рядом. Невысокая — по грудь — ограда из штакетника. За ней железная ракета, грибок, турнички, горка. Бегающие дети. Две молодые воспитательницы сидят на табуретках, разговаривают.

Валентина Викторовна смотрела на ребятшек, никого особенно не выделяя, просто любуясь ими. Любуясь и тоскуя. И тут как ударило — глаза нашли мальчика лет пяти, неправдоподобно сильно похожего на Дениса. Он так же, как маленький Денис, руководил

другими мальчиками, так же помахивал рукой, так же недовольно хмурил брови.

Она не сразу поняла, что это ее внук.

— Родя, — позвала негромко, даже и не надеясь, что он услышит, но не могла не позвать. — Родичка.

Мальчик обернулся, увидел Валентину Викторовну. Что-то мелькнуло в его взгляде, и это «что-то» дало ей право поманить мальчика к себе.

— Родичка, подойди, родной.

Он подошел; другие мальчики, явно обрадованные, что ими больше не командуют, полезли в ракету.

— Родичка, я... — задыхаясь, говорила Валентина Викторовна, — я твоя бабушка. Не помнишь меня?

— Не помню.

— И папу... Артем твоего папу звали... Не помнишь?

Мальчик снова нахмурился.

— Мой папа — Саша. Мама — Ваинтина.

— Артем твоего папу звали. Артем Николаевич Елтышев. — Валентина Викторовна говорила тихо, но четко, убеждающе. — Запомни. Артем Елтышев. А тебя зовут — Родион Артемьевич Елтышев.

— Я не Ей... Я — Петъунин.

— Твоя фамилия Елтышев! — чувствуя, что теряет голову, почти прокричала Валентина Викторовна. — Ел-ты-шев.

— Я — Одион Петъунин, — твердо отве-

тил мальчик. — Живу — улица Заецьная, дом семь...

— Ты Елтышев. Запомни на всю жизнь! — перебила Валентина Викторовна. — Елтышев! Последний ты у меня! — Схватила мальчика за плечо, затрясла. — Запомни!.. Я в суд подам... Ишь ты!..

Подбежали воспитательницы. Одна выдернула мальчика, другая накинулась на Валентину Викторовну. Что-то верещала, отталкивая от ограды... Валентина Викторовна выронила сумку, вцепилась ей в волосы.

— Елтышев он! Поняли?! Елтышев... Мой он!

— Нина! — крикнула, вырвавшись, воспитательница. — Нин, за участковым беги!.. Дети, быстро все в группу!

Валентина Викторовна медленно сползла по ограде на землю. Громко, задыхаясь, рыдала... Через какое-то время, немного придя в себя, попыталась встать, но не смогла. Ног не чувствовала, руки срывались со штакетин.

Площадка садика, проулок были пусты. Помочь было некому.

Литературно-художественное издание
ПРОЗА ЖИЗНИ. ЛУЧШИЕ СОВРЕМЕННЫЕ АВТОРЫ

Роман Сенчин

ЕЛТЫШЕВЫ

Ответственный редактор *Л. Михайлова*
Выпускающий редактор *Ю. Качалкина*
Литературный редактор *Н. Качалкина*
Художественный редактор *Н. Никонова*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Е. Дмитриева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 11.08.2009.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Бумага офс. Усл. печ. л. 16,8.
Тираж 3 000 экз. Заказ 225.

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**
E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

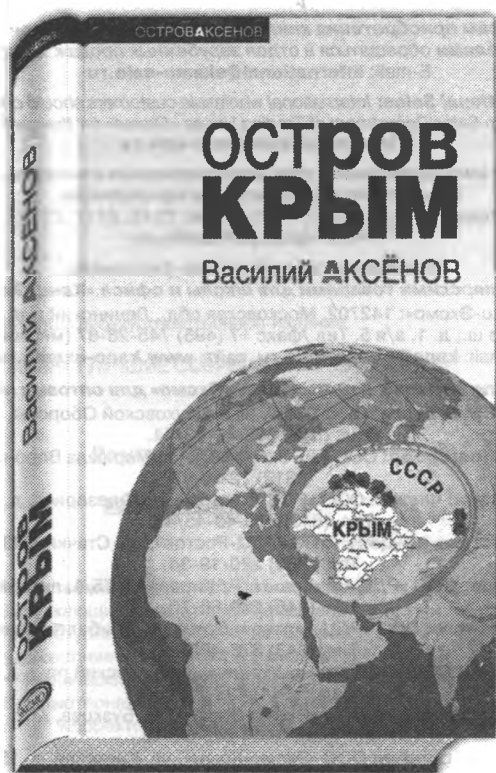
Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

В море множества книг есть остров,
который нельзя не посетить...

Эта книга – не о вымышленном острове, а о сегодняшней России, о двойственности жизни в "постперестроечную" эпоху. "Остров" до сих пор читается на ура. В чем секрет? В неожиданной современности романа, который был издан почти тридцать лет тому назад: ведь в жизни острова Крым ты до сих пор пытаешься найти и находишь суть дня сегодняшнего...

www.eksmo.ru

Серия "Остров АКСЕНОВ"

Роман Сенчин родился в 1971 году.
В 2001 году окончил Литературный институт.

Автор романов «Минус», «Нубук», «Вперед
и вверх на севших батарейках»,
«Лед под ногами», «Московские тени».

Лауреат премий журнала «Знамя» (2001),
«Эврика» (2001), «Венец» (2007).

*Роман Сенчин – один из самых ярких, умных, важных
людей в современной литературе. Он не пытается
умничать, и говорит о том, что знает. Важное
достоинство в наши странные и пошлые дни.*

(Захар Прилепин)

ISBN 978-5-699-35738-3

9 785699 357383 >